

Лингвистические и социокультурные аспекты иностранных языков

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

Электронный сборник материалов
XIV Республиканской студенческой научно-практической конференции

Брест, 23 мая 2025 года

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2025

ISBN 978-985-22-0928-1

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2025

Об издании – [1](#), [2](#)

1 – сведения об издании

УДК 811.11:[378.016:81'243](082)

ББК81.43я431

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент **О. Л. Зозуля**
кандидат филологических наук, доцент **С. А. Пилипенко**
старший преподаватель **А. А. Буров**
старший преподаватель **Е. М. Галуц**
старший преподаватель **Т. А. Кальчук**
старший преподаватель **И. П. Королюк**

Рецензенты:

доцент кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций
УО «Брестский государственный технический университет»
кандидат педагогических наук, доцент **П. Н. Резько**

доцент кафедры английской филологии
УО «Брестский государственный университет имени А. С Пушкина»
кандидат филологических наук **М. В. Романюк**

Лингвистические и социокультурные аспекты иностранного языка :
электрон. сб. материалов XIV Респ. студен. науч.-практ. конф., Брест, 23 мая
2025 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. Л. Зозуля [и др.]. –
Брест : БрГУ, 2025. – 179 с. – URL: <https://rep.brsu.by/handle/123456789/>.
ISBN 978-985-22-0928-1.

Рассматриваются актуальные вопросы изучения иностранных языков в системном и функциональном аспектах, дискурсивного анализа и современного литературоведения, а также проблемные аспекты лингводидактики и методики обучения иностранным языкам.

Адресуется студентам, магистрантам, аспирантам, преподавателям вузов.

Разработано в формате pdf.

УДК 811.11:[378.016:81'243](082)
ББК81.43я431

Текстовое научное электронное издание

Системные требования: тип браузера и версия любые;
скорость подключения к информационно-телекоммуникационным сетям любая;
дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2025

В НАЧАЛО

2 – производственно-технические сведения

- Использованное ПО: Windows 10, Microsoft Office Word;
- ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, технический редактор Е. Г. Марченкова, корректор Е. Г. Марченкова, компьютерный набор и верстка О. В. Харик;
- дата размещения на сайте: 25.11.2025;
- объем издания: 1,71 Мб;
- производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.by.

В НАЧАЛО

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Абоимова Ю. С. Особенности компьютерной лексики в современном немецком языке	8
Анцыпорович А. Р. Семантические особенности названий немецких городов	12
Баранчук А. А. Номинация хлеба в современном немецком языке	15
Богданович А. Д. Единицы сленга и способы их возникновения в английском языке	16
Войтович М. А., Хомич А. Ф. Семантические особенности соматических фразеологизмов с компонентом «нога/leg» в белорусском и английском языках	20
Волосюк А. А. Функционирование фразеологизмов в современном медиатексте	23
Заносова Э. С. Сопоставительный анализ концептов <i>Ordung / порядок</i> в немецкой и русской языковых картинах мира	27
Конопацкая А. В. Сослагательное наклонение как средство реализации предположения в художественном тексте	29
Кучко А. В. Морфологические субстантивные неологизмы в современном немецком языке	32
Пантелейенко Т. А. Производные имена существительные в современном немецком языке	35
Пономаренко С. В. Словообразование как один из способов номинации транспортных средств в немецком языке	37
Резюк Е. Р. Сопоставительный анализ структуры концепта <i>Sehnsucht / тоска</i> в немецком и русском языках	40
Симонович А. В. Лексические средства реализации категории отрицания в авторском тексте	43
Туробова А. О. Вторичная номинация колоронимов в немецком и английском языках	47
Чеб М. Д. Сленг как главная лексическая особенность современных англоязычных блогов	51
Чиботару Д. В. Структурно-семантические особенности имён прилагательных с суффиксом <i>-lich</i> в современном немецком языке	53
Шостак О. Н. Лексико-семантическое поле «Одежда» в немецком и английском языках	58

Штукерт Г. А. Структурно-семантические особенности сложнопроизводных существительных современного немецкого языка	62
Ярошук Г. С. Синонимия в немецкоязычном художественном тексте	67

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Бисултанов А. А. Переводческие трансформации в передаче заглавий немецкоязычных художественных произведений на русский язык	71
Горщарик А. В. Лингвистические особенности передачи индивидуального стиля Э.М. Ремарка в романе «Жизнь взаймы» на русский язык	74
Дорогокупец А. А. Место и роль лексико-грамматических трансформаций в переводах романа Г. Гессе «Демиан» на русский язык	78
Коваленя Е. А. Особенности перевода наименований продукции ОАО «Молочный Мир» с китайского языка на русский язык	81
Пивоваревич А. В. Грамматические средства выражения будущего в русском, белорусском, английском и немецком языках	86
Сахарчук Е. В. Лексико-грамматические аспекты перевода романа «Чтец» Б. Шлинка на русский язык	90
Федосова М. В. Определение и классификация кинематографических переводов	93
Чикун А. Д. Стратегии передачи лингвотоксина в переводах романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» на русский язык	96

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: МЕЖЯЗЫКОВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Боднарчук Р. М. Wort des Jahres в Германии: лингвистический и культурологический анализ	101
Бречко А. А. Репрезентация невербального поведения персонажей в авторской сказке Н. С. Andersen «Die Schneekönigin»	103

Гордейчук Н. В. Сравнительный анализ гендерной маркированности в немецком и других языках	107
Егиазарян А. Г. Структурные особенности биноминальных образований в английском языке	111
Зосимова П. А. Тактики и стратегии реализации политического дискурса	115
Козак Д. М. Специфика англоязычной языковой игры и её влияние на аудиторию	119
Комисарчук И. С. Заголовок как структурный компонент медиатекста	120

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Афанасьева А. Р. Динамика индивидуальной трансформации главной героини в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр»	123
Бабчук О. А. Мотив потери в романе М. Зусака «Книжный вор»	126
Веремкович З. Д. Рецепция элементов художественного мира Э. Т. А. Гофмана в романе П. Зюскинда «Парфюмер»	130
Зиновенко А. Д. Специфика презентации жанровой схемы романа воспитания в романе З. Ленца «Урок немецкого»	133
Мелконян А. Э. Психологизм в романе К. Исиуро «Не отпускай меня»	137
Пилипенко К. Р. Принципы создания антивоенного пафоса в романе П. Баркер «Возрождение»	140
Султанова М. Б. Лексические средства вербализации концептуальных смыслов в романе К. Исиуро «Не отпускай меня»	144
Чирик К. С. Хронотоп эмигрантского романа (на материале романа Э. М. Ремарка «Ночь в Лиссабоне»)	146
Шепетюк Е. А. Женские образы в романе Дж. Брайна «Путь наверх»: социокультурный и ценностный аспект	149

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Голодухин Б. Е. Влияние факторов языковой среды на фонетические характеристики идиолекта (на примере Брайана Молко)	153
--	-----

Давидчик А. В. Brainrot-video как инновационный инструмент изучения английского языка	156
Карпова А. В. Деятельность как содержание образовательного процесса в обучении иностранному языку и культуре	159
Лазарь А. А. Геймификация как инструмент повышения мотивации при изучении английского языка: анализ эффективности игровых платформ (duolingo, kahoot!, quizlet)	162
Макарова А. О. Драматизация как средство реализации творческого подхода при обучении иностранному языку	165
Омелько А. В. Формирование интереса к изучению иностранных языков в детском возрасте	170
Хайбулина В. А. Цифровые инструменты формирования лексических навыков англоязычной речи на среднем этапе обучения	173
Шиловец А. А. Музыкальное обучение как инструмент формирования у обучающихся стандартного британского произношения (на примере творчества группы Panic! At the Disco)	176

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Ю. С. АБОИМОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. А. Пилипенко

ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Компьютерная лексика возникла благодаря развитию общества в области технологии. Процесс перехода людей к повседневному использованию компьютерных средств способствовал появлению компьютерного языка.

Компьютерный язык/терминология – специальный сленг, употребляемый преимущественно IT-специалистами, а также любым пользователем персонального компьютера [1, с. 38].

Компьютерная лексика имеет множество способов образования. Например, П. А. Горшков подразделяет лексику на кальку (полное заимствование), полукальку (частичное заимствование), перевод с использованием стандартной лексики в особом значении, с использованием сленга других профессиональных групп, на фонетическую мимикрию [2, с. 8].

Также Е. А. Семак в своей работе при классификации структуры компьютерного сленга подразделяет его на термины, которые встречаются как одно слово, словосочетания, представляющие собой единое целое, и аббревиатуры, состоящие из начальных букв составного понятия [3, с. 38].

Следующим этапом исследования стало ознакомление с нормами формальной репрезентации современного немецкого языка на лексическом уровне. Для этого мы изучили графико-орфографические признаки, которые являются отличительными характеристиками немецкого языка. К ним относятся прописная буква, артикли, умлауты, специфичные графемы, исконно немецкие суффиксы и приставки, сложные слова [4].

Для проведения детального анализа эмпирической базы исследования на предмет специфики проявления формальной репрезентации компьютерной лексики на современном этапе существования немецкого языка было отобрано 350 компьютерных лексических единиц.

Эмпирическая база была создана методом сплошной выборки с привлечением двух лексикографических источников: онлайн-словарь

немецкого языка «Sprachnudel. Wörterbuch der Jetztsprache» [5] и переводной словарь «Краткий немецко-русский и русско-немецкий словарь по информатике и компьютерной технике» [6].

В рамках первого этапа исследования была определена частеречная принадлежность изучаемых единиц. Так, было выявлено, что имена существительные превалируют над другими частями речи, составляя 75 % от всей лексики, затем следуют глаголы – 20 %, имена прилагательные – 4 % и наречия – 1 %. Установление частеречной принадлежности слова основывалось на изучении формальных признаков лексической единицы, характерных для определенной немецкой части речи. Главной отличительной чертой немецкого имени существительного является в первую очередь написание с прописной буквы и наличие артикля, например, *der Adapter* ‘переходник’, *der Provider* ‘поставщик услуг’. Глаголы также имеют в своем распоряжении различительный формальный признак – окончание начальной формы глагола (инфinitив) -(e)n, например, *ausdrucken* ‘распечатывать’, *surfen* ‘искать информацию в Интернете’. Стоит отметить, что абсолютно все немецкие имена существительные и большая часть глаголов обладают вышеперечисленными признаками, независимо от того, с какого языка они пришли. Другая ситуация обстоит с именами прилагательными и наречиями, которые могут быть полностью заимствованными и впоследствии не перенять от языка-донора характерных для него отличительных признаков. Например, такие слова, как *manuell* ‘ручной’, *digital* ‘цифровой’, *anonym* ‘анонимный’. Помимо существования заимствованных слов, не имеющих немецких черт, есть прилагательные и наречия, которые попали под процесс онемечивания или же изначально были немецкими лексическими единицами. На принадлежность слова к части речи прилагательное указывают следующие суффиксы: -ig, -lich, -isch, -er, -bar, -sam, -voll, -reich, -frei, -arm, -los. Например, *drahtlos* ‘беспроводной’, *störungsfrei* ‘бесперебойный’, *automatisch* ‘автоматический’. Наречия также обладают внешне различительным признаком, который выявляется с помощью типичных для этой части речи суффиксов -wärts, -s, -ens, -lings, например, *rückwärts* ‘назад’, *rechts* ‘по правому краю’, *links* ‘по левому краю’.

Далее были установлены группы исконной и неисконной лексики. Для этого была определена этимология всех исследуемых слов, проведена граница между заимствованными и исконно немецкими лексемами. При подсчете количества слов на основе их происхождения были получены следующие результаты: исконное немецкая лексика – 39 %, образующая самую многочисленную группу (*das Leerzeichen* ‘пробел’, *ausdrucken* ‘распечатывать’), англицизмы – 28 % (*tippen* ‘печатать’, *der Desktop*

‘«рабочий стол» компьютера’), латинизмы – 11 % (*das Dokument* ‘документ’, *das Portal* ‘портал’), галлицизмы – 3 % (*die Ressource* ‘ресурс’, *das Mikrofon* ‘микрофон’), итальянизмы – 0,6 % (*die Tastatur* ‘клавиатура’), грецизмы – 0,3 % (*das Diagramm* ‘диаграмма’). Вместе с тем были обнаружены слова с неточно установленным происхождением, составляющие 1,5 % (*der Virus* ‘вирус’), составные слова, имеющие несколько корней, образованных из разных языков – 16 % (*das Kontextmenü* ‘контекстное меню’).

В ходе анализа были обнаружены такие слова – синонимы, которые представляют собой соотношение англизм – германизм, например, *der Driver* – *der Treiber* ‘драйвер’, *die Homepage* – *die Hauptseite* ‘домашняя страница’, *der Input* – *der Eingang* ‘вход в систему’, *der Output* – *der Ausgang* ‘выход из системы’, *einloggen* – *anmelden* ‘зарегистрироваться’, *downloaden* – *herunterladen* ‘сохранить’.

Изучение частеречной принадлежности и происхождение слова предоставило возможность для подробного дальнейшего анализа структурной составляющей компьютерной лексики. При описании структурной характеристики были выявлены следующие группы слов: составные и гибридные слова (28 %), ядерные и производные лексемы (70 %), сокращения (2 %). При подсчете количества каждой группы было определено, что производные и ядерные лексемы превалируют над остальными группами слов, составляя 38 % и 32 % от всей лексики соответственно.

Немецкая компьютерная лексика, как и сам весь немецкий язык обладает большим количеством составных (исこんно немецких) и гибридных (сочетанием корней слов из других языков) слов. В результате анализа мы разделили гибридные слова на три группы:

- слова, у которых одна часть является исこんно немецкой, а вторая произошла из другого языка (английского, французского, латинского, итальянского или греческого). Примерами могут служить такие слова, как *die Überwachungskamera* ‘камера видеонаблюдения’, *die Spielkonsole* ‘игровая консоль’, *das Betriebssystem* ‘операционная система’.
- слова, состоящие из двух разных по происхождению основ (например, *das Systemprogramm* ‘системная программа’);
- слова, имеющие в своем составе несколько основ с разной этимологией (например, *das Autowiederherstellungsprogramm* ‘программа автоворосстановления’, *das Speichermodul* ‘модуль памяти’).

Наличие составных слов в немецком языке является его неотъемлемой частью, однако в случае с компьютерной лексикой их количество оказалось немного ниже, по сравнению с гибридными единицами. Их число составило 41 лексему, что в процентном соотношении насчитывает

12 % из всего списка изученных слов. В качестве примера можно привести следующие лексические единицы: *der Lautsprecher* ‘громкоговоритель’, *die Gesamtlösung* ‘общий сброс (данных)’, *das Benutzerhanbuch* ‘руководство пользователя’, *die Fehlermeldung* ‘сообщение об ошибках’.

Особенностью формальной репрезентации гибридных и составных лексем является наличие так называемой соединительной морфемы *-e*, *-(e)s*, *-(e)n* или *-er*, благодаря которой объединяются корни сложных слов [7, с. 55]. Производные слова в большинстве случаев образуются от ядерных с использованием различных суффиксов и приставок (*der Ordner* ‘папка’, *die Hauptplatine* ‘материнская плата’), а также (применительно к глаголам) путем присоединения глагольного окончания и приставок немецкого происхождения к иноязычной основе (*uploaden* ‘скачивать’). Сокращения также обладают рядом формальных признаков, таких как написание с помощью дефиса у неполных аббревиатур (*der CD-Rohling* ‘компакт-диск’), усечение основы слова (*der Akku* от *der Akkumulator* ‘аккумулятор’) и частичное усечение слова с помощью дефиса и «символа слэша» (*der Ein- / Ausschaltknopf* ‘кнопка включения / выключения’) [8, с. 887].

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что формальная репрезентация компьютерной лексики напрямую зависит от языка-источника заимствования, а также от принадлежности к определённой части речи, большую часть из которых составляют имена существительные и глаголы. Изучение анализируемого материала позволило установить, что компьютерная лексика в основном состоит из лексических единиц немецкого и английского, а также латинского, французского, итальянского и греческого происхождения. Исследование структурной составляющей компьютерной лексики способствовало обнаружению производных и ядерных слов, представляющих собой многочисленную группу гибридных и составных слов, а также сокращений. Полученные данные дали возможность определить, как изменяется структура слова иностранного происхождения под воздействием графико-орфографических норм немецкого языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паневина, О. С. Проблема перевода и толкования компьютерной лексики / О. С. Паневина, Ю. А. Трофимова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 1–2. – С. 38–40.
2. Горшков, П. А. Сленг хакеров и геймеров в интернете : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.19 / П. А. Горшков ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2019. – 19 с.
3. Семак, Е. А. Компьютерная лексика в современном русском языке / Е. А. Семак. // Функционирование русского и белорусского языков в условиях информатизации общества : 55-я юбил. науч. аспирантов, магистрантов и

студентов, Минск, 22-26 апреля 2019 г.; сб. тез. докл. / Белорус. гос. ун-т информатики и радиоэлектроники. – Минск : БГУИР, 2019. – С. 36–38.

4. Немецкий язык: особенности. – URL: <https://web-3.ru/germanlang/introduction/germanlang/> (дата обращения: 08.02.2025).

5. Sprachnudel. Wörterbuch der Jetzsprache. – URL: <https://www.sprachnudel.de> (дата обращения: 18.12.2023).

6. Сыромясов, О. В. Краткий немецко-русский и русско-немецкий словарь по информатике и компьютерной технике / О. В. Сыромясов. – Саранск : Саран. кооп. ин-т РУК, 2009. – 68 с.

7. Крупнова, Н. А. Композиты немецкого языка: Общая характеристика / Н. А. Крупнова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 11. – С. 54–57.

8. Курочкина, Е. А. Использование сокращений и аббревиатур как способ пополнения немецкого молодежного сленга в электронной коммуникации / Е. А. Курочкина // Вестник Башкирского университета. – 2020. – № 4. – С. 885–891.

К содержанию

А. Р. АНЦЫПАРОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Т. А. Кальчук

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ НЕМЕЦКИХ ГОРОДОВ

Вопрос формирования и функционирования топонимов традиционно является одним из наиболее интересных вопросов лингвистических исследований. Под топонимами в лингвистике понимают имена собственные, названия географических объектов: рек, озер, морей, городов, сел, гор, островов, улиц и площадей в городах и селах и т. п. Они составляют важную часть ономастического лексического фонда языка. Топонимическая лексика аккумулирует материальный, культурный, исторический опыт общественной среды, в которой она зарождается и функционирует.

Как показывает обзор литературы, названия городов Германии редко выступали объектом самостоятельного рассмотрения. В то же время эта группа лексических единиц представляет собой значительный лексический пласт, который создавался столетиями.

Актуальность нашего исследования обусловлена информативной ценностью, которой обладают топонимы в целом и астионимы в частности с точки зрения лингвистического, географического, этнографического и исторического аспектов, т. к. в названиях географических объектов запечатлены исторические события той или иной эпохи, культурные и

духовные ценности народа, специфика контактов между народами, взаимовлияние и обогащение языков.

Целью исследования выступил анализ лингвистических закономерностей и культурно-исторических фактов, повлиявших на формирование названий немецких городов.

Материалом исследования выступили названия немецких городов, отобранные из словаря “Duden. Geographische Namen in Deutschland. Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern“ в количестве 80 единиц.

Топонимическая лексика неоднородна и делится на различные лексико-семантические группы в зависимости от характера объектов. Например: гидронимы (названия водных объектов), урбанонимы (названия объектов внутри города), ойокнимы (названия населённых пунктов), дромонимы (названия наземных, водных, воздушных путей сообщения), дримонимы (названия рощ, лесных участков и лесов), оронимы (названия наземных объектов рельефа), агроонимы (названия земельных наделов, полей, участков), хоронимы (названия стран, территорий и их частей) и др.

Астионим (от греч. *asteios* ‘городской’) – это топонимическая единица, которая представляет собой название города.

Анализ фактического материала исследования позволяет сделать вывод о том, что астионимы могут быть мотивированы различными экстралингвистическими факторами (рисунок).

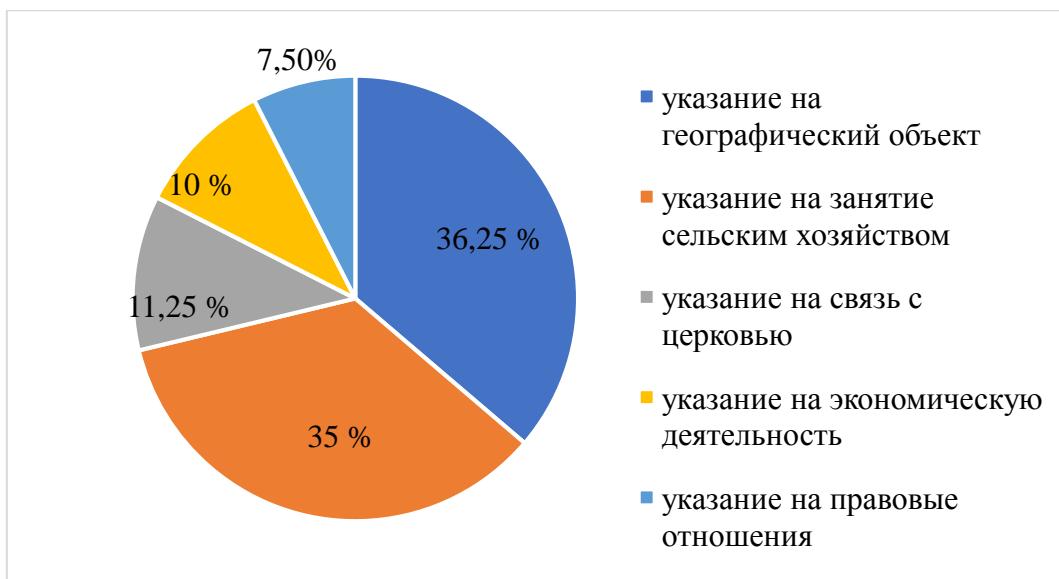

Рисунок – Мотивированность названий немецких астионимов

Анализ фактического материала исследования позволил выделить следующие основания мотивированности:

– указание на географический объект, например, водный, лесной, особенности ландшафта и рельефа (36,25 %). Маркерами астионимов этой семантической группы выступают такие форманты, как *-hausen*, *-husen*, *-haus*, *-heim*, *-um*, *-em*: *Mühlhausen*, *Helinghusen*, *Bochum*. Появление немецких названий на *-haus*, *-hausen*, *-husen* ‘bei den Häusern’ относится преимущественно ко временам франкских завоеваний. Компонент *-berg* / *-burg* (*Magdeburg*, *Würzburg*, *Nürnberg*, *Bamberg*, *Aschaffenburg*) соотносится с понятием «укрепленная высота» и использовался изначально по отношению замков в горах, предназначенных для укрытия;

– указание на занятие сельским хозяйством (35 %). Компоненты *-dorf* и *-weiler* (*Düsseldorf*, *Otterndorf*, *Pfullendorf*, *Schwandorf*, *Waldorf*, *Baesweiler*, *Eschweiler*) обозначали крестьянское поселение, иногда и отдельное подворье. Компонент *-furt* (*Ochsenfurt*, *Frankfurt*) реализует семантику указания на дорогу. Компонент *-feld* (*das Feld* ‘поле’) в названиях населенных пунктов частично встречается в форме дательного падежа: *Berlin-Lichterfelde*, *Leinefelde*;

– указание на связь с церковью (11,25 %). Маркерами этой семантической группы являются: *-zell*, *-zella*, *-klause* (*Bärenklause*, *Klausen*, *Klusen*), *-kloster*, *-münster*, *-pforte* (*Neukloster*, *Klösterle*, *Schulpforte*), *-kirch*, *-kirchen*, *-kapel(l)e* (*Waldkappel*, *Kapelle*);

– указание на экономическую деятельность (10 %). Эту семантику в названиях немецких городов маркируют следующие компоненты: *-mühle*, *kern*, *-grub*, *-zeche*, *-stollen*, *-ofen*, *schmied*, *-hammer*, *-hude*, *-markt*, *-zoll*, *-brücke*, *-schleuse*, *-fähre* (*Obermühle*, *Moselkern*, *Glasofen*, *Buxtehude*, *Neumarkt*, *Altenbrück*, *Saarbrücken*, *Neufahr*);

– указание на правовые отношения (7,5 %). Маркерами астионимов этой семантической группы выступают следующие словообразовательные форманты: *-bünde*, *-point*, *-paint*: *Hemsbünde*, *Hochpoint*; *-kamp*, *-gard(t)*, *-eigen*, *-hub*, *erbe*, *-leben*, *-mal*: *Aschesleben*, *Berkenkamp*, *Stuttgart*.

В заключение можно подчеркнуть, что лингвистические закономерности и культурно-исторические факты, повлиявшие на формирование названий немецких городов, формировались под влиянием множества факторов, включая исторические события, культурное развитие и языковые закономерности. Они отражают богатое прошлое регионов, а также традиции и особенности людей, населявших эти земли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Duden. Geographische Namen in Deutschland. Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern. – Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich : Dudenverlag, 1999. – 318 S.

А. А. БАРАНЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Л. Зозуля

НОМИНАЦИЯ ХЛЕБА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Хлеб занимает особое место в культуре немецкоязычных стран, отражаясь в их языке на уровне номинации. Исследование сложных существительных, образованных путем словосложения с компонентом *Brot*, позволяет выявить закономерности словообразования и определить культурные аспекты его употребления. В статье представлены результаты анализа 214 сложных имен существительных, извлеченных методом сплошной выборки из словарей Duden [1] и базы данных DWDS [2]. Рассмотрены основные модели словосложения, частотность расположения компонента *Brot* в слове, а также его номинативные функции.

Номинация является основным механизмом языковой репрезентации объектов окружающего мира. В современной теории номинации выделяют два типа: первичную (прямую), выражающую узальное знание, и вторичную (косвенную), обладающую ассоциативным и окказиональным характером [3, с. 255]. В немецком языке слово *Brot* имеет два первичных значения согласно словарю Duden: а) пищевой продукт, выпеченный в основном из муки, воды и соли, б) отдельная единица хлеба в виде буханки [1]. Вторичная номинация включает переносное значение: например, в выражении «зарабатывать на хлеб» лексема обозначает средства к существованию.

Данное исследование посвящено анализу сложных существительных с компонентом *Brot*, образованных путем словосложения. Материалом исследования послужили 214 лексем, полученных из словарей Duden и DWDS методом сплошной выборки.

Все выявленные сложные существительные можно разделить на три группы по расположению компонента *Brot* в слове: 1) компонент в начале слова (78 %), например, *Brotzeit* ‘перерыв на еду’, *Brotmesser* ‘нож для хлеба’; 2) компонент в середине слова (1 %), например, *Weizenbrotteig* ‘устар. тесто для пшеничного хлеба’; 3) компонент в конце слова (11 %), например, *Schinkenbrot* ‘хлеб с ветчиной’. Таким образом, компонент *Brot* чаще всего занимает начальную позицию в сложных существительных, что подтверждает его важность как базового элемента слова.

Анализ моделей словосложения показал следующее. Сложные существительные с компонентом *Brot* образуются по различным моделям словообразования, например, существительное + существительное (75 %), например, *Brothaus*, *Brotpreis*; прилагательное + существительное +

существительное (1 %) и числительное + существительное + существительное (1 %), например, *Altbrotverwertung*.

Анализ 11 % сложных существительных, имеющих компонент *Brot* на финальной позиции, позволил выделить четыре семантические группы: 1) традиционные виды хлеба, например, *Bauernbrot* ‘фермерский хлеб’, характерный для деревенской кухни; 2) специальные виды хлеба: *Anisbrot* ‘хлеб с аниром’, *Birnenbrot* ‘рождественский хлеб с сухофруктами, орехами и специями’; 3) религиозные хлеба: *Abendmahlsbrot* ‘хлеб для Вечери Господней, символизирующий тело Христа’; 4) слова, не обозначающие хлеб: *Abendbrot* ‘ужин’, исторически связанный с традицией вечерней трапезы.

Проведенное исследование выявило, что сложные существительные с компонентом *Brot* в немецком языке чаще всего формируются по модели «существительное + существительное» (75 %). Большинство лексем имеют компонент *Brot* в начале слова (78 %), что подчеркивает его номинативную значимость. Особый интерес представляет группа сложных слов, где компонент *Brot* является последним элементом и несет культурно обусловленную семантику (традиционные, специальные, религиозные хлеба).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Duden Deutsches Universalwörterbuch. – URL: <https://www.duden.de>. (дата обращения: 03.06.2025).
2. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 12.05.2025).
3. Лопатин, В. В. О границах словообразовательного типа / В. В Лопатин // Проблемы словообразования в современном языкоznании: материалы V науч. конференции, Рига 15-18 мая 1969 г. / Риж. гос. ун-т. – Рига, 1969. – С. 8–13.

К содержанию

А. Д. БОГДАНОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

ЕДИНИЦЫ СЛЕНГА И СПОСОБЫ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном мире всё больше внимания уделяется понятию «сленг». Существует большое количество определений этого понятия, не всегда соответствующие друг другу. Существуют различные трактовки.

Некоторые лингвисты рассматривают его как воровской язык, который не следует употреблять в своей речи. Другие считают это методом развития языка, оживления языка и внедрения в него чего-то нового. Одно из определений «сленга» – набор слов и выражений (новых / ранее понимаемых в других значениях), которые употребляют лица определенных социальных, возрастных, профессиональных групп. Люди называют его «молодёжным языком». Сложно точно определить, когда данный термин вошёл в обиход. Исходя из информации некоторых источников, именно письменный сленг появился в XVIII веке в Англии. Но на тот момент это считалось оскорблением. В последующем он стал использоваться чаще как простая лексика. Некоторые филологи считают, что сленг появился раньше, примерно в XIV в., но данное речевое явление было известно под другим названием, таким как «кэнт».

«Кэнт» расшифровывался как язык цыган, воров и других людей, которые использовали специальную технику, чтобы общаться между собой. В 1788 году Френсис Гроуз ввёл термин «сленг» в качестве синонима для слова «кэнт» в свой словарь «вульгарного» языка». С 1802 года этот термин понимают как «жаргон определенного класса или периода», а с 1818 года под сленгом стали понимать «язык высокого разговорного типа, низшего за уровень стандартного просвещенного языка, с новых слов, или слов, которые употреблены в определенном смысле» [1, с. 43].

Сам термин «сленг» в переводе с английского языка означает:

- 1) язык социально или профессионально обособленной группы в противоположность литературному языку;
- 2) вариант разговорного языка (в том числе экспрессивно окрашенные элементы языка), что не совпадают с нормой литературного языка [2, с. 35].

Следовательно, этимология сленга является не до конца раскрытым и представляет проблему для современной лексикографии.

Интернет-сленг широко используется в современном мире. Ни один человек не может представить свою жизнь без Интернета и без общения в социальных сетях. Конечно, интернет-сленг является помощником в коммуникации между молодёжью и не только. Само понятие обозначает слова и выражения, которые используются ежедневно, но не считаются уместными в литературном языке.

Интернет-сленг, или сетевой жаргон или компьютерный сленг, используется не только в качестве общения на форумах и в социальных сетях, а также в ИТ-сфере для упрощения понимания и сокращения. Появление новых терминов, связанных с компьютером, связано с началом повсеместного использования данной техники. Появление устройств принесло большое количество новых аббревиатур, специальных слов и

выражений в речь человека. Большинство терминов были заимствованы из английского языка и используются по всему миру по сей день. Часто заимствования берут из компьютерных игр. Например: *геймер* – от англ. *gamer*, где геймером называют игрока в компьютерные игры или *думер* – от *doomer* – это поклонник игры *Doom*.

Не меньшей популярностью пользуется такая социальная сеть, как Twitter. Там сокращения можно встретить чаще, так как длина сообщения ограничена (около 140 символов). Например, пользователи удаляют пробелы между словосочетаниями. Различные термины, которые применяются в Twitter: *твит* – одна запись, *follower* – подписчик, *хэштэг* – слово или символы, начинающиеся с решётки.

К интернет-сленгу также относятся аббревиатуры. Их использование значительно экономит время, уменьшает объем текста. Одни из самых известных это – *LOL* (ответ на что-то смешное), *G2G* (если собеседнику нужно куда-то отлучиться или нужно закончить разговор), *TTYL* (используется для прощания). Ещё одним примером выражения интернет-сленга является использование смайликов:

- ☺ – улыбка;
- ;) – улыбка с подмигиванием;
- ☹ – грусть;
- :* – поцелуй;
- :-o – удивление.

Использование «*caps lock*» говорит о том, что человек повышает голос.

Интернет плотно связан с нашей жизнью. Появляются новые способы общения, передачи информации. Понимание и использование интернет-сленга упрощают общение. С проявлением новых тенденций изменяются и словарные запасы. Они пополняются с каждым днём и становятся всё более и более разнообразными. Так что изучение интернет-сленга полезно и необходимо.

Существуют различные классификации сленга.

В первую очередь его можно разделить на четыре группы:

1. Эмоциональные слова и выражения. Их используют в качестве эмоциональных междометий, они передают эмоциональное содержание. В зависимости от ситуаций данные слова могут обозначать злость, агрессию, восхищение, удивление и т. п. Также это может зависеть от контекста.

2. Слова и выражения с эмоциональным значением. Данные слова не только выражают эмоциональное состояние говорящего, но и называют переживаемую им эмоцию. В русском языке это такие слова, как «балдеть, тащиться, кайфовать». Также существует такое понятие, как эмотивы, представляющие собой сочетания существительных с предлогом (в кайф, в лом, в косяк и т. д.). Но когда они употребляются в речи не в качестве

эмоциональных междометных восклицаний, а в контекстах (*мне в кайф туда пойти, мне в подляк это делать*), то не только передают эмоциональное состояние говорящего, но и обозначают его, значительно конкретизируя свое значение: *в косяк* – неудобно, *в кайф* – в удовольствие, *в лом* – лень, *в подляк* – в противоречие внутренним моральным принципам.

3. Фразы с эмоциональным компонентом значения. Слова из данной категории не имеют оттеночного значения. Применение данных формулировок не имеет функции оценки называемых людей (*училка* – это не плохая учительница, а просто учительница), однако чётко демонстрирует намеренье говорящего снизить общественный статус этих людей в глазах слушающего и в своих и тем самым поднять собственный. Еще одну значительную группу слов с эмоциональным компонентом значения составляет презрительная и пренебрежительная лексика. В отличие от фамильярной лексики она обладает оценочным компонентом значения (*карась* – простак, наивный человек; *синяк* – пьяница и т. д.). У презрительных же слов преобладает оценочный компонент (*овца, мочалка* – девушка; *долбак, фофан* – дурак, глупый человек).

4. Эмоциональные речения. Эти выражения показывают раздражение говорящего собеседником и, как правило, желание прекратить общение с ним.

Также сленг можно разделить по принадлежности его к конкретной группе, например, школьный, интернетовский (сетевой), журналистский, молодёжный, армейский, геймерский, компьютерный, уголовный.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьева, Т. А. К проблеме сленга // Вопросы лексикологии английского, немецкого и французского языка / Т. А. Соловьев. – 1961. – № 4. – С. 117 – 126.
2. Хомяков, В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. – Вологда : Министерство просвещения ОСФСР Вологодского гос. пед. ин-та, 1971. – 381 с.

К содержанию

М. А. ВОЙТОВИЧ, А. Ф. ХОМИЧ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Гуль

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОМАТИЧЕСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «НОГА»/«LEG»
В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Фразеологизмы являются неотъемлимой частью языка, передавая его культурные, социальные и лингвистические особенности. Среди них особое внимание привлекают соматические выражения с компонентом «нога»/«leg», поскольку представляют собой такие языковые выражения, которые наиболее ярко отражают своеобразие и культурную специфику народа. Глубокий анализ таких фраз позволяет лучше понять их семантику и связь с культурными традициями белорусского и английского этносов. Благодаря этому можно эффективнее выстраивать межкультурное взаимодействие и расширять представления о языковых особенностях обоих народов. Исследование направлено на выявление ключевых характеристик этих фразеологических единиц, а также на сравнение их употребления и значения в двух языках. В ходе исследования были рассмотрены фразеологизмы из ряда специализированных словарей, обеспечивающих богатый материал для анализа соматических выражений в белорусском и английском языках: «Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў» И. Я. Лепешева [1], «Беларуска-рускі слоўнік» [2], Cambridge Dictionary [3], Farlex Dictionary of Idioms [4], Oxford Learner's Dictionaries [5]. Используемые источники предоставляют возможность всестороннего изучения данной языковой категории: анализ семантической структуры, сравнительно-сопоставительный метод для сопоставления фразеологизмов из исследованных языков с учётом их происхождения и современного использования. В ходе работы был проанализирован репрезентативный корпус из 65 английских и 70 белорусских фразеологизмов, что обеспечило достаточную широту охвата языковых данных и глубину их лингвокультурного осмысления.

Фразеологизмы представляют собой устойчивые словосочетания, отличающиеся целостностью структуры и переносным значением, которое не всегда напрямую связано со значением отдельных компонентов. Согласно А. В. Кунину, они представляют собой сочетания лексем, смысл которых полностью или частично переосмыслен [6, с. 15]. Шарль Балли, один из основоположников фразеологии, рассматривал идиомы как особую категорию выражений, которым присущи устойчивость, идиоматичность и выразительность [7]. Среди различных видов фразеологизмов выделяется

группа соматических выражений, включающих названия частей тела. Эти конструкции часто отображают культурные и исторические аспекты жизни народа.

Фразеологизмы белорусского языка с компонентом «нога» охватывают широкий спектр значений, связанных с физическим состоянием, жизненными ситуациями и эмоциональными переживаниями. Они могут выражать усталость (*без задніх ног* ‘крайняя изнеможенность’, *ногі збіць* ‘сильно устать от ходьбы’, *ледзь ногі носяць* ‘еле держаться на ногах’), а также обессиленность (*ні рук ні ног не чуць* ‘полное изнеможение’, *ног не чуць пад сабой* ‘крайняя слабость’). Некоторые связаны с жизнью/смертью и здоровьем/незддоровьем: *на нагах* ‘быть в состоянии стоять, быть живым и здоровым’, *стаяць адной нагой у магіле* означает ‘близость к смерти’, *дай бог ногі* ‘пожелание здоровья’, *кульгаць на абедзве нагі* ‘быть больным’. Потеря устойчивости и уверенности передаётся через *губляць глебу пад нагамі* ‘ощущение потери опоры’, и *выбіць глебу з-пад ног* ‘лишение надежды’. Социальные отношения отражены во фразах: *быць на кароткай назе* ‘ближние отношения’, *звязаць па руках і нагах* ‘ограничение свободы’, *кланяцца ў ногі* ‘выражение глубокого уважения’, *пасадзі свінню за стол – яна і ногі на стол* ‘характеристика невоспитанного человека’. Настроение и ориентировка передаются через *устаць з левай нагі* ‘плохое настроение’, *з якой нагі танцаваць* ‘подготовка к делу’ и *як левая нога хоча* ‘неосознанное действие’.

Таким образом, фразеологизмы белорусского языка с компонентом «нога» охватывают широкий спектр значений, отражая различные стороны человеческого опыта: от физического состояния и жизненных сил до социальных связей и эмоциональных переживаний.

Фразеологизмы английского языка с компонентом-соматизмом “leg” можно поделить на следующие категории: пожелания и побуждения к действию (*break a leg* ‘удачи!’, *shake a leg* ‘поторопись!’, *show a leg* ‘просыпайся!’), обозначение стоимости чего-либо (*cost an arm and a leg* ‘стоить целое состояние, очень дорого’, *pay an arm and a leg* ‘заплатить целое состояние’, *give an arm and a leg for something* ‘отдать всё ценное ради чего-то’), предоставление преимущества (*get a leg up* ‘получить помощь или преимущество’, *give a leg up* ‘оказать нужную помощь’). Многие связаны с обозначением бегства: *leg it* ‘убежать, скрыться очень быстро’, *run as fast as one’s legs can carry one* ‘бежать изо всех сил’, *run away with one’s tail between one’s legs* ‘уйти пристыженным’. Через фразеологизмы *can talk the hind leg(s) off a donkey* ‘очень разговорчивый’, *pull one’s leg* ‘подшучивать’ передаётся разговорчивость и шутливость, а такие как *be on one’s last legs* ‘находиться на грани изнеможения’ показывают как физический, так и психологический износ и усталость. Конечно же, с движением и

путешествием связаны и фразеологизмы, например, *first leg* ‘первая часть маршрута’, *fresh legs* ‘новые силы’, *leg of one’s journey* ‘отрывок пути’ и *stretch one’s legs* ‘размять ноги после долгого сидения’. Негативная характеристика лжи и обмана передаётся через *crooked as a dog’s hind leg* ‘крайне нечестный, подозрительный человек’, *a lie has no legs* ‘ложь недолговечна’, *no leg to stand on* ‘отсутствие доводов или оснований’.

Из этого следует, что в английском языке тоже существует несколько ярко выраженных групп значений фразеологизмом с компонентом “нога”. Особую частотность демонстрируют идиомы, связанные с передвижением, уходом, бегством и перемещением. Это объясняется прямой физической функцией ноги как средства движения, что делает данный образ универсальным символом действия. Заметную группу составляют фразеологизмы, обозначающие финансовые затраты и высокую цену, а группы, связанные с юмором или обманом, отражают культурную специфику английской разговорной речи, где игра слов и ирония играют значительную роль.

Таким образом, семантика соматических фразеологизмов со компонентом «нога» имеют как сходства, так и различия в английском и белорусском языках. В обоих языках фразеологизмы тесно связаны с физическим состоянием человека. В белорусском выражения наподобие *без задніх ног, ні рук ні ног не чуць, ледзь ногі носяць* обозначают крайнюю усталость, изнеможение, что имеет прямые параллели в английском *be on one’s last legs* – быть на грани износа или смерти. Эта схожесть обусловлена универсальной функцией ноги как символа жизненной энергии и физической опоры. Кроме того, в обоих языках нога выступает символом движения и активности. Английские фразеологизмы *leg it, run as fast as one’s legs can carry one, stretch one’s legs* передают идеи перемещения и освобождения, что в какой-то степени перекликается с белорусскими выражениями вроде *губляць глебу пад нагамі*, где нога – это основа устойчивости.

Основные различия кроются в культурной символике и прагматике языка. В белорусском языке фразеологизмы с компонентом «нога» часто затрагивают эмоционально-психологическую сферу и социальные отношения. Например, *быць на кароткай назе* говорит о близости, *звязаць па руках і нагах* – об ограничении свободы, *устаць з левай нагі* – о плохом настроении. Здесь компонент «нога» активно используется для передачи душевных состояний, житейской неустойчивости и социума. В английской же фразеологии компонент “leg” сильнее ассоциируется с деятельностью, результатом и конкретными ситуациями. Значительное место занимают идиомы, связанные с финансовыми затратами и повседневным юмором. Также в английском наблюдается более развитая сфера фразеологизмов,

связанных с этапами пути (*first leg of the journey, leg of one's journey*) и побуждениями к действию (*shake a leg* ‘поторопись!’, *show a leg* ‘просытайся!’), что подчеркивает деловую, динамичную направленность языка, его более прагматичную и ироничную направленность. Эти схожести и различия подчёркивают уникальный опыт и сформированную веками развития языковую картину мира каждого народа, демонстрируя важность и универсальность соматических фразеологизмов в культурном контексте как инструмента национальной фразеологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004. – 319 с.
2. Лукашанец, А. А. Беларуска-рускі слоўнік / А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2012. – 2 688 с.
3. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 15.05.2025).
4. Farlex Dictionary of Idioms – URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Oxford Learner's Dictionary – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Международные отношения, 1972. – 288 с.
7. Балии, Ш. Теория фразеологии / Ш. Балли. – URL: https://vuzlit.com/871390/teoriya_frazeologii_balli (дата обращения: 15.05.2025).

К содержанию

А. А. ВОЛОСЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ

В настоящее время СМИ переживают бурное развитие. Стремление к выразительности и экспрессии, смешение стилевых уровней и использование фразеологизмов – вот те важные аспекты, которые помогают журналистам передать свои мысли и идеи более ярко и эффективно.

Фразеология занимает важное место среди выразительных средств языка. Устойчивые сочетания слов позволяют ярко и красочно описывать различные явления, привлекая внимание читателя. Эти выражения всегда обладают образностью: они сохраняют часть своего прямого смысла, связанного с их происхождением, но при этом новое, переносное значение

расширяет их семантический объем. Выразительность играет ключевую роль не только в художественной литературе, но и в публицистических текстах, помогая авторам передавать свои мысли и чувства, воздействуя на читателя.

Теоретический анализ показал, что у медиатекста есть две ключевые функции: информационная и коммуникативная. Информационная функция заключается в том, что текст СМИ сообщает читателю о важных и актуальных событиях, например, о политических решениях или важных социальных изменениях. Коммуникативная функция, в свою очередь, помогает установить связь между автором и аудиторией, что особенно важно в контексте новостей. Например, в одной из статей *The Sun* упоминается, как команда президента Байдена быстро «*walked back*» (отменила) его комментарий (*His staff promptly 'walked back' the remark, while Biden was said to have cast a shadow on an otherwise successful European trip*). Здесь мы говорим об информационной функции фразеологизма, так как его использование позволяет читателю лучше понять, что различные политические заявления могут подвергаться пересмотру в зависимости от общественной реакции.

Во второй статье используется цитата: *Count it as a befuddling failure, then, that the military budget President Biden unveiled Monday doesn't meet the moment*, где говорится о том, что бюджет, представленный Байденом, не соответствует актуальным требованиям. Использование фразеологизма *count it as a befuddling failure* (считайте это сбивающим с толку провалом), не только подчеркивает мнение автора о президентской неудаче (мы говорим о коммуникативной функции), но и привлекает внимание читателя к сути проблемы, делая текст более выразительным. Сообщая об актуальном событии, связанном с главой государства, представленный медиатекст при помощи используемых фразеологических единиц раскрывает его с точки зрения позиции, соответствующей политике издания и мнению большей части целевой аудитории.

При этом нельзя недооценивать важность учета убеждающей и воздействующей функций медиатекста, поскольку они предлагают аудитории «специально сконструированную, рассматриваемую субъективно реальность» [1]. Это означает, что авторы новостей и статей стремятся не только информировать, но и сформировать определенное восприятие событий, влияя на мнения и эмоции читателей. Например, фраза статьи о президенте Байдене из *The Times*: «*He's never been famous for his silver tongue*» является яркой иллюстрацией данного подхода. Сочетание устойчивого выражения *be famous for* и метафоры *silver tongue* создает фразеологизм, который можно перевести как *никогда не славился красноречием*.

Образность этого выражения и его точность передают исключительно одну единственную точку зрения, не оставляя места для других интерпретаций. В результате информация подается так, что она кажется бесспорной истиной. Использование Present Perfect в этом контексте с целью подчеркивания постоянства факта, усиливает данное впечатление. Убедительность текста может как информировать, так и манипулировать восприятием читателей, делая эту функцию особенно значимой в современном медиатексте.

Медиатексты выполняют не только информационную, но и регулятивную функцию, что позволяет СМИ осуществлять контроль над аудиторией на различных уровнях – политическом, духовном, идеологическом и культурном. Это означает, что они могут координировать отношения между членами общества и управлять потоком информации, которая доступна аудитории. В результате медиатексты оказывают «преобразующее воздействие» на мнения людей, соответствующие актуальным интересам общества и целям социального прогресса.

Примером этого может служить выдержка из газеты The Guardian: «*David Cameron volunteering at a food bank? He's got some nerve*». Здесь используется оценочный фразеологизм, который сразу же задает тон восприятия поступка политика. Читатель, сталкиваясь с таким мнением, скорее всего, будет воспринимать текст как заслуживающий доверия и, следовательно, может принять ту же точку зрения, что и автор. Кроме того, медиатексты также выполняют социоцентрическую функцию, что означает, что они зависят от общества и отражают его потребности. Это проявляется в том, как текст «включает» образ своей аудитории, а аудитория, в свою очередь, воспринимает «свой» текст. Например, заголовок The Daily Telegraph: «*The Queen Is (Not) Dead. Long Live the Queen*» подчеркивает интерес публики к жизни королевской семьи в Великобритании. Выбор темы статьи о здоровье королевы отражает актуальные интересы общества и показывает, как СМИ адаптируют свои материалы для удовлетворения потребностей аудитории. Устойчивое выражение *long live the Queen* отсылающее, среди прочего, к тексту гимна Великобритании: «*God save the Queen. Long live our noble Queen*», не только привлекает внимание, но и отсылает к культурным традициям страны, делая текст более резонирующим.

Медиатексты также выполняют важные когнитивные и развлекательные функции, которые позволяют читателю не только получать новые знания, но и отвлекаться от повседневных забот. Это сочетание делает информацию более доступной и привлекательной для аудитории. Например, в заголовке The Independent: «*This Sword of Damocles isn't hanging over the relationship for the next five to 10 years*» используется фразеологизм, отсылающий к

древнегреческой мифологии. Упоминание о Дамокловом мече вызывает интерес и позволяет глубже понять ситуацию, о которой идет речь, тем самым обогащая текст культурными ассоциациями.

Экспрессивная функция медиатекстов заключается в использовании выразительных средств, которые служат «конструктивным принципом» данного жанра и помогают передать информацию или оказать воздействие на читателя. Например, в выдержке из статьи The Sun: *«To be sure, to be sure. Still, even if Biden's threat to Putin can be wholly attributed to a Gaelic jig playing in his head, the fallout has been the same»* автор использует яркий образ, чтобы подчеркнуть свою мысль. Упоминание о «джиге», звучащей в голове президента Байдена, создает мощное экспрессивное содержание, позволяя читателю ощутить уверенность автора в своей точке зрения. Это делает высказывание более убедительным и демонстрирует манипулятивный аспект языка, который может повлиять на восприятие информации.

Аттрактивная функция медиатекстов связана с привлечением внимания читателя с помощью выразительных средств и различных вербальных и невербальных приемов. Например, во фразе *«So this is a pretty brave mission that the US government pulled off. Was it worth it?»* первое предложение высказывает конкретное мнение о действиях правительства, но второе предложение, представляющее собой риторический вопрос, делает это мнение менее категоричным.

Кроме того, фразеологизмы могут выполнять несколько функций одновременно. Например, заголовок *«Reality TV star leaning on faith after son's fatal shooting»* привлекает внимание читателя благодаря гиперболизации ситуации и эмоциональной окраске. Использование фразеологизма здесь не только раскрывает тему сообщения, но и побуждает читателя ознакомиться с содержанием статьи.

Таким образом, анализ употребления фразеологизмов в англоязычных СМИ показывает, что они играют важную роль в реализации функций медиатекстов. Фразеологизмы помогают повысить художественную выразительность текста, кроме того, фразеологизмы привлекают внимание читателя, побуждая знакомиться с содержанием статей. Они также позволяют кратко сформулировать тему и основные вопросы текста уже в заголовках или первых предложениях.

Фразеологизмы помогают авторам более точно и ёмко выражать свои мысли, делая их более убедительными, даже если речь идет о субъективных оценках. Они не только передают информацию, но и влияют на восприятие читателя, поддерживая определённую точку зрения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ухтомский, А. В. Функционирование фразеологизмов в текстах английской прессы / А. В. Ухтомский // Вестник МГОУ. – 2009. – №3. – С.156–159.

К содержанию**Э. С. ЗАНОСОВА**

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. А. Пилипенко

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ *ORDNUNG/ПОРЯДОК* В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Изучение языковых концептов позволяет глубже понять особенности национального мировосприятия, культурные ценности и традиции. Концепты *Ordnung* в немецкой и *Порядок* в русской языковых картинах мира являются яркими примерами, отражающими фундаментальные различия в мировоззрении двух народов. Однако несмотря на схожие значения на уровне словарных дефиниций, восприятие этих концептов в сознании носителей языка демонстрирует существенные различия.

В статье описаны результаты исследования по сопоставлению особенностей концептов *Ordnung* и *Порядок* через призму лексикографического анализа и данных социологического опроса. В ходе исследования были решены следующие задачи: рассмотрение процесса вербализации; изучение различных подходов к трактовке термина «концепт»; рассмотрение способов анализа концептов; изучение вариантов структурных форм концептов; проведение социологического опроса.

Объектом исследования стал концепт *Порядок* / *Ordnung*, предметом – структурно-формальная презентация концепта *Порядок* / *Ordnung* в немецкой и русской языковой картине мира. Основное внимание уделялось восприятию данных концептов носителями немецкого и русского языков. Методы исследования включают лексикографический анализ словарных дефиниций, а также анкетирование и ассоциативный эксперимент.

Концепт *Ordnung* в немецкой языковой картине мира характеризуется системностью и нормативностью. Согласно толковому словарю Duden, ядро концепта формируется следующими значениями: «Состояние, возникающее при упорядочивании, организованность», «Соблюдение дисциплины, определённых правил в рамках сообщества», «Регулирование общественной жизни, основанное на законах» [1–3].

Пример устойчивого выражения *Ordnung muss sein* ‘Порядок должен быть’ подчеркивает нормативный характер концепта. Оно отражает культурную установку на важность регламентированности как основы общественной жизни. В русской языковой картине мира концепт *Порядок* имеет более конкретное и бытовое наполнение. В «Словаре современного русского языка» он определяется как, «ожидаемое, правильно организованное состояние чего-либо», «правила, нормы общественного устройства или образа жизни», «последовательность расположения или хода чего-либо» [4]. Фразеологизмы, такие как *навести порядок* и *держать в порядке*, акцентируют процесс достижения организованности, что соответствует ориентации русского мировосприятия на конкретные действия и их результат.

Для выявления особенностей восприятия концептов *Ordnung* и *Порядок* был проведён социологический опрос. Участникам эксперимента предлагалось назвать три ассоциации, связанные с указанными словами. Результаты показали значительные различия в восприятии концептов. В немецкой выборке преобладали абстрактные понятия: *Systematik* (десять упоминаний), *Regeltreue* (семь упоминаний), *Pünktlichkeit* (шесть упоминаний), *Plan* (пять упоминаний). Эти ответы отражают акцент немецкой культуры на системность и планирование. Как отмечает В. Г. Зинченко, «немецкая языковая картина мира формируется в условиях высокой социальной регламентированности и структурной предсказуемости» [5, с. 109].

В русской выборке ассоциации носили более конкретный и бытовой характер: *чистота* (12 упоминаний), *уборка* (семь упоминаний), *аккуратность* (пять упоминаний), *уют* (четыре упоминания), *спокойствие* (пять упоминаний).

Русские респонденты связывали концепт *Порядок* с эмоциональным комфортом и организацией домашнего пространства. Это подтверждает тезис Е. С. Яковлевой о том, что «для русской культуры характерно чувственное восприятие порядка, связанное с личным благополучием» [6, с. 78].

Контексты употребления также показали значительные различия. Если в немецком языке *Ordnung* часто ассоциируется с правовыми и бюрократическими сферами (73 % ответов), то в русском – с домашним пространством и организацией личных вещей (87 % ответов).

Полученные данные демонстрируют, что немецкий концепт *Ordnung* формируется вокруг абстрактных принципов системности, дисциплины и регламентации, тогда как русский *Порядок* ориентирован на конкретные проявления организованности в повседневной жизни. Эта разница проявляется и в фразеологии:

Немецкие выражения *Ordnung ist das halbe Leben* ‘Порядок — это половина жизни’ и *Ordnung schafft Freiheit* ‘Порядок создаёт свободу’ подчёркивают философскую значимость порядка. Что касается русских фразеологизмов, такие как *поддерживать порядок* и *навести порядок*, они акцентируют активные действия по его достижению.

Сопоставительный анализ концептов *Ordnung* и *Порядок* выявил их принципиальные различия. Немецкий концепт представляет собой сложную систему абстрактных норм и правил, регулирующих все аспекты жизни, тогда как русский ориентирован на конкретные, чувственно воспринимаемые проявления порядка. Эти различия имеют важное значение для межкультурной коммуникации, так как объясняют потенциальные недоразумения между носителями двух языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Duden Online Wörterbuch. – URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 15.04.2024).
2. Duden 7. Das Herkunftswörterbuch. – Mannheim : Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2008. – 502 с.
3. Duden 11. Die Redewendungen – Mannheim : Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2008. – С. 567–568.
4. Словарь современного русского литературного языка : в 17т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. ; Л. : Наука, 1950–1965. – Т. 9. – 1962. – 562 с.
5. Зинченко, В. Г. Межкультурная коммуникация. Системный подход : учеб. пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003. – 192 с.
6. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.

К содержанию

А. В. КОНОПАЦКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. П. Королюк

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Одной из основных целей современной лингвистики является изучение эмоций и оценок, которые невозможно наблюдать напрямую. В рамках художественного дискурса предположение используется для передачи эмоциональных переживаний, состояния неуверенности, надежды или

сомнений персонажей. Предположение может быть основано на личном мнении, впечатлении говорящего, сообщении другого лица.

С данной категорией связана интеллектуально-познавательная деятельность человека, направленная на осмысление фрагментов действительности. Предположение – это важнейшая составляющая всякого познания: научного и обыденного, художественного и философского. Оно служит стимулом и движущей силой мыслительной деятельности.

Предположение – это оценка степени реальности какого-либо аспекта действительности на основе возможности и вероятности. Оно формируется на основе индивидуального опыта и восприятия окружающего мира, представляя собой абстрактное языковое понятие в рамках категории возможности [1, с. 43]. Люди часто не говорят что-то прямо, когда не уверены или не хотят показаться грубыми. В немецком языке для этого есть специальные слова и выражения, которые показывают, насколько человек уверен в своих словах. [1, с. 43]. Сослагательное наклонение (*Konjunktiv*) играет ключевую роль в реализации этой категории, позволяя автору создавать гипотетические сценарии, передавать оттенки сомнения и условности.

Существуют различные средства для выражения предположения в современном немецком языке, которые включают в себя грамматические, синтаксические и лексические элементы, которые активно взаимодействуют друг с другом.

Роман Керстин Гир «Рубиновая книга» представляет собой художественный текст, насыщенный различными языковыми средствами, посредством которых автор передаёт категорию предположения. В рамках исследования предположения на примере указанного произведения методом сплошной выборки был отобран практический материал – 463 контекстуальных единиц, из них 265 – контексты употребления лексических средств (модальные слова, глаголы, частицы, лексические единицы с семантикой предположения) и 198 – грамматических (конъюнктив, придаточные реального/ирреального условия, инфинитивная конструкция *scheinen* + *zu* + *Infinitiv* и вопросительные предложения).

В количественном отношении соотношение лексических и грамматических средств презентации модального значения предположения составляет 57,3 % к 42,7 % соответственно.

В анализируемом романе наблюдается активное использование сослагательного наклонения для выражения условности и гипотетичности. Автор использует конъюнктив как самостоятельное средство либо в сочетании с модальными словами и глаголами, что позволяет усиливать ощущение неуверенности и возможности. Примеры из текста

демонстрируют, как конструкции с сослагательным наклонением формируют предположение:

«*Wahrscheinlich gäbe es einen Volksauflauf, wenn du dort so auf die Straße gingest*», sagte sie und rang die Hände [2, с. 146].

Oder auch ein kluges Liebe Maddy, hattest du vielleicht eine Vision, die uns weiterhelfen könnte? [2, с. 35].

Внутренние монологи героев и реплики в диалогах часто включают сочетание модальных слов (например, *wahrscheinlich*, *vielleicht*) с формами конъюнктива, что усиливает субъективное восприятие описываемого события.

В следующих примерах имеет место употребление модальных глаголов в форме сослагательного наклонения, что способствует усилию выражаемого значения неуверенности и предположения:

Und dann könnten wir den Zug nach Southampton nehmen [2, с. 7].

Bei den unkontrollierten Zeitsprüngen könntest du verletzt werden oder sogar getötet [2, с. 170].

Всего в произведении было зафиксировано 117 примеров употребления конъюнктива как грамматического средства реализации семантики предположения.

Таким образом, из 198 случаев употребления грамматических средств выражения категории предположения в романе К. Гир в романе «*Rubinrot*» подавляющее количество составляет конъюнктив – 59,4 %.

Объединённое использование лексических и грамматических средств в романе позволяет передать эмоциональную и когнитивную неоднозначность предположений. Лексические средства составляют 57,3 % репрезентации предложения, однако именно грамматические средства, в частности сослагательное наклонение, обеспечивают глубину субъективной оценки. С его помощью автор передаёт не только вероятность, но и внутренние переживания, сомнения и мечтательность героев, что особенно актуально для подростковой литературы, где вопросы самоидентификации и поиска своего места в мире занимают центральное место.

Таким образом, анализ романа Керстин Гир «Рубиновая книга» показал, что сослагательное наклонение эффективно передаёт гипотетичность и условность высказываний, придавая тексту эмоциональную многозначность. Форма конъюнктива позволяет точно выразить неуверенность и вероятность, что подчёркивает значимость грамматических средств для выражения категории предположения в художественном тексте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медведева, Т. С. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры / Т. С. Медведева, М. В. Опарин, Д. И. Медведева. – Ижевск : Ижевский университет, 2011. – 162 с.
2. Gier, K. Rubinrot. Liebe geht durch alle Zeiten / K. Gier. – Würzburg : Arena, 2009. – 345 S.

К содержанию

А. В. КУЧКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Л. Зозуля

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СУБСТАНТИВНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Сегодня развитие человечества неотделимо от процессов глобализации. Возникновение новых явлений неизбежно ведет к появлению новых слов и значений, что, согласно взглядам Фердинанда де Соссюра, соответствует периодам интенсивных общественно-политических и культурных трансформаций [1, с. 24]. В «Словаре лингвистических терминов» под редакцией О. С. Ахмановой неологизм определяется как «слово или оборот, созданное (возникшее) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия [2, с. 261–262].

В современном немецком языке можно наблюдать большое количество неологизмов, что дает возможность классифицировать их по различным параметрам, таким как принадлежность к языковой системе, продолжительность существования, происхождение, сфера употребления, способ вхождения в язык. Так, по способу вхождения в язык неологизмы подразделяются на несколько категорий: семантические, морфологические, фонологические, лексические и фразеологические [3, с. 45].

Морфологические неологизмы возникают при использовании процессов словообразования. Согласно О. С. Ахмановой, словообразование означает «образование новых слов путем соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем, а также основ (баз) данного языка в разных комбинациях по определенным моделям, включающим правила чередования звуков, определяющим тот или иной характер соединения и т. п.» [2, с. 424]. Современный немецкий язык располагает многими морфологическими способами образования новых слов, таким как аффиксальный способ, словосложение, конверсия (субстантивация, адъективация, вербализация), сокращение, заимствование из других языков, сращение, аббревиация.

Материалом для данного исследования послужили данные онлайн-словаря OWID, содержащего около 2500 неологизмов, зарегистрированных с 1991 по 2020 год [4]. Особое внимание было уделено существительным-неологизмам, появившимся в словаре в период с 2011 по 2020 год, непосредственному анализу были подвергнуты 166 лексем. Анализ этих существительных-неологизмов показал, что их основными способами образования являются морфологический (83 %) и семантический (2 %) моделирование, а также заимствование (4,5 %).

Наиболее распространенным способом формирования субстантивных неологизмов в анализируемой выборке являются дериваты. Это слова, созданные посредством морфологических механизмов, что продемонстрировано в таблице.

Таблица – Репрезентативность способов образования немецких субстантивных неологизмов (по данным выборки)

Способ образования	Кол-во единиц	Процентное соотношение (%)
Словосложение	146	88 %
Аффиксация	9	5,4 %
Блендинг	6	3,6 %
Сокращение	5	3 %
Итого	166	100 %

Таким образом, основным морфологическим способом образования немецких субстантивных неологизмов в данной выборке является словосложение, которое насчитывает 146 примеров и составляет 88 % от общего количества субстантивных неологизмов, образованных морфологическим способом.

В рамках выборки словосложение представлено следующими моделями:

1) существительное + существительное (125 примеров, 75,4 %): *der Abbruchjäger* ‘охотник за отменами’ = *der Abbruch* + *der Jäger* и др.;

2) прилагательное + существительное (13 примеров, 7,8 %): *das Altkennzeichen* ‘старый номерной знак’ = *alt* + *das Kennzeichen* и т. д.;

3) глагол + существительное (6 примеров, 3,6 %): *die Abschalteinrichtung* ‘система отключения’ = *abschalten* + *die Einrichtung* и др.;

4) числительное + существительное (1 пример, 0,6 %): *der 3-D-Drucker* ‘3Д-принтер’ = *3D* + *der Drucker*;

5) словосочетание + существительное (1 пример, 0,6 %): *der ‘Gefällt mir’-Button* ‘кнопка лайка’ = *Gefällt mir* + *der Button*.

Неологизмы, образованные с помощью аффиксации, представлены в корпусе фактического материала следующими группами:

1) неологизмы, образованные с помощью префиксации. Для образования неологизмов используются следующие префиксы:

bio- (3 примера, 1,8 %): *der Biodeutscher* ‘исконный немец’ и др.;

mikro- (1 пример, 0,6 %): *das Mikroplastik* ‘микропластик’;

vor- (1 пример, 0,6 %): *die Vorsynode* ‘предсинодальное собрание’;

cyber- (1 пример, 0,6 %): *die Cyberabwehr* ‘киберзащита’;

2) неологизмы, образованные с помощью суффиксации: -er (три примера или 1,8 %): *der Brexiteer* ‘сторонник Брекзита’.

Как показал проведенный анализ, для образования субстантивных неологизмов в немецком языке используется и такой способ, как блендинг или стяжение основ (шесть примеров, 3,6 %), например: *der Aluhut* ‘шапочка из фольги’ = *Aluminium + Hut* и т. д.

В корпусе фактического материала представлены примеры использования сокращения. Нами были выделены следующие типы сокращений:

1) аббревиация (четыре примера, 2,4 %): *BFD* ‘федеральная добровольная служба’ от *Bundesfreiwilligendienst*;

2) стяжение (один пример, 0,6 %): *S-Pedelec* ‘электросамокат’ от *Speed Pedal Electric Cycle*.

Таким образом, наиболее продуктивной моделью словообразования в данной выборке оказалось словосложение, а именно конструкция «существительное + существительное». В целом результаты исследования подчеркивают важность постоянного мониторинга языковых изменений, что позволяет фиксировать новшества и анализировать их влияние на языковую культуру и общество в целом. Таким образом, неологизмы представляют собой не только лексические единицы, но и важные маркеры социальных и культурных преобразований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соссюр, Ф. Труды по языкоznанию / Ф. Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Совет. энцикл., 1989. – 607 с.
3. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – М. : Высш. шк., 1989. – 126 с.
4. Neologismenwörterbuch. – URL: <https://www.owid.de/docs/neo/start.jsp> (дата обращения: 12.03.2025).

Т. Н. ПАНТЕЛЕЕНКО

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Л. Зозуля

ПРОИЗВОДНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Язык является фундаментальным средством человеческого общения, не только выполняющим номинативную функцию, но и позволяющим выражать сложные мысли и идеи. Лексическая система языка постоянно развивается, претерпевая естественные изменения, которые способствуют обогащению словарного состава. Одним из ключевых механизмов этого обогащения является словообразование.

Исследование существительных с суффиксом *-er* в современном немецком языке представляет интерес как с теоретической, так и с практической точек зрения. Эти лексические единицы формируют значительный пласт словарного состава и демонстрируют высокую продуктивность. С теоретической позиции анализ данных слов позволяет глубже понять словообразовательные механизмы немецкого языка. С практической стороны изучение существительных с *-er* играет важную роль в освоении языка, поскольку способствует расширению словарного запаса и лучшему пониманию языковой системы. Как отмечает Н. В. Фурашова, «для немецкого языка, обладающего развитой системой словообразования, знание закономерностей формирования новых слов особенно важно» [1, с. 3].

Суффикс *-er* в немецком языке представляет собой один из самых продуктивных и многогранных словообразовательных элементов. Его способность образовывать существительные с разнообразными значениями делает его важным объектом лингвистического исследования. В данной статье мы рассмотрим закономерности образования и функционирования таких существительных на основе анализа слов, отобранных методом сплошной выборки из онлайн словаря DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache) [2].

Согласно Л. Л. Нелюбину: «Сплошная выборка – это выборка, при которой учитываются не только сами частоты, но и общие условия функционирования языковых элементов и влияние этих условий на процессы функционирования; дает надежную информацию о статистических закономерностях изучаемой подсистемы. А выборка, в которой опущены некоторые элементы, уже не может считаться (и являться) сплошной...» [3, с. 208]. Выбор метода сплошной выборки обусловлен его высокой степенью объективности и репрезентативности. Этот подход

предполагает последовательный отбор первых 100 существительных с суффиксом *-er* из словаря DWDS, что позволяет исключить субъективность и обеспечить достоверность результатов. Кроме того, словарь DWDS предоставляет не только обширную базу данных, но и дополнительные инструменты для анализа частотности, семантических оттенков и хронологического распределения слов, что делает его прекрасным источником для лингвистических исследований.

Анализ показал, что существительные с суффиксом *-er* образуются от различных частей речи. Наибольшую группу составляют слова, образованные от глагольных основ (44 %), например, *abprallen* → *der Abpraller* (мяч, отскакивающий от препятствия). Существительные, производные от других существительных, занимают второе место по частотности (32 %), как в случае *die Abendschule* → *der Abendschüler* (ученик вечерней школы). Менее распространены образования от числительных (4 %), такие как *acht* → *der Achter* (лодка на восемь гребцов), а также сложные слова, состоящие из двух основ (20 %), например, *all + round* → *der Allrounder* (универсальный специалист).

Грамматический анализ выявил несколько важных закономерностей. Все 100 исследуемых существительных относятся к мужскому роду (*der Abnehmer*, *der Anfänger*), что подтверждает традиционную связь суффикса *-er* с обозначением деятеля. Также все слова имеют формы как единственного, так и множественного числа (*der Abscheider* – *die Abscheider*, *der Abendfüller* – *die Abendfüller*).

Стилистическая окраска исследуемых слов также оказалась неоднородной. Большая часть (58%) является стилистически нейтральной (*der Abholer* (человек, забирающий что-либо)), тогда как 22 % относятся к разговорной лексике (*der Abzocker* (мошенник)), а 20 % представляют собой профессиональные термины (*der Abtaster* (сканер)).

Семантический анализ позволил выделить несколько ключевых категорий. Наиболее многочисленной оказалась группа слов, обозначающих профессии (38,6 %), например, *der Abrichter* (дрессировщик). Второе место заняли существительные, называющие субъектов действия (25 %), такие как *der Anfrager* (отправитель запроса). Значительную долю составили также слова, обозначающие устройства (17 %), например, *der Abscheider* (сепаратор), и термины (12,5 %), такие как *der Alexandriner* (александрийский стих). Кроме того, были выделены существительные, обозначающие национальности (6,8 %), например, *der Albaner* (житель Албании).

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что суффикс *-er* играет важную роль в словообразовании немецкого языка, преимущественно участвуя в создании существительных от глагольных

основ. Все лексемы относятся к мужскому роду, имеют полную парадигму числа, большинство нейтральную стилистическую окраску. Наиболее частотной семантической категорией оказалась номинация профессий, что подчеркивает социально-коммуникативную функцию данного суффикса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фурашова, Н. В. Практикум по лексикологии немецкого языка : учеб. пособие / Н. В. Фурашова. – Минск : МГЛУ, 2015. – 116 с.
2. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 06.04.2025).
3. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 320 с.

К содержанию

С. В. ПОНОМАРЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Кальчук

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ НОМИНАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Транспорт занимает центральное место в жизни современного общества, обеспечивая перемещение людей и грузов, а также способствуя экономическому росту и социальному развитию. Он является важнейшей частью инфраструктуры любой страны и отражает уровень её технологического и культурного прогресса. Транспорт играет ключевую роль в жизни людей, обеспечивая:

- мобильность: он позволяет перемещаться из одного места в другое, сокращая расстояния и экономя время;
- торговлю и экономический рост: транспорт упрощает перемещение товаров и услуг, способствуя развитию торговли и экономики;
- социальное взаимодействие: он соединяет людей, облегчая поездки на работу, в учебные заведения, к друзьям и семье;
- доступ к основным услугам: транспорт обеспечивает возможность доступа к важным услугам, таким как здравоохранение, образование и отдых;
- улучшение качества жизни: он способствует повышению качества жизни, позволяя людям путешествовать, исследовать новые места и расширять свои горизонты.

История транспорта насчитывает тысячи лет и начинается с самых простых способов передвижения, таких как пешие прогулки и использование животных в качестве силы для тяги. В последние десятилетия наблюдается значительное развитие транспортной системы, что связано с технологическими инновациями, изменениями в общественных потребностях и экологическими вызовами. Появление новых видов транспорта, таких как электромобили, требует обновления и пополнения лексики. Поэтому изучение наименований транспорта становится особенно актуальным.

Науку об именах, о природе наименования, о средствах обозначения и их типах называют ономасиологией. Основной целью ономасиологии можно считать создание теории номинации, ее главной задачей – «изучение средств и способов называния отдельных элементов действительности» [1, с. 222]. Явление номинации является многогранным и интересным. Именно поэтому вопросы, связанные с номинацией и ее механизмами, продолжают вызывать интерес у лингвистов, несмотря на кажущуюся изученность и разработанность.

Вторичная номинация включает в себя процесс создания новых слов путём изменения значений уже существующих или их использования в новом контексте, семантическую деривацию, заимствование слов из других языков и образование новых слов через словообразование.

Целью нашего исследования является изучение словообразования как одного из ключевых способов номинации транспортных средств в немецком языке.

Словообразование подразумевает создание новых слов с помощью различных методов, таких как добавление аффиксов (приставок и суффиксов), композиции (соединение слов), конверсии (переход слова из одной части речи в другую), аббревиатуры и других процессов формирования слов.

При безаффиксном образовании новых слов происходит переход одних частей речи в другие. В таких случаях значительно сложнее отличить производное слово от его основы. При образовании слов с помощью суффиксов словообразовательный элемент располагается после корня, уточняя и расширяя значение исходного слова. При образовании слов с помощью префиксов словообразовательный элемент располагается перед корнем исходного слова, добавляя ему новые характеристики.

Материалом исследования являются 148 лексических единиц, отобранные методом сплошной выборки из словаря «Duden – Deutsches Universal-Wörterbuch» [2] по ключевым маркерам, которыми выступили такие единицы, как *das Transportmittel, das Verkehrsmittel, der Wagen, das*

Auto, das Fahrzeug, т. к. они обозначают транспортное средство в немецком языке.

Все лексические единицы ЛСГ «Транспорт» были образованы путем вторичной номинации: семантической деривации, заимствования слов из других языков или словообразования (рисунок).

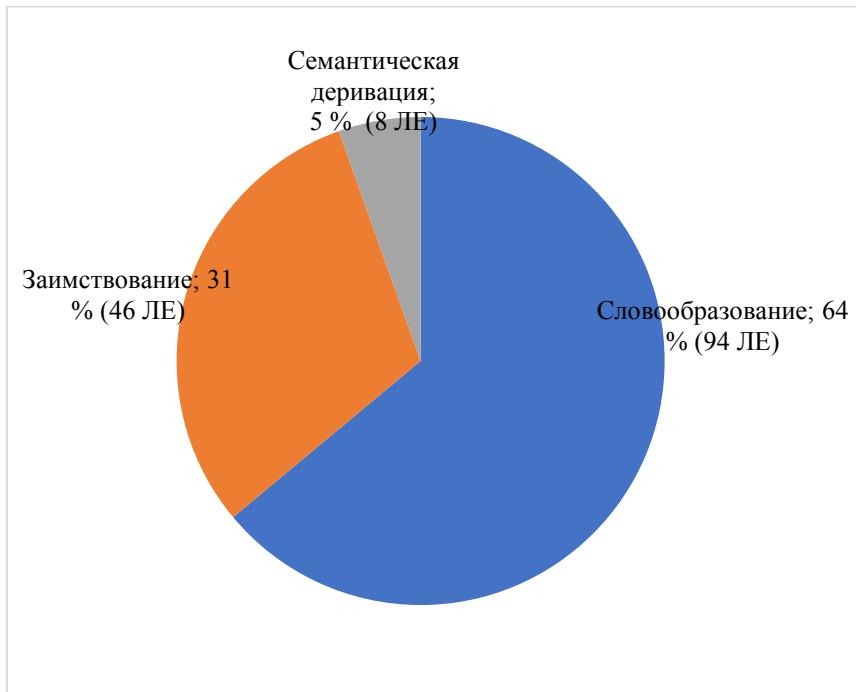

Рисунок – Способы вторичной номинации в ЛСГ «Транспорт»

В ходе анализа лексических единиц мы установили, что словообразование (64 % или 94 ЛЕ) является наиболее распространенным способом пополнения группы «Транспорт» в немецком языке. Наиболее продуктивными способами словообразования в данной группе являются:

- сложение – это основной способ словообразования, при котором два или более слова объединяются в одно. Например, *das Feuerwehrfahrzeug* образовано путем сложения двух слов *die Feuerwehr* / пожарная служба и *das Fahrzeug* / транспортное средство; *der Fernlastwagen* образовано сложением трех слов *fern* / далекий + *die Last* / груз + *der Wagen* / повозка; *der Schützenpanzer* образовано сложением слов *schützen* / защищать + *der Panzer* / танк; *der Öltanker* образован сложением слов *das Öl* / нефть + *der Tanker* / танкер; *der Möbelwagen* образовано сложением *die Möbel* / мебель + *der Wagen* / повозка;

- аффиксация (добавление приставок, суффиксов). *Das Beiboot* ‘zum Schiff gehörendes Boot (besonders für den Verkehr mit dem Land)’ образовано путем добавления аффикса *bei* / *y*, при, около к существительному *das Boot* /

лодка; *der Flitzer* ‘kleines, sportliches schnelles Fahrzeug’ образовано от глагола *flitzen* ‘мчаться’ путем добавления суффикса *-er*; *das Gespann* ‘Wagen mit einem Gespann’ образовано от глагола *spannen* (‘запрягать’) путем добавления приставки *ge-*; *das Wägelchen* образовано при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-chen*;

- безаффиксная деривация, например, *das Floß* образовано путем изменения корня слова *fließen* (‘течь’); *der Zug* образовано путем изменения корня слова *ziehen* / *тянуть*;
- конверсия (переход из одной части речи в другую): *der Schlitten* образовано от глагола *schlitten* (‘кататься на санях’);
- аббревиация (сокращения): *das U-Boot* сокращено от *das Unterseeboot* (‘подводная лодка’); *die S-Bahn* сокращено от *die Stadtbahn* (‘городская электричка’) или *die Schnellbahn* (‘экспресс’); *das Moped* сокращено от *der Motor* (‘двигатель’)+ *die Pedale* (‘педали’); *Ü-Wagen* сокращено от *der Übertragungswagen*.

Словообразование является важным и динамичным процессом, который играет ключевую роль в номинации транспортных средств в немецком языке. Лексические единицы, образованные путем словообразования, позволяют наиболее точно передать информацию о различных видах транспорта и их характеристиках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Серебренников, Б. А. Языковая номинация (виды наименований) / Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – 359 с.
2. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bd. – Elektronische Datei (576 Mb). – Mannheim : Bibliogr. Inst. & F.A. Brockhaus AG, 2000. – 1 электр. опт. диск (CDROM).

К содержанию

Е. Р. РЕЗЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. А. Пилипенко

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА *SEHNSUCHT / ТОСКА* В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Вопросы взаимодействия языка, мышления и культуры занимают одно из центральных мест в когнитивной лингвистике. Особое внимание уделяется также концептам как ментальным образованиям, отражающим опыт и культурные ценности народа. Концепты *Sehnsucht* и *Тоска* являются

репрезентантами сложных эмоциональных состояний. Несмотря на внешнюю схожесть они демонстрируют уникальную культурную специфику, характеризующие особенности их вербализации.

Понятие «концепт» вошло в ряд смежных дисциплин и активно используется в таких научных направлениях, как семантика, лингвокультурология когнитивистика. В рамках когнитивной лингвистики язык исследуется как часть когнитивного аппарата для кодирования и изменения информации. В основе целеполагания когнитивистики лежит понимание процессов восприятия, категоризации и интерпретации окружающего мира. Лингвокультурология, в свою очередь, изучает взаимосвязь между культурой и языком, а также анализирует структуру единиц, учитывая языковые и внеязыковые содержания. Семантика под концептом подразумевает абстрактное понятие, которое представляет собой понятие чего-то обобщенного [1].

У каждого народа есть свой уникальный набор концептов. Так, для русской культуры главными являются такие концепты, как «томление», «грусть», «печаль», «скуча», «уныние», «хандра», «тревога», «тоска по Родине». К ключевым концептам немецкой культуры относят «страх», «порядок», «пунктуальность», «идеализм», «потребность в чувстве безопасности», «тяга-тоска», «глубина стремление к бездне».

В моем исследовании был проведен сравнительный анализ концептов *Sehnsucht* в немецкой культуре и *Тоска* в русской культуре, что позволило не только проследить сходства и различия между двумя важными эмоциональными концептами, но и выявить, насколько глубоко они укоренены в менталитете, языковой структуре и культурной памяти советующих народов.

Проведённый анализ концептов *Тоска* и *Sehnsucht* выявил как общие черты, так и принципиальные различия в своей семантике, восприятии, культурных коннотациях и языковом выражении этих сложных эмоциональных состояний в двух культурах. Эти понятия занимают центральное место в языковых картинах мира, отражая уникальные способы переживаний и внутреннего состояния. Общей чертой концептов является их связь с ощущением утраты и недостижимости желаемого. Оба понятия обладают широкой синонимической периферией, что позволяет передавать различные грани этих переживаний – от легкой грусти до глубокого страдания. Однако при более детальном анализе, нам удалось выявить некие различия между ними.

В немецкой культуре, особенно в эпоху романтизма, этот концепт занял значимое место. Слово «*Sehnsucht*» в немецком языке происходит от (*sehnen* – ‘стремиться’ и *Sucht* – ‘болезненное влечение’) изначально выражает идею активного стремления и тоски, связанной с желанием. Хотя

это состояние может быть болезненным, оно зачастую ассоциируется с романтическим поиском идеала, духовным устремлением в будущее [2].

Русская «Тоска», наоборот, обладает иной семантической структурой. Ее этимология восходит к общеславянскому «тъсka», означающему пустоту, отражая тем самым идею подавляющего душевного состояния. В толковых словарях С. И. Ожегова и В. И. Даля данная лексема трактуется как «тяжелое угнетающее чувство, душевное беспокойство», подчеркивая аспект страдания и безысходности. В то время как немецкая репрезентанта *Sehnsucht* нацелена на будущее, стремится к недостижимому идеалу, а русская репрезентанта направлена на прошлое или воспринимается как меланхолия пустоты в настоящем [3; 4].

Различия в языковом выражении данных ментальных образований являются весьма значимыми. Немецкий язык проявляет тенденцию к созданию сложных слов (*Zusammensetzung*), например, *Heim + Weh = Heimweh* (тоска по родному дому), *Fern + Weh = Fernweh* (тоска по далеким местам). Русский язык делает акцент на эмоциональной глубине переживаний, используя такие языковые средства, как чередование согласных *sk* / *šč* в корне (*tъsk-* / *tъšč-* → тоска / тщета); историческое вытеснение одних форм другими (тоскнуть → тосковать); суффиксации (-а, -н-, -лив-, -ова-).

Суффикс -а (образование абстрактных существительных): тъска → тоска.

Суффикс -н- (в прилагательных и наречиях): тоск-н-ый → тоскный (устар., теперь – тоскливый).

Суффикс -лив- (для качественных прилагательных): тоск-лив-ый → тоскливый.

Суффикс -ова-/ева- (глагольные формы): тоск-ова-ть → тосковать (закрепилось вместо «тоскнуть») [5].

Культурные аспекты этих концептов также имеют значительные отличия. В творчестве немецких художников *Sehnsucht* связывается с образами свободного полета, гор. В русской живописи тоска переплетается с представлениями о бескрайних просторах, явлениями природы и одиночестве, подчеркивая ее неподвижность и завораживающий характер.

Философское осмысление этих концептов также идет разными путями. Если в немецкой традиции *Sehnsucht* рассматривается как источник творческого вдохновения, то в русской философии и литературе тоска чаще предстаёт как испытание, ведущее к духовному прорыву через страдание и принятие экзистенциальной пустоты.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что несмотря на внешнее сходство русской *Тоски* и немецкой *Sehnsucht* отражают совершенно разные походы к переживанию и осмыслению. Эти различия

связаны не только спецификой языковой системы, но и особенностями восприятия мира и национальности, благодаря чему данные концепты служат уникальными маркерами русской и немецкой культурной идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузгина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
2. Duden Online Wörterbuch. – URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 28.10.2023).
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1989. – 922 с.
4. Да́ль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Прогресс, 1994. – Т. 4. – 864 с.
5. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1994. – Т. 2. – 396 с.

К содержанию

А. В. СИМОНОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. П. Королюк

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ В АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ

Отрицание является универсальным понятием, пронизывающим различные сферы человеческой деятельности и мышления. В общем смысле, данное понятие представляет собой процесс или акт выражения негативной концепции или идеи. Это может включать в себя отказ от признания истинности чего-либо, отрицание существования определенного явления или определенных утверждений. Отрицание позволяет человеку отвергать неверные представления или неприемлемые идеи, что способствует развитию новых утверждений и концепций. В философии отрицание рассматривается как основной элемент диалектики и мышления, позволяющий анализировать и обсуждать противоположные концепции и точки зрения. В языке отрицание используется для выражения отрицательных суждений или идей, что имеет значимость в коммуникации и передаче мыслей. В данной статье рассматриваются лексические средства реализации категории отрицания в немецком языке.

В контексте философии отрицание представляет собой процесс отвержения или противоположности. Оно играет ключевую роль вialectическом мышлении и позволяет понять природу противоречий в мире. Абсолютное отрицание – это лишь та форма движения, в которой абстрактный отрицательный переход принимает себя на возвратном пути, проникает внутрь себя, становится неким тождественным с собой опосредованием. Это означает, что отрицание не просто отказ от чего-то, а активный процесс, проникающий в суть вещей и их противоположности [1].

Иначе чем философией отрицание воспринимается логикой. Отрицание – фундаментальное понятие, которое играет важную роль в анализе утверждений, построении аргументов и формализации рассуждений. С точки зрения формальной логики отрицание представляет собой «... логическую операцию, противопоставляющую истинному суждению неистинное, ложному суждению неложное суждение указывающую на несоответствие предиката субъекту или образующую дополнение к данному классу...» [2, с. 56].

Опираясь на все вышесказанное, можно прийти к выводу, что отрицание оказывает влияние на формирование внутреннего мира, восприятие окружающих объектов и помогает более четко выражать свою позицию в контексте различных призм познания. Следовательно, категория отрицания существует и в коммуникации как средство выражения отрицательных суждений, идей или фактов. Его функция заключается в том, чтобы отрицать утверждение или установить противоположное значение. Отрицание играет важную роль в языковой коммуникации, позволяя говорящему выражать несогласие, отказ или отрицание факта.

Отрицание в тексте и устной речи выражается различными лингвистическими средствами. Отрицание является неотъемлемой частью языковой системы и играет важную роль в языковой коммуникации. Понимание его функций, особенностей и способов выражения позволяет более глубоко понимать структуру языка и его использование в различных контекстах. Изучение отрицания в лингвистике помогает лучше понять механизмы языковой коммуникации и особенности семантики и грамматики различных языковых систем.

В современной лингвистике отрицание все так же привлекает особое внимание. Термином «отрицание» обозначают ту смысловую часть предложения, которая отвергается говорящим как ложная или связь с реальными фактами которой не установлена. Отрицание высказывается в ситуации, когда утверждение было сделано ранее или оно подразумевается как общепринятое. Отрицание является одной из неотъемлемых семантических категорий, присущих всем языкам мира, и не может быть разложено на более простые семантические элементы [3].

Отрицание – это выражение при помощи лексических, фразеологических, синтаксических и других средств языка того, что связь, установленная между элементами высказывания, реально не существует или мыслится как реально не существующая [4, с. 302].

Возможности немецкой грамматики, словообразования и собственно лексики раскрывают все богатство языка и речи и позволяют использовать всевозможные средства для выражения отрицания как маркированного члена оппозиции данной категории [5]. Рассмотрим подробнее данную категорию на примере романа Г. Бёлля «Глазами клоуна» [6].

К лексическим средствам отрицания относятся отрицательные местоимения и наречия. Для выражения отрицания в отношении одушевленных объектов наиболее часто используется местоимение *niemand* ‘никто’. Например:

Später lief er natürlich immer wieder seine 10,9 und 11,0, und niemand glaubte uns, sie lachten uns aus.

Es war niemand da, der mich aus dem Spiegel zurückgeholt hätte.

Схожую семантику имеет отрицательное местоимение *nichts* в немецком языке. Но последнее используется для выражения отрицания в отношении существительных, обозначающих отсутствие или нулевое количество чего-либо. Вот основные случаи употребления данного местоимения:

1. Отрицание существительных: *nichts* ‘ничего’ используется для отрицания существительных, выражающих концепцию отсутствия или ничтожного количества. Например:

«*Bitte*», sagte ich, «*dem steht nichts im Wege*».

2. Отрицание действий или процессов: часто *nichts* используется для отрицания действий или процессов. Например:

Er blickte auf seinen Teller und sagte nichts.

3. Отрицание качества или состояния: *nichts* также может использоваться для отрицания качества или состояния. Например:

Bei Christen bin ich noch auf Überraschungen gefaßt, wie bei Kostert etwa, dem es tatsächlich gelang, mich in Erstaunen zu versetzen, aber bei Katholiken überrascht mich nichts mehr.

4. Отрицание идеи или концепции: иногда *nichts* применяется для отрицания идей или концепций. Например: *Das ist nichts für mich.* ‘Это ничего для меня’.

В предложениях с отрицательным характером высказывания слова *niemand* и *nichts* могут занимать то же место, что и существительное. Местоимение *nichts* не изменяется по падежам, в то время как *niemand* отличается формами косвенных падежей, среди них *niemandem*, *niemanden*. Например:

*Ich glaube, es gibt **niemanden** auf der Welt, der einen Clown versteht, nicht einmal ein Clown versteht den anderen, da ist immer Neid oder Mißgunst im Spiel.*

Следующие отрицательные наречия распределяются по ряду семантических классов и помимо отрицательной назначенности сообщают информацию о месте события, о времени и о направлении движения. В данной категории рассматриваются наречия места (*nirgendwo* ‘нигде’); времени (*nie* ‘никогда’, *niemals* ‘никогда, ни разу’, *nimmer* ‘никогда’); направления: *nirgendwoher* ‘ниоткуда’, *nirgendwohin* ‘никуда’:

Nirgendwo ist ein Professioneller besser versteckt als unter Amateuren

*Ich hatte sie noch **nie** mit Hut gesehen, sie hatte sich immer geweigert, einen aufzusetzen.*

Далее рассмотрим местоимение *kein* ‘никто’ и его производные *keiner*, *keines*, *keine*. Местоимение обозначает отсутствие человека или группы людей, которые соответствовали бы ранее установленному условию, и в предложении выступает в качестве самостоятельной части речи. Несколько примеров употребления отрицательных местоимений в подобных подобных ситуациях:

*Ich bin weder zu groß, noch zu klein, und meine Nase ist nicht so lang, daß sie in meinem Paß unter besondere Merkmale eingetragen ist. Dort steht: **keine**.*

*Erst jetzt fiel mir ein, daß Kostert mir den Schnaps, den ich mir ausbedungen hatte, gar nicht gebracht hatte. Sicher hatte er geglaubt, es wäre aus pädagogischen Gründen besser, mir **keinen** zu bringen, und hatte der christlichen Sache damit sieben Mark fünfzig gespart.*

*Wahrscheinlich war ich doch zu naiv, wenn ich annahm, hier in Bonn wüßte noch **keiner** von meinen Reinfällen.*

Менее часто употребимое неопределенное местоимение *keinerlei*:

*Eine Dame strömt **keinerlei** Art von Geruch aus.*

Проанализировав все высказывание, можно прийти к выводу, что отрицательные местоимения используются для выражения отсутствия или отрицания чего-либо или кого-либо. Наречия направлены больше на характеристику объекта или явления и используются для выражения отсутствия или отрицания действия, события или качества. В целом использование отрицательных местоимений и наречий позволяет выразить отрицание более категорично и однозначно, чем использование отрицательных частиц. Они подчеркивают полное отсутствие или отрицание чего-либо конкретного или определенного.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Протопопов И. А. Диалектический метод и понятие отрицания в философии Гегеля // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2020.– URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialekticheskiy-metod-i-ponyatiye-otritsaniya-v-filosofii-gegelya> (дата обращения: 21.05.2025).

2. Кондаков, Н. И. Логический словарь / Н. И. Кондаков – М. : Наука, 1971. – 367 с.
3. Карпова, И. Д. Категория отрицания с позиций когнитивной лингвистики // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №5 (42). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorija-otritsaniya-s-pozitsiy-kognitivnoy-lingvistiki> (дата обращения: 21.05.2025).
4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова – М. : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
5. Алиева, У. Х. Отрицательные предложения в немецком языке / У. Х. Алиева // Вопросы науки и образования. – 2017. – №3 (4). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otritsatelnye-predlozheniya-v-nemetskom-yazyke> (дата обращения: 21.05.2025).
6. Böll, H. Ansichten eines Clowns / H. Böll. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1963. – 320 S.

К содержанию

А. О. ТУРОБОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Кальчук

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ КОЛОРОНИМОВ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Язык представляет собой уникальную призму, сквозь которую человек воспринимает и осмысливает окружающий мир. Слова – это те краски, которые позволяют полноценно отразить картину реальности. И именно теория номинации выступает своеобразным путеводителем, объясняющим, как происходит процесс присвоения имен предметам и явлениям.

Являясь одним из важнейших аспектов лингвистики, номинация всегда привлекала внимание ученых. В XX веке значительный вклад в ее изучение внесли лингвисты Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гақ, В. Н. Телия, Е. С. Кубрякова и др.

Номинация представляет собой акт наречения, словесного обозначения тех или иных фрагментов действительности. Это языковой феномен, лежащий в основе создания новых лексических единиц и пополнения словарного состава языка. Благодаря номинации мы можем именовать все, что нас окружает, закрепляя определенные понятия за конкретными звукобуквенными комплексами [1].

В лингвистике выделяют несколько типов номинации, среди которых наиболее распространенной является лексическая номинация – создание новых слов. Она может быть первичной (создание новых имен для обозначения объектов, событий или концепций в языке, т. е. первообразные

слова) и вторичной (использование уже существующих языковых единиц для обозначения новых понятий).

Вторичная номинация выступает как один из показателей динамичного развития языка. Она свидетельствует о том, что язык находится в постоянном движении и функционировании. Появление новых имен отражает изменения в материальной и духовной культуре, в мышлении и восприятии окружающего мира [2].

Основными способами номинации лексики в лингвистике являются словообразование, заимствование и семантическая деривация [3].

Наше исследование проводилось на базе колоронимов английского и немецкого языка. Анализ 200 немецких и 200 английских колоронимов, отобранных по каталогам одежды, по структурным и семантическим признакам позволил выделить колоронимы первичной и вторичной номинации. Исследование показало, что вторичная номинация играет ключевую роль в обогащении словарного состава, особенно в таких специализированных сферах, как мода.

Анализ фактического материала исследования показал, что немецкий язык активно использует словообразование (62 %) и семантическую деривацию (18 %), тогда как английский полагается на словосочетания (62 %) и заимствования (20 %) (рисунки 1 и 2).

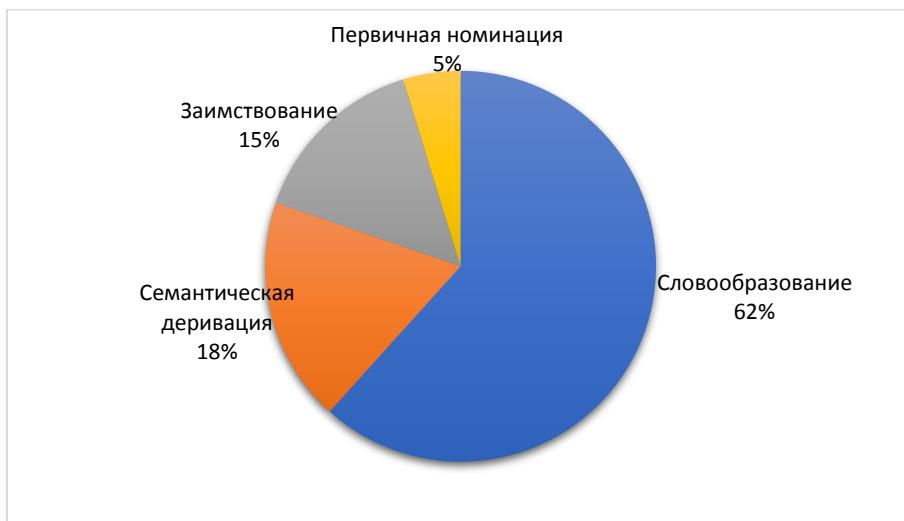

Рисунок 1 – Первичная и вторичная номинации немецких колоронимов

Рисунок 2 – Первичная и вторичная номинации британских колоронимов

Объяснить это можно тем, что английский язык является аналитическим языком и склонен к выражению грамматических и семантических отношений через порядок слов, а не через словообразование. А словообразование, в свою очередь, позволяет более компактно выразить грамматические и семантические отношения за счет изменений внутри слова.

Английский язык также активно использует семантическую деривацию (11 %) для пополнения состава колоронимов. Самой маленькой группой для немецкого языка являются колоронимы, образованные путем заимствования (15 %), в английском языке такую группу образуют словообразования (6 %).

Колоронимы, образованные путем словообразования в немецком и английском языках, представляют собой лексические единицы, образованные при помощи словосложения.

Система немецких и английских словосложений представлена двучленными моделями. Немецкий язык включает разнообразные сочетания частей речи:

- прилагательное + прилагательное: *graublau*;
- существительное + прилагательное: *himmelblau*.

В отличие от немецкого, английское словосложение представлено следующей моделью: существительное + существительное: *blueberry* или *moonbeam*.

Слова, образованные путем словосочетания, были выделены только в английском языке. Этот способ предполагает сочетание прилагательного или существительного, обозначающего цвет, с уточняющим словом, например, *navy blue*, *forest green*, *shadow brown*.

Современные представления о цвете активно используют понятие образа, который сопутствует метафоре и метонимии. Современные обозначения цвета «питаются» метонимическим переносом из разных сфер окружающего мира [4].

Анализ фактического материала исследования позволил выделить продуктивную модель метонимического переноса «плод / цветок / предмет неживой природы и др. → цвет». В данных моделях происходит развитие смыслового содержания на основе смежности признака (цвета) того, что уже обозначено в предшествующем значении слова и нового обозначаемого [5].

Заимствованные колоронимы, представляют собой группу слов, которая пришла в немецкий и английский языки из других языков. В немецком языке мы выделили следующие языки:

- английский: *black, pink, white*;
- французский: *bleu, beige, marine*;
- испанский: *vanilla, chili, papaya*;
- латинский: *senf, natur, sesam*;
- итальянский: *caffuccino, magenta, mauve*;
- греческий: *erica, graphit*;
- арабский: *safari*.

В английском:

- французский: *beige, ecru*;
- испанский: *habanero, indigo*;
- итальянский: *limoncello*;
- латинский: *solaris, gypsum*;
- арабский: *safari*.

Таким образом, в английском языке колоронимы чаще всего заимствовались из французского и латинского, в немецком – из французского и английского. Это отражает разную историю контактов: для Англии ключевым был нормандский период, для Германии – влияние Франции XIX века и англоязычной культуры XX века. Причины, по которым те или иные заимствованные колоронимы вошли в употребление, тесно связаны с историческими, торговыми и культурными контактами Германии с другими народами.

В нашем исследовании мы пришли к выводу, что как немецкий, так и английский языки обладают богатым набором колоронимов, который постоянно расширяется благодаря вторичной номинации. Проведённое исследование позволяет понять способы образования колоронимов, структуру языка и его способность отражать изменяющиеся потребности общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тумашевич, М. М. Проблемы теории номинации / М. М. Тумашевич. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/273641/4/Идеи.%20Поиски.%20Решения.Т.%201.pdf> (дата обращения: 01.04.2024).
2. Косых, Е. А. Русская ономасиология : учеб. пособие / Е. А. Косых. –Барнаул : Алт. гос. пед. ун-т, 2016. – 101 с.
3. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М. : КомКнига, 2007. – 376 с.
4. Нюбина, Л. М. К вопросу об обозначении цвета в моде / Л. М. Нюбина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 117–126.
5. Дементьева, А. Г. Метонимические модели формирования переносных значений фитонимических единиц / А. Г. Дементьева // Вестник Тамбовского университета. – 2011. – № 9. – С. 230–236.

К содержанию

М. Д. ЧЕБ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

СЛЕНГ КАК ГЛАВНАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БЛОГОВ

Социальная сеть – это информационно-коммуникативная среда с высоким модусом коммуникативности, экспрессивности и диалогичности [1, с. 55]. Язык – это главное средство, которое используют в развитии и функционировании веб-контента.

Лексические единицы социальных сетей имеют признаки общие и для сленгизмов, и для неологизмов, а следовательно, получают статус «сленговых неологизмов». Сленговые неологизмы – это вновь созданные сленговые слова, имеющие в себе коннотацию новости. То есть у нового слова нет синонимов. Сленговые неологизмы социальных сетей имеют в себе экспрессивные, эмоциональные и оценочные компоненты [2, с. 11].

Язык социальных сетей и другие важные сферы жизни человеческого общества являются взаимозависимыми и взаимосвязанными. В структуре сленговых неологизмов соответствующих тематических групп проанализирован эмоционально-оценочный компонент. Существуют различные выражения эмоциональной оценки: позитивная, нейтральная и эмоциональная [3, с. 45]. Согласно статистических данных, в языке социальных сетей наибольшей является доля негативной эмоциональной оценки. Причина скрывается в том, что лексические единицы социальных сетей входят в группы пассивной лексики [4].

Лексический уровень комментариев пользователей социальных сетей характеризуется использованием эмотивных междометий, повторов, звукоподражаний, эмотиконов, а также эмоционально окрашенных и стилистически сниженных слов: сленгизмов, коллоквиализмов и иногда вульгаризмов:

bloody (BrE) наиболее часто используемое ругательство, ближе к американскому *damn*

crap (AmE) ‘дрянь’, ‘вранье’

bastard/dirty bastard (AmE/BrE) ‘дрянь’, ‘подонок’

To catfish - to disguise (in networks)

pervy - (of sexual behaviour or interests) considered strange and unpleasant by most people

brainy – ‘clever’

– *Did you hear how Dave got totally catfished last month?! The fox he thought he was talking to turned out to be a pervy guy from San Diego! – Shut up!!! Stop! Bastard! – Nice, brainy girl.*

Особую роль в современной коммуникации играют инициализмы – это лексические единицы, которые являются самыми многочисленными в современном английском языке [5]. С учетом нормы произношения инициальные сокращения можно разделить на буквенные и звуковые:

1. Буквенные инициальные аббревиатуры произносятся как поочередно расположенные буквы алфавита, например: *IT* [ai: ti:] ; *IP* [ai: pi:] < Internet Protocol. Такие сокращения называют алфавитизмами или буквенными сокращениями.

2. Звуковые инициальные сокращения (акронимы) произносятся как обычные слова согласно орфоэпической норме речи; образуются при помощи добавления усеченных до инициала полнозначных слов начальных словосочетаний. В социальных сетях они получили особое название *lolacronyms* (laughingout-loud acronyms), например: *HAND* – Have a nice day; *TIL* – Today I learned... ; *KISS* – Keep it simple, stupid; *KIT* - Keep in touch; *SLAP* – Sounds like a plan; *PAW* – Parents are watching; *TOY* –Thinking of you. Сфера использования акронимов являются четко определенными и ограниченными.

3. Инициально-словные аббревиатуры-комплексы, в которых инициалы смешиваются не только с аббревиационными составами, но и, например, с редуцированным первым компонентом: *Bberry* (Blackberry – смартфон, имеющий возможность работы с электронной почтой, который позволяет в достаточно удобном режиме просматривать интернет-страницы, а также работает с другими удаленными сервисами).

Социальные сети и интернет имеют чрезвычайно большое влияние на современный язык. Их влияние является многоплановым. В социальных

сетях можно увидеть такие изменения, которые нужны для приспособления языка к современным условиям существования людей и социальных сетей.

Социальные сети и Интернет существенно влияют на языковую ситуацию и требуют углубленных лингвистических исследований. Можно сказать, что ныне происходит зарождение нового вида языка [6].

Лексико-семантическое словообразование является одним из самых продуктивных способов пополнения английской лексики. Сленг, как и другие языки, пользуется лексической системой общенациональной языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белькова, А. Е. Функционирование неологизмов в интернет-ресурсах: на материале сайта NoNaMe: монография / А. Е. Белькова. – Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2018. – 112 с.
2. Козельская, Н. А. Общее языкознание : Система языка. Часть 2 / Н. А. Козельская – Воронеж, 2005. – 43 с.
3. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта, 2008. – 282с.
4. Мисуно, Е. А. Перевод с английского языка на русский язык : практикум : учеб. пособие / Е. А. Мисуно, И. В. Шаблыгина. – Минск : Аверсэв, 2009. – С. 168–173.
5. Кодухов, В. И. Общее языкознание : учеб. для студентов филол. специальностей / В. И. Кодухов – М. : Высш. шк., 1974. – 303 с.
6. Ильясова, С. В. Словообразовательная игра: аспекты исследования / С. В. Ильясова // Русское словообразование. – 2005. – № 4. – С. 216–217.

К содержанию

Д. В. ЧИБОТАРУ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Л. Зозуля

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ *-LICH* В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Лексическая система немецкого языка постоянно развивается, отражая изменения в обществе, в том числе через появление новых лексем. Как отмечают лингвисты Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева-Сокольская, новые слова в немецком языке чаще всего образуются на базе уже существующих лексических единиц, причем для прилагательных основным способом деривации остается суффиксация [1, с. 162–182]. Н. В. Фурашова подчеркивает, что знание правил словообразования и словообразовательных моделей может облегчить процесс изучения

немецкого языка как иностранного. Таким образом, в качестве объекта исследования выбраны производные прилагательные с суффиксом *-lich*, который выделяется наряду с суффиксами *bar*, *-los*, *-haft*, *-ig* и *-isch* в практикуме по лексикологии немецкого языка Н. В. Фурашовой как наиболее продуктивные [2, с. 3, 54–57].

Для более глубокого понимания особенностей функционирования суффикса *-lich* следует рассмотреть его этимологию. Он восходит к существительному *ahd līh* со значением «тело, образ», которое служило в качестве второго компонента сложных слов и при этом продолжало функционировать как самостоятельная лексическая единица. Первоначально *-lich* присоединялся только к основам, обозначавшим живые существа, формируя баухврихи со значением принадлежности, обладания, например, *männlich*, *königlich*, *ritterlich* со значением «имеющий образ мужа, короля, рыцаря». В процессе перехода этих слов в класс прилагательных произошло изменение значения суффикса *-lich*, что повлекло за собой дальнейшее расширение сферы его употребления [3, с. 236–243].

Согласно практикуму по лексикологии Н. В. Фурашовой, в современном немецком языке выделяются три словообразовательные модели с суффиксом *-lich* [2, с. 56].

Прилагательные, образованные по модели «существительное + суффикс *-lich*», могут иметь значения «принадлежность», например, *elterlich* (принадлежащий родителям) ‘den Eltern gehörig’ или «повторение», если исходное существительное обозначает временной отрезок, например, *minütlich* (каждую минуту) ‘in jeder Minute’.

Прилагательные, образованные по модели «глагол + суффикс *-lich*» могут обозначать возможность совершения определенного действия по отношению к описываемому объекту, например, *bestechlich* (склонный к взяточничеству) ‘der Bestechung zugänglich’ или способность описываемого объекта к действию, его подверженности определенному воздействию, например, *sterblich* (подверженный смерти, преходящий) ‘dem Tode unterworfen’, *vergänglich*, *nachdenklich* (думающий, задумчивый, погруженный в размышления) ‘überlegend, erwägend, in Gedanken vertieft’.

Суффикс *-lich* в прилагательных, образованных по модели «прилагательное + суффикс *-lich*», может придавать значение «ослабление», выражая меньшую степень качества в сравнении с тем, что выражает исходное прилагательное, например, *rötlich* (красноватый) ‘ins Rote spielend’, *dümmlich* (безрассудный, выглядящий глуповато) ‘[umgangssprachlich] töricht, ein wenig dumm wirkend’.

С целью анализа словообразовательного потенциала суффикса *-lich* были отобраны первые 200 лексем из онлайн-словаря немецкого языка *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* [4], содержащего обширные

сведения о словарном составе языка. Исследование было направлено на сопоставление их производящих основ и семантических значений, формирующихся в результате деривации с данным суффиксом.

В ходе последующего анализа было установлено, что у 28 % единиц отсутствуют словарные дефиниции, что, предположительно, связано с тем, что они либо не зафиксированы как устойчивые элементы современного узуса, либо функционируют в ограниченных контекстах. Такие единицы могут быть охарактеризованы как окказиональные образования, возникшие для конкретных коммуникативных целей на базе продуктивной словообразовательной модели, в данном случае при помощи суффикса *-lich*, но не закрепившиеся в лексической системе в качестве общеупотребительных единиц. Они формально существуют в корпусе, что подтверждает их потенциальную употребительность, однако отсутствие толкования указывает на их низкую частотность или ограниченность в употреблении [5, с. 280]. В качестве примеров подобных слов можно привести *amtseidlich* (связанный со служебной присягой), *bedeutungsgeschichtlich* (связанный с историей значения) и *deliktsrechtlich* (относящийся к деликтному праву). Несмотря на то, что данные единицы образованы по продуктивным моделям с использованием суффикса *-lich* и являются с точки зрения правил словообразования формально допустимыми, отсутствие толкований и низкий уровень частотности, указанный в электронном корпусе DWDS, доказывает их непринадлежность к общеупотребительной и, возможно, узульной лексике.

С целью обеспечения объективности анализа из выборки были исключены прилагательные без словарных дефиниций, в результате чего итоговое количество лексем с толкованиями составило 144 лексем, принятых за 100 % при подсчете количественных показателей.

Анализ 144 прилагательных с суффиксом *-lich*, отобранных из электронного словаря DWDS, показал, что наиболее частотным типом производящей основы является существительное. К этой группе относятся 76 из 144 лексем (53 %), например, *altertümlich* (происходящий из древних времен) ‘aus alter Zeit stammend’, *behördlich* (исходящий от органа власти, официальный) ‘von einer Behörde ausgehend’, *amtlich*, *eisenzeitalich* (относящийся, принадлежащий к железному веку) ‘die Eisenzeit betreffend, zu ihr gehörend’.

На втором месте – прилагательные, образованные от глагольных основ, количество которых составляет 36 % от общего числа словарных единиц, например, *beharrlich* (непоколебимый, настойчивый) ‘standhaft, hartnäckig’, *besinnlich* (отличающийся спокойствием, задумчивостью, внутренней сосредоточенностью) ‘von einer ruhigen Stimmung, einer nachdenklichen Haltung, von innerer Einkehr geprägt’, *erbaulich* (благоговейный, наводящий

на размышления, возвышающий душу) ‘andächtig, besinnlich stimmend, das Gemüt erhebend’.

Значительно меньшую долю составляют образования от прилагательных (8 %), например, *blässlich* (немного бледный) ‘ein wenig blass’, *elendiglich* (жалкий, ничтожный) ‘elend, jämmerlich’, *bänglich* (боязливый, тревожный) ‘ängstlich, angstvoll’.

Кроме того, отмечаются единичные случаи (3 %), среди которых образования от устойчивого словосочетания, например, *altweltlich* (происходящий из Старого Света, касающийся его или подражающий ему) ‘aus der Alten Welt stammend, sie betreffend oder nachahmend’, от сочетания неопределенного местоимения и существительного, например, *alljährlich* (каждый год) ‘[gehoben] jedes Jahr’, от сочетаний существительного и предлога, требующего родительного падежа, например, *eidesstattlich* (вместо клятвы) ‘anstelle eines Eides’, а также путем одновременной префиксации и суффиксации, например, *außerrechtlich* 1. (находящийся вне принятых законов и правовых норм) ‘außerhalb festgeschriebener Gesetze und Rechtsnormen stehend’, 2. (нарушающий правовые, законодательные акты) ‘gegen rechtliche, gesetzliche Bestimmungen verstößend’, *außertourlich* (не предусмотренный планом, дополнительный) ‘[umgangssprachlich] nicht wie in einem Plan festgelegt (und meist zusätzlich)’.

Анализ семантических характеристик прилагательных показал, что большая часть из них (77 %) являются однозначными, например, *arbeitsrechtlich* (относящийся к области трудового права) ‘nach, entsprechend dem Arbeitsrecht’, *aufdringlich* (навязчивый, надоедливый) ‘zudringlich, lästig’, *angeblich* (как указывается, как утверждается) ‘wie angegeben, wie behauptet wird’.

Меньшую долю от общего числа лексем (17 %) составляют двузначные прилагательные, например, *betulich* 1. (по-матерински заботливый, доверчивый) ‘mütterlich (rühig) besorgt, zutraulich’, 2. (спокойный, неторопливый) ‘beschaulich, gemächlich’, *bildlich* 1. (показанный, наглядно продемонстрированный, переданный с помощью изображений) ‘durch Bilder (gezeigt, veranschaulicht, vermittelt)’, 2. (выраженный, проиллюстрированный посредством мысленного, языкового образа) ‘[übertragen] durch ein geistiges, sprachliches Bild ausgedrückt, veranschaulicht’, *dinglich* 1. (объективный, реальный) ‘gegenständlich, real’, 2. (касающийся вещного права) ‘[Jura] das Recht an einer Sache betreffend’.

Следующую группу лексем составляют прилагательные с тремя значениями (5 %), например, *alltäglich* 1. (предназначенный для повседневного использования, будничный) ‘[selten] für den Alltag bestimmt, werktäglich’, 2. (обычный, общепринятый, не имеющий ничего особенного, без исключительных характеристик, посредственный; банальный,

тривиальный) ‘gewöhnlich, üblich, nichts Besonderes aufweisend, ohne außergewöhnliche Kennzeichen, durchschnittlich; banal, trivial’, 3. (происходящий каждый день) ‘jeden Tag (geschehend, stattfindend)’, *bedenklich* 1. (сомнительный, не совсем безупречный) ‘zweifelhaft, nicht ganz einwandfrei’, 2. (вызывающий тревогу) ‘besorgnisregend’, 3. (сомневающийся, полный тревог и предубеждений) ‘zweifelnd, voll Sorge, Vorbehalt’.

Наименьшую долю составляют четырехзначные лексемы (1%), например, *empfindlich* 1. (быстро вызывающий физическую боль) ‘schnell körperliche Schmerzen verursachend’, 2. (легко восприимчивый к физической боли) ‘schnell körperliche Schmerzen empfindend’, 3. (быстро реагирующий) ‘schnell reagierend’, 4. (ощутимый, значительный) ‘spürbar, hart’.

Анализ количественных характеристик значений прилагательных с суффиксом *-lich* показал, что большинство из них имеет только одно значение, тогда как многозначные единицы встречаются несколько реже. Также были зафиксированы лексемы, различающиеся по тематической принадлежности, стилистической окраске и региональному употреблению. Среди них единицы, функционирующие в специализированных областях, например, *eiszeitlich* (во время ледникового периода) ‘[Geologie] im Zeitalter der Eiszeit’ применяется преимущественно в области геологии, *energiewirtschaftlich* (в области энергетики) ‘[Physik, Technik] auf dem Gebiet der Energiewirtschaft’ в физико-технической терминологии, *beförderlich* (в кратчайшие сроки, преимущественно в порядке первоочередности) ‘[Amtssprache] innerhalb besonders kurzer Zeit, meist vor anderen Angelegenheiten’ в административной лексике.

Среди проанализированных прилагательных встречаются как стилистически нейтральные, так и окрашенные единицы, в том числе литературные, разговорные и экспрессивные, доля которых составила 15% от общего числа лексических единиц. Так, например, слова *augenscheinlich* (очевидный) ‘[gehoben] offenbar’ и *despektierlich* (пренебрежительный, презрительный) ‘[gehoben] geringschätzig, verächtlich’ принадлежат лексике высокого стиля и употребляются, как правило, в торжественной, официальной и литературной речи, а *biedermeierlich* (обывательский) ‘[abwertend] spießbürgerlich’ характеризуется как слово с отрицательной эмоционально-экспрессивной оценкой, использующееся преимущественно в ироничном или уничижительном контексте.

Употребление некоторых лексем регионально ограничено. Например, производное прилагательное *bittlich* (в форме просьбы, просительный) ‘[österreichisch] in bittender Weise; bittend’ используется, согласно данным онлайн-словаря DWDS, прежде всего в австрийском немецком, а лексема *aufhältlich* (временно пребывающий, находящийся где-либо; проживающий)

‘[schweizerisch] sich (vorübergehend) irgendwo aufhaltend, befindend; wohnhaft’ относится к швейцарскому региональному варианту.

Таким образом, суффикс *-lich* демонстрирует высокий словообразовательный потенциал, объясняемый как разнообразием типов производящих основ, так и наличием до четырех значений, образующихся в процессе деривации. Производные прилагательные с этим суффиксом способны интегрироваться в различные тематические и стилистические пласти языка, а также отражать региональную дифференциацию немецкоязычного пространства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиндер, Л. Р. Современный немецкий язык. Теоретический курс / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева-Сокольская. – 2-е изд. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 362 с.
2. Фурашова, Н. В. Практикум по лексикологии немецкого языка / Н. В. Фурашова. – Минск : МГЛУ, 2015. – 116 с.
3. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. – 376 с.
4. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Совет. Энцикл., 1966. – 608 с.

К содержанию

О. Н. ШОСТАК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Кальчук

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОДЕЖДА» В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

История одежды берет свое начало в первобытные времена. В то время одежда выполняла, прежде всего, практическую функцию: наши предки использовали шкуры животных и растения, чтобы согреть свое тело. Со временем люди начали носить одинаковые элементы одежды, желая показать, что принадлежат к определенному племени. Уже тогда одежда постепенно начала становиться символом социальной принадлежности. Таким образом, одежду можно трактовать как систему предметов материальной культуры, обертывающих или закрывающих тело человека, предохраняющих его от неблагоприятных воздействий внешней среды и исполняющих ряд дополнительных функций (эстетическую, этническую, половозрастную, социальную и др.).

Изучение наименований одежды в лингвистике актуально и сегодня, т. к. показывает, как менялись традиции и социальные нормы с течением времени в обществе, а также показывает, как реклама и модные тенденции способствуют созданию новых слов.

Материал нашего исследования отбирался нами путем сплошной выборки наименований одежды из словарей «Duden – Deutsches Universal-Wörterbuch» и «Oxford Learner's Dictionaries». Определяющим критерием при отборе и отнесении лексем к ЛСП «Одежда» в немецком языке явилось наличие в их значении маркера «Kleidungsstück», а в английском языке «clothing». Всего отобрано 200 лексических единиц для обозначения предметов одежды в немецком языке и столько же в английском языке.

Семантические связи элементов одежды образуют ядро и периферию. Ядро составляют слова, обозначающие семантически самостоятельные элементы одежды, а также морфологически простые и высокочастотные слова. Наименования одежды, относящиеся к периферии, являются зависимыми от элементов ядра, т. е. образованы от ядерных слов. Структура расположения периферийных элементов вокруг центральных определяется частотой их употребления (рисунок 1 и рисунок 2).

Частотность употребления немецких наименований одежды определилась нами по цифровому словарю немецкого языка *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (DWDS), в котором используется семиступенчатая логарифмическая шкала для отображения частотного барометра. К ядру мы отнесли лексические единицы с частотностью не менее 4, к периферии – менее 4.

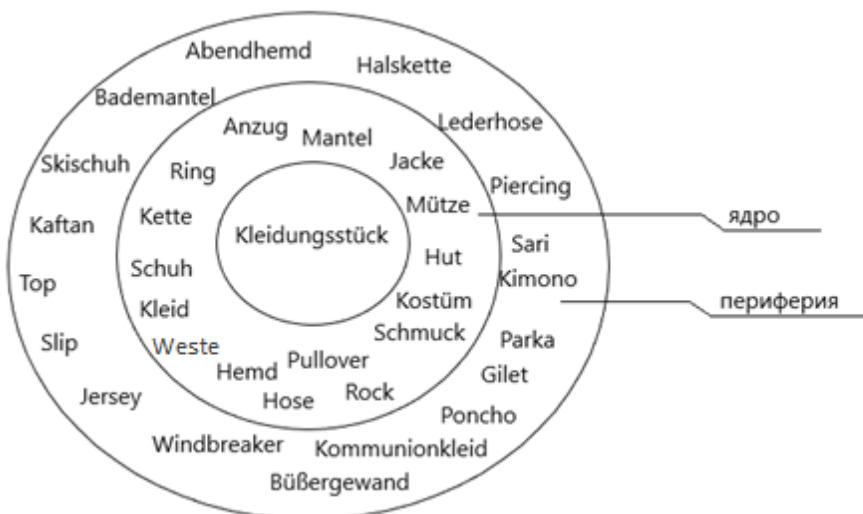

Рисунок 1 – Ядро и периферия лексико-семантического поля «Одежда» в немецком языке

Проведенный анализ ЛЕ немецкого языка показал, что к лексическим единицам ядра относятся: *der Anzug, der Mantel, der Rock, das Hemd, das Kleid, die Hose, die Jacke, die Mütze, das Kostüm, der Schuh, das Schmuck, der Ring, der Hut, die Kette, der Pullover, die Weste, die Krawatte*. Данные единицы имеют показатель частотности 4–5 по шкале с максимальным показателем 7, обладают морфологической простотой и обозначают базовые предметы гардероба.

К лексическим единицам периферии немецкого языка мы отнесли лексические единицы, которые обладают сложной морфологической структурой, ограниченной сочетаемостью, заимствованные, а также менее частотные слова (частотность меньше 4). Данные предметы одежды объединяются в группы:

- домашняя одежда: *das Abendhemd, die Hausschuhe, der Bademantel*;
 - одежда для особых случаев: *der Smoking, das Coctailkleid, das Hochzeitskleid*;
 - украшения: *die Halskette, das Piercing, der Ohrstecker*;
 - спортивная одежда: *der Skianzug, die Tennishose, die Eislaufschuhe*;
 - национальная одежда: *das Dirndlkleid, der Kimono, der Sari*;
 - нижнее белье: *der Slip, das Leibchen, das Mieder*;
 - сезонная одежда: *das Winterkleid, die Flauschjacke, der Windbreaker*.

Частотность употребления английских наименований одежды определилась нами по Corpus of Contemporary American English, в рамках которого мы выделили семь частотных групп. В рамках DWDS одна логарифмическая шкала соответствует частотной группе 1 – 1-1000, 2 – 1001-2000, 3 – 2001-3000, 4 – 3001-4000, 5 – 4001-5000, 6 – 5001-7000, 7 – 7001 и выше в Corpus of Contemporary American English. К ядру мы отнесли лексические единицы с частотностью не менее 4 (4001), к периферии – меньше 4 (4001).

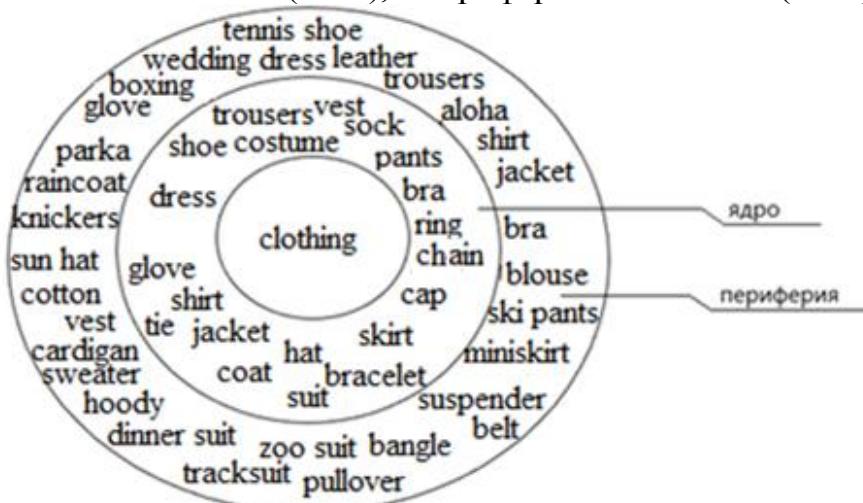

Рисунок 2 – Ядро и периферия лексико-семантического поля «Одежда» в английском языке

Проведенный анализ ЛЕ английского языка показал, что к лексическим единицам ядра относятся: *shoe, glove, shirt, sock, ring, hat, skirt*.

Анализ ядерных компонентов лексико-семантического поля «Одежда» в немецком и английском языках показал, что к ядру в немецком языке относятся 17 ЛЕ, а в английском – 20 ЛЕ. В немецком языке такие слова, как *der Armband, das Mieder, der Slip, der Handschuh, die Schirmmütze*, не относятся к ядру, в отличие от английского языка, ввиду различных причин, таких как сложная морфологическая структура и низкая частотность. На наш взгляд, различие в количественном составе связано с тем, что Англия и США долгое время считались центрами текстильной промышленности и поэтому английский язык располагает большим количеством терминов, обозначающих базовые элементы одежды.

К лексическим единицам периферии английского языка мы отнесли лексические единицы, которые обладают сложной морфологической структурой и ограниченной сочетаемостью, заимствованные, а также менее частотные слова. Данные предметы одежды объединяются в группы:

- домашняя одежда: *pyjama trousers, nightshirt, housecoat*;
- одежда для особых случаев: *cocktail dress, wedding dress, smoking jacket*;
- украшения: *nose ring, diamond necklace, bangle*;
- спортивная одежда: *running shoe, boxing glove, sports bra*;
- национальная одежда: *Hawaiian shirt*;
- нижнее белье: *thong, knickers, corset*;
- сезонная одежда: *winter coat, raincoat, snowshoe*.

Анализ периферийных компонентов лексико-семантического поля «Одежда» в немецком и английском языках показал, что к периферии в немецком языке относятся 183 ЛЕ, а в английском – 180 ЛЕ. Сходство заключается в том, что слова, относящиеся к периферии ЛСП «Одежда» в представленных языках, можно отнести к одним и тем же группам, например, домашняя, спортивная, национальная одежда и т. д. Основное различие заключается в количественном составе периферийных компонентов. На наш взгляд, это связано с национально-культурными особенностями языков, которые покрывают данный отрезок языковой действительности. Исторически сложилось так, что немецкий язык склонен создавать композиты, что позволяет более точно описывать одежду, ее виды.

Объединение лексических единиц ядра по частотности и морфологической простоте позволяет нам выделить основные и наиболее употребляемые элементы одежды, которые являются базовыми в немецкоязычном и англоязычном ареале. С другой стороны, периферия включает в себя менее употребляемые и сложные лексические единицы, которые обычно относятся к специфическим случаям или категориям одежды. Эти элементы структурируются в группы в зависимости от их

функционального назначения или сочетаемости и таким образом представляют собой дополнительные аспекты в области одежды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Duden – Deutsches Universal-Wörterbuch. – URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Oxford Learner's Dictionaries. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 10.04.2025).
3. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 10.04.2025).
4. COCA – Corpus of Contemporary American English. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 10.04.2025).

К содержанию

Г. А. ШТУКЕРТ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Л. Зозуля

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНОПРОИЗВОДНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Сложнопроизводные существительные представляют собой гибридные структуры, которые включают в себя элементы сложных и производных слов. По определению, предложенному М. Д. Степановой [1, с. 147], такие единицы формируются в результате комбинации двух процессов: словосложения (*Zusammensetzung*), т. е. соединения двух или более основ, и словоизделия (*Ableitung*), т. е. добавления аффиксов, изменяющих лексическое значение слова. Сложнопроизводные слова (*сращения*) часто похожи на различные типы сложных и производных слов, но при этом представляют собой уникальные единицы с особым морфологическим составом и особой семантической мотивированностью.

Объектом данного сообщения являются немецкие сложнопроизводные имена существительные. Материалом для исследования послужили данные немецкого журнала для изучения немецкого языка как иностранного *Deutsch Perfekt* (№ 1 за 2023 год) [2], который освещает наиболее актуальные и интересующие темы: бизнес, культура, путешествия, спорт и повседневная жизнь в немецкоязычных странах, что позволило нам анализировать современную лексику из различных областей. Методом сплошной выборки нами были отобраны все сложнопроизводные существительные в журнале. В общей сложности было отобрано

113 сложнопроизводных существительных. Для дальнейшей верификации значений исследуемых слов и выявления их семантических особенностей были использованы данные авторитетных лексикографических источников *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (DWDS) [3] и толкового онлайн-словаря *Duden* [4].

Первичный анализ отобранных слов показал наличие в выборке сложнопроизводных слов, написанных через дефис. Данная орфографическая особенность, хотя и нехарактерна для традиционной немецкой орфографии, все чаще встречается в современных текстах, например, *Ordnungs-Expertin*, *Deutsch-Prüfung*, *Grammatik-Einführung*, *Preis-Leistungs-Verhältnis*, *Telefonkarten-Zahlung*, *Telefonzellen-Nostalgiker*. Использование дефисов в данных случаях, возможно, представляет собой «адаптацию» языка к новым коммуникативным условиям, направленную на улучшение читабельности сложных слов. Четкое разделение составных частей посредством дефиса облегчает восприятие информации и способствует лучшему пониманию смысла слова, особенно в сложных терминах или многокомпонентных конструкциях, а также для тех, кто изучает немецкий как иностранный после английского.

Для структурного анализа отобранных лексем была использована классификация, предложенная М. Д. Степановой [5, с. 193], согласно которой все сложнопроизводные слова можно разделить на три основные категории: 1) сращения на базе именных словосочетаний; 2) сращения на базе глагольных словосочетаний; 3) субстантивированные инфинитивные конструкции. Так, в анализируемой выборке не обнаружено ни одного примера именных сращений, исторически характерных для немецкого языка. При этом наиболее продуктивной категорией оказались сращения на базе глагольных словосочетаний, составившие 74,3 % от общего числа отобранных слов. Эти конструкции формируются путем преобразования глагольного сочетания в существительное с помощью различных суффиксов, например: *Anrufbeantworter* ('автоответчик') – 'Anruf + beantworten + -er'; *Dönerhersteller* ('производитель денег') – 'Döner + herstellen + -er'; *Kriegstreiber* ('подстрекатель войны') – 'Krieg + treiben + -er'. Наибольшее количество таких слов формируется по модели «существительное + глагол» (89 %). В то же время менее распространены модели, в которых первым компонентом выступает прилагательное (6 %, например, *Lautsprecher*), наречие (1 %, например, *Zusammenfassung*), либо глагол (4 %, например, *Lernumgebung*). Эти конструкции демонстрируют высокую степень универсальности, поскольку позволяют передать процессуальные, динамические или функциональные значения.

10,6 % выборки составляют субстантивированные инфинитивы. Они представляют собой слова, в основе которых лежит инфинитив с

зависимыми элементами. Такие конструкции часто используются для обозначения абстрактных понятий, состояний или процессов. Примеры таких слов, *Krankwerden* (заболевание), *Leseverstehen* (понимание прочитанного), *Deutschlernen* (изучение немецкого языка). Этот тип сложнопроизводных слов демонстрирует продуктивность инфинитивов, которые, благодаря своей нейтральной форме, легко комбинируются с другими элементами для создания сложных понятий.

15 % слов, таких как *Stammkundschaft* (постоянные клиенты) или *Tontechniker* (звукорежиссер), не «вписывают» в классические модели. Они образуются путем комбинации двух существительных с последующей аффиксацией, где суффиксы (-*schaft*, -*ler*, -*in*) добавляют значение принадлежности или специализации, например: *Landespolitiker* (региональный политик) – ‘Land + Politik + -er’; *Telefonzellen-Nostalgiker* (ностальгирующий по телефонным будкам), гибридная конструкция с дефисом, где -*iker* подчеркивает характеристику лица.

Суффиксы в немецком языке не только выполняют грамматическую функцию, но и выступают индикаторами ключевых тенденций в словообразовании. Их выбор отражает семантические, стилистические и даже социокультурные аспекты языковой эволюции. Так, суффикс -*ung* (34,5 % лексем) является наиболее частотным в выборке, что связано с его универсальной способностью трансформировать глаголы в отглагольные существительные, обозначающие процессы, действия или результаты. Эта модель особенно востребована в профессиональных, технических и медийных контекстах, где требуется точность и компактность (например, *Handbewegung* (жест) – от *bewegen* (двигать), акцент на физическом действии; *Datenspeicherung* (хранение данных) – технический термин, подчеркивающий процесс).

Группа суффиксов -*er*, -*ler*, -*iker* (29,2 %) занимает второе место по частотности, их основная функция – обозначение агентов действия, профессий или характеристик лиц (например: *Dönerverkäufer* (продавец денег) – акцент на профессиональной деятельности (*verkaufen* – продавать); *Telefonzellen-Nostalgiker* (ностальгирующий по телефонным будкам) – гибридная конструкция с дефисом, где -*iker* маркирует носителя качества). Распространение суффикса -*er* обусловлено, возможно, увеличением количества узкоспециализированных профессий, требующих точного и однозначного обозначения.

Суффикс -*in* играет ключевую роль в формировании феминитивов – существительных женского рода, обозначающих лиц женского пола. Его высокая частотность отражает социальный тренд на гендерное равенство. Примеры таких слов: *Ordnungs-Expertin* (эксперт-женщина в области

порядка), *Landespolitikerin* (политик-женщина регионального уровня), *Geschäftsführerin* (управляющая).

Суффиксы *-nis*, *-schaft*, *-tion* (в сумме 6,2 %) имеют ограниченное применение, но важны для определенных регистров: *-nis* формирует абстрактные понятия или результаты действий, *Erfolgergebnis* (результат успеха), *Sprachkenntnis* – знание языка, *Preis-Leistungs-Verhältnis* (соотношение цены и качества); *-schaft* обозначает коллективность или состояние, *Stammkundschaft* (постоянные клиенты); *-tion* характерен для интернационализмов и гибридных конструкций, *Weihnachtsdekoration* (рождественский декор). Невысокая частотность этих суффиксов в выборке объясняется их узкой специализацией и конкуренцией с более распространенными моделями, такими как *-ing* вместо *-tion*.

Семантический анализ показал следующее. Первоначальный этап исследования включал проверку наличия отобранных лексем в указанных словарях и их значений (дефиниций). Сравнительный анализ выявил как совпадения, так и различия в толкованиях. Так, существительное *Feuerlöscher* в словаре DWDS определяется как ‘*handliches Gerät zur Bekämpfung von kleinen Bränden*’ (компактное устройство для тушения небольших возгораний), тогда как в словаре Duden акцент смещается на портативность и удобство использования: ‘*leicht bedienbares, tragbares Feuerlöschgerät*’ (лёгкое в использовании переносное устройство для тушения огня). Аналогичные различия наблюдаются в дефинициях слова *Muttersprachler*: DWDS трактует его как лицо, владеющее языком как родным ‘*jmd., der eine Sprache als Muttersprache (erwirbt und) beherrscht*’, в то время как словарь Duden сужает значение до мужского рода ‘*männliche Person, die eine Sprache als Muttersprache beherrscht*’, что может отражать гендерную асимметрию в исторической лексикографии.

Интересный кейс представляет термин *Wärmeleiter*. Если словарь DWDS ограничивается общей дефиницией ‘*Stoff, der Wärme leitet*’ (материал, проводящий тепло), то словарь Duden вводит уточнение: ‘*Stoff, der die Wärme in bestimmter Weise leitet*’ (материал, проводящий тепло определённым образом), подчёркивая вариативность физических свойств вещества. Подобные расхождения показывают, что даже в рамках общепринятой семантики возможны различия в акцентах, обусловленные спецификой лексикографического подхода.

Следующим этапом исследования стал анализ полисемии (многозначности слов) отобранных лексем, основанный на данных словарей Duden и DWDS. Анализ выявил значительные расхождения в толковании и количестве значений отдельных лексем. В словаре Duden фиксируются лишь пять многозначных слов: *Geschäftsführer(in)*, *Krankenversicherung* и

Zusammenfassung. В то время как DWDS перечисляет уже десять многозначных единиц, включая такие слова, как *Weihnachtsdekoration*, *Teilnehmerin*, *Lernumgebung* и *Textbearbeitung*. Это указывает на более детализированный и, возможно, более динамичный подход DWDS.

В процессе анализа выявлена значительная группа лексических единиц (42 % от общего корпуса), не зафиксированных в авторитетных словарях DWDS и Duden. Так, в журнале *Deutsch Perfekt* зафиксированы такие лексемы, как *Kriegstreiber* (подстрекатель войны) – «Mit jedem Grad weniger Raumtemperatur können wir nicht nur Heizkosten sparen, sondern auch Kriegstreibern den Mittelfinger zeigen». Рядом с контекстом в журнале подается толкование: «Der Kriegstreiber – Person, die bei anderen aktiv Hassgefühle herstellt, um zu erreichen, dass es Krieg gibt» [2, с. 23]. Термин используется в контексте энергетического, актуализируя образ «провокатора конфликтов». Отсутствие данного слова в словарях DWDS и Duden может быть связано с его узкой специализацией в медиаполитическом дискурсе, где он функционирует как эмоционально окрашенный эпитет.

Schwertschlucken (глотание меча) – «Wie gefährlich ist das Schwertschlucken? Es ist ziemlich gefährlich. Deshalb empfehle ich anderen, es nicht zu versuchen». Толкование в журнале: «Schwertschlucken – Kunst, bei der ein Mensch ein Schwert durch Mund und Rachen in die Speiseröhre einführt» [2, с. 9]. Термин относится к узкоспециализированной лексике циркового искусства, что объясняет его отсутствие в общезыковых словарях. Примечательно, что слово *Schwertschlucker* поясняется в обоих словарях.

Telefonzellen-Nostalgiker (ностальгирующий по телефонным будкам) – «Telefonzellen-Nostalgikerinnen und -Nostalgikern ist Tom Tykwers Film *Lola rennt aus dem Jahr 1998* zu empfehlen. In dem grandiosen deutschen Actionthriller ruft Moritz Bleibtreu als der kriminelle Manni seine Freundin Lola aus einer Berliner Telefonzelle an». В журнале не предлагается определение данного слова, но мы полагаем, что его можно семантизировать следующим образом: «*Telefonzellen-Nostalgiker* – Person, die sich nostalgisch an öffentliche Telefonzellen erinnert».

Приведённые примеры демонстрируют, что отсутствие некоторых слов из эмпирического материала в авторитетных словарях связаны, возможно, с узкой специализацией, культурной спецификой, динамикой медиаресурсов, в одной стороны, а с другой – это окказиональные единицы, образованные по правилам немецкого словообразования. Данные лексические единицы действуют как индикаторы современных социальных тенденций, что подчеркивает важность приведения лексикографических инструментов в соответствие с быстро меняющимися языковыми реалиями. Их фиксация в

словарях потребует включения контекстуальных примеров, указывающих на сферу употребления.

В целом проведённый анализ подтверждает динамичность немецкого языка, где неологизмы и специализированные термины возникают как реакция на изменения в обществе, технологиях и культуре. Расхождения в словарных дефинициях, наличие полисемии и лакун подчёркивают необходимость постоянного обновления лексикографических ресурсов. Особую значимость приобретает контекст, выступающий ключевым фактором в интерпретации значений. Полученные данные актуализируют вопросы методологии лексикографии, в частности, важность включения узкоспециализированных, медийных и культурно-обусловленных единиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – М. : Высш. шк., 1962. – 310 с.
2. Deutsch Perfekt – 2023. – № 1. – 68 S.
3. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 12.05.2025).
4. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 12.05.2025).
5. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. – 376 с.

К содержанию

Г. С. ЯРОШУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. В. Кивака

СИНОНИМИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Наше исследование посвящено изучению синонимии в немецкоязычном художественном тексте на примере «Шахматной новеллы» С. Цвейга.

Синонимия как лингвистическое явление занимает центральное место в изучении лексики современных языков, поскольку отражает способность языка к вариативности и точности выражения мысли. В условиях возрастающего интереса к когнитивным и стилистическим аспектам языка исследование синонимии позволяет раскрыть механизмы смыслообразования, эмоционально-экспрессивной окраски и стилистической дифференциации. Термин «синоним» (греч. *synonymos* ‘одноименный’) впервые появился в научном тексте в 1794 году [1, с. 54].

Существует несколько определений синонимов. По словам В. Д. Стариценка, синонимы – это «слова и выражения, полностью или частично совпадающие по значению и различающиеся некоторыми смысловыми оттенками, сферой употребления, экспрессивно-эмоциональной окраской, сочетаемостью, контекстом» [2, с. 24]. По определению Д. Н. Шмелева, синонимами являются «слова, которые имеют тождественное значение, близкое значение, как слова, которые обозначают одно и то же понятие или же способные охарактеризовать один и тот же предмет» [3, с. 194]. Особую значимость явление синонимии приобретает в художественных текстах, где синонимы становятся инструментом создания глубины персонажей, атмосферы и подтекста.

Цель статьи – описать систему синонимии в художественном тексте, показать её вклад в создание художественной выразительности и психологизма. Материалом служит немецкое издание «Шахматной новеллы» («Schachnovelle») С. Цвейга [4].

В рамках проведенного исследования нами была рассмотрена классификация синонимов М. А. Кульковой, которая выделяет 4 вида синонимов:

- 1) идеографические синонимы (семантические оттенки). Например: *Heftigkeit – Hitzigkeit*;
- 2) стилистические синонимы (стилистический контраст). Например: *Zögling – Pflegling*;
- 3) абсолютные или полные синонимы (полная взаимозаменяемость). Например: *ruhig – gelassen*;
- 4) региональные синонимы (диалектные различия). В новелле не обнаружены.

Проведённое исследование позволило выявить особенности функционирования синонимии в «Шахматной новелле» С. Цвейга и определить её роль в создании художественной выразительности и психологической глубины текста. Например: *Ich stand im Gespräch mit einem Bekannten...* [4, с. 3]. *Mein Freund blickte hin und lächelte* [4, с. 3]. С. Цвейг избегает слова *Bekannte(r)* ‘мännliche Person, mit der jemand bekannt ist’ [5], заменяя его на *Freund* ‘männliche Person, die mit einer anderen Person in Freundschaft verbunden ist, ihr nahesteht’ [5], чтобы сохранить ясность, но добавить вариативность. Чтобы усилить драматизм, подчеркнуть переход от взволнованности к страху, автор использует слова *Erregtheit* ‘das Erregtsein; Zustand heftiger Gemütsbewegung, Gefühlsbewegung; Erregtheit’ [5] и *Angst* ‘mit Beklemmung, Bedrückung, Erregung einhergehender Gefühlszustand’ [5], например: *...mein schon früher peinliches Unbehagen angesichts seiner unnatürlichen Erregtheit wuchs zu einer Art Angst* [4, с. 41]. Эти слова передают разные степени эмоционального напряжения. Ряд

контекстуальных синонимов *Qual* ‘länger andauernde, unerträgliche Empfindung des Leidens’ [5] – *Verzweiflung* ‘das Verzweifeltsein; Zustand völliger Hoffnungslosigkeit’ [5] – *Wahnsinn* ‘psychische Störung, die von Wahn und Halluzinationen begleitet wird’ [5] постепенно усиливает интенсивность, отражая нагнетание психического расстройства у героя. Например: *Aber trotz alledem war die Qual dieses Wartens und Stehens zugleich eine Wohltat...* [4, с. 26]. *Nun, um mich kurz zu fassen, diese Unmöglichkeit, diese Absurdität habe ich in meiner Verzweiflung monatelang versucht* [4, с. 31]. ...*ob das in der Zelle damals noch Schachspiel oder schon Wahnsinn gewesen...* [4, с. 38]. Также синонимы выполняют поясняющую, уточняющую функцию в художественном тексте, например: *Aus der Spielfreude war eine Spiellust geworden, aus der Spiellust ein Spielzwang, eine Manie, eine frenetische Wut, die nicht nur meine wachen Stunden, sondern allmählich auch meinen Schlaf durchdrang* [4, с. 33]. Слова *Spielfreude* ‘Freude am Spiel’ *Spiellust* ‘gesteigerte Freude am Spiel’ поясняют друг друга.

Анализ текста подтвердил, что синонимы служат ключевым инструментом для передачи эмоциональных состояний персонажей и детализации психологических нюансов.

Исследование выявило преобладание идеографических синонимов (34 %), что подчеркивает внимание Цвейга к семантическим нюансам. Например, *Heftigkeit* – *Hitzigkeit*, где *Heftigkeit* используется для описания конкретного эпизода внезапной эмоциональной разрядки, а *Hitzigkeit* указывает на состояние, в котором герой совершает действие, подчеркивая его постоянную склонность к горячности: ...*der sich plötzlich in irgendeiner Heftigkeit entladen konnte* [4, с. 43]. *Sollte unser Freund in seiner Hitzigkeit eine Figur danebengestoßen haben...* [4, с. 43]. Стилистические синонимы (33 %) используются для дифференциации речи персонажей и создания атмосферы. Например, *Zögling* – *Pflegling*, где *Zögling* имеет устаревшее значение, а *Pflegling* имеет также помету «устаревшее, юридическое»: ...*die sonstige Rückständigkeit seines Zöglings zu beurteilen...* [4, с. 5]. *Der Pfarrer, der mit einem ganz neuen Stolz auf seinen Pflegling blickte...* [4, с. 5]. Также слова *Nichts* и *Vakuum* применяются в тексте новеллы для описания состояния доктора Б. в плену и подчёркивают его оторванность от внешнего мира, например: *Man tat uns nichts – man stellte uns nur in das vollkommene Nichts...* [4, с. 22]. *Indem man uns jeden einzeln in ein völliges Vakuum sperrte...* [4, с. 23]. Эти слова являются стилистическими синонимами, так как *Nichts* употребляется в философии, а *Vakuum* является физическим понятием. Использование синонимов подчёркивает одиночество доктора Б. в плену. Абсолютные синонимы (33 %), несмотря на редкость, служат для акцента на ключевых понятиях. Например, *Feind* – *Gegner*, где *Feind* обозначает ‘*gegnerische Seite*’, а *Gegner*

‘feindliche Seite’. Эти слова заменяют друг друга в тексте при описании сюжетного противостояния между персонажами. Абсолютные глаголы-синонимы *siegen* ‘einen Sieg erringen’ [5] и *gewinnen* ‘in einem Kampf, Wettstreit Sieger sein’ [5], которые следуют один за другим в предложении, применяются для описания успеха в шахматной игре, что показывает в произведении эмоциональный заряд событий: *Jedes meiner beiden Ich, mein Ich Schwarz und mein Ich Weiß, hatten zu wetteifern gegeneinander und gerieten jedes für sein Tell in einen Ehrgeiz, in eine Ungeduld, zu siegen, zu gewinnen* [4, с. 33].

Также выявлены интересные случаи, когда синонимы можно отнести к двум видам, например, синонимы *Folterung* и *Prügel* также являются стилистическими, так как *Folterung*, которое обозначает ‘das Foltern; das Gefoltertwerden’, ‘körperliche, seelische Qual’ – лексема высокого стиля, а лексема *Prügel* обозначает ‘Schläge mit einem Stock’ и является разговорной. Но эти синонимы также можно посчитать идеографическими, так как в данном случае *Marter* выступает в качестве состояния (физического, душевного), а *Prügel* – как физическое действие.

Синонимия в новелле С. Цвейга не только обогащает язык, но и становится средством раскрытия внутренних конфликтов. Противостояние Чентовича и доктора Б. метафорически воплощается через лексический выбор синонимов. Баланс трёх групп синонимов подчёркивает тонкую работу писателя с лексическими нюансами.

Наше исследование подтвердило, что синонимы в художественном тексте не только выполняют лексико-семантическую функцию, но и несут стилистическую нагрузку, формируя уникальный авторский стиль и усиливая воздействие на читателя. Таким образом, синонимия непосредственно в «Шахматной новелле» выступает как важный элемент поэтики С. Цвейга, способствующий созданию многомерных образов, интеллектуальной напряжённости и глубокого психологизма, что подтверждает её ключевую роль в достижении художественной выразительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ольшанский, И. Г. Лексикология: Современный немецкий язык = Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache : учеб. для студентов лингвист. фак. высш. учеб. заведений / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. – М. : Академия, 2005. – 416 с.
2. Современный русский литературный язык: учеб. пособие / В. Д. Стариченок, Т. В. Балуш, О. Е. Горбацевич др.; под ред. В. Д. Стариченка. – Минск : Выш. шк., 2012. – 591 с.
3. Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелёв. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.
4. Zweig, St. Schachnovelle / St. Zweig. – Frankfurt am Main : S. Fischer Verlag, 1974. – 44 S.
5. Duden Wörterbuch. – URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 14.04.2025).

К содержанию

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

А. А. БИСУЛТАНОВ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. А. Буров

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕДАЧЕ ЗАГЛАВИЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Перевод заглавий художественных произведений представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания культурных, исторических и стилистических особенностей исходного текста. В современной теории перевода заглавие рассматривается как ключевой элемент текста, выполняющий несколько функций: номинативную (называет произведение), информативную (указывает на его содержание), рекламную (привлекает внимание читателя) и эстетическую (создает определенное художественное впечатление). Согласно концепции А. В. Федорова, перевод должен стремиться к эквивалентности, то есть к максимально точной передаче смысла, стиля и эмоционального воздействия оригинала, что особенно важно при работе с заглавиями, поскольку через них происходит первый контакт читателя с произведением [1, с. 154].

При переводе заглавий немецкоязычных произведений на русский язык переводчики часто сталкиваются с необходимостью использования трансформаций, обусловленных различиями в языковых системах, культурных контекстах и читательских ожиданиях. Теория переводческих трансформаций, разработанная такими учеными, как Я. И. Рецкер [2] и Л. С. Бархударов [3], выделяет несколько типов преобразований, применяемых для достижения адекватного перевода. Основными видами трансформаций, используемых в данном процессе, являются лексические, грамматические, семантические и стилистические.

Лексические трансформации включают в себя замену отдельных слов или словосочетаний с учетом их коннотаций и частотности употребления в языке перевода. Например, заглавие романа Франца Кафки «*Der Prozess*» было переведено на русский язык как «*Процесс*», что является буквальным переводом. Однако в других случаях переводчики прибегают к более вольной интерпретации, как в случае с романом Германа Гессе «*Das Glasperlenspiel*», который в русском переводе получил название «Игра в бисер». Здесь переводчик заменил *Glasperlen* (стеклянные бусы) на *бисер*,

что звучит более естественно в русском языке и лучше передает метафорический смысл произведения.

Грамматические трансформации связаны с изменением структуры предложения или словосочетания в соответствии с нормами языка перевода. Например, заглавие романа Эриха Марии Ремарка «*Im Westen nichts Neues*» было переведено как «*На Западном фронте без перемен*», где немецкая грамматическая конструкция преобразована в более привычную для русского языка форму. Как отмечает В. Н. Комиссаров, подобные изменения обусловлены различиями в синтаксическом строе языков и необходимостью соблюдения норм языка перевода [4, с. 140].

Семантические трансформации предполагают изменение смысловых акцентов с сохранением основной идеи заглавия. Так, роман Томаса Манна «*Buddenbrooks: Verfall einer Familie*» в русском переводе получил название «*Будденброки*», без указания на «упадок семьи». Это решение может быть обусловлено стремлением к краткости и благозвучию, хотя частично утрачивается исходный смысл. В данном случае можно говорить о применении приема генерализации, когда конкретное понятие заменяется более широким.

Стилистические трансформации направлены на сохранение эмоционального и эстетического воздействия заглавия. Например, заглавие сказки братьев Гримм «*Hänsel und Gretel*» в русском переводе звучит как «*Гензель и Гретель*», что сохраняет сказочный колорит, но адаптирует имена для русскоязычного читателя. Стилистическая адаптация особенно важна в художественных текстах, где форма и содержание неразрывно связаны.

Кроме того, важным аспектом перевода заглавий является учет культурных реалий. Некоторые названия содержат аллюзии или идиоматические выражения, непонятные без дополнительных пояснений. В таких случаях переводчики могут либо давать поясняющий перевод, либо сохранять оригинальное название с примечанием. Теория межкультурной коммуникации подчеркивает, что переводчик должен выступать посредником между культурами, минимизируя потери при передаче культурно-специфических элементов.

Рассмотрим три классических примера немецкоязычной литературы и проанализируем особенности их перевода на русский язык.

Первый пример – роман Иоганна Вольфганга Гёте «*Die Leiden des jungen Werthers*». В русской традиции закрепилось два основных варианта перевода: «*Страдания юного Вертера*» и «*Страдания молодого Вертера*». Оба перевода достаточно точно передают смысл оригинала, однако между ними есть важное смысловое различие. Слово *jung* в немецком языке может переводиться и как *юный*, и как *молодой*, но эти русские эквиваленты несут

разную смысловую нагрузку. «Юный» подчеркивает возрастную незрелость, романтическую наивность героя, что соответствует духу сентиментализма, в то время как «молодой» – более нейтральное обозначение возраста. Интересно, что в современных изданиях чаще встречается первый вариант, который точнее передает эмоциональный настрой произведения.

Второй показательный пример – роман Франца Кафки *«Der Prozess»*. Здесь мы наблюдаем интересную переводческую дилемму. Буквальный перевод – *«Процесс»* – был принят в большинстве русскоязычных изданий, однако это слово в русском языке имеет несколько значений (юридический процесс, производственный процесс), что создает определенную многозначность восприятия. Некоторые исследователи предлагали альтернативные варианты, например *«Судебный процесс»* или *«Процессуальность»*, но они не прижились. В данном случае переводчик столкнулся с проблемой передачи немецкого юридического термина, который в оригинале несет глубокую философскую нагрузку. Сохранение краткой формы *«Процесс»* можно считать компромиссным решением, оставляющим место для интерпретации.

Третий пример – роман Томаса Манна *«Der Zauberberg»*. Русский перевод *«Волшебная гора»* является достаточно точной передачей оригинала, однако здесь стоит обратить внимание на нюансы перевода слова *Zauber*. В немецком языке оно означает не только *волшебство*, но и *очарование, магию, колдовство*. Альтернативный вариант *«Магическая гора»* встречается реже, хотя, возможно, точнее передавал бы философский подтекст произведения. Выбор в пользу *«волшебной горы»* сделал название более поэтичным и соответствующим русской литературной традиции, но несколько нивелировал многозначность оригинала.

Анализ этих примеров позволяет сделать несколько важных наблюдений. Во-первых, при переводе заглавий часто приходится выбирать между буквальной точностью и передачей духа произведения. Во-вторых, многие устоявшиеся переводы сложились исторически и отражают литературные традиции определенной эпохи. В-третьих, в некоторых случаях разные варианты перевода могут по-разному акцентировать аспекты содержания.

Таким образом, перевод заглавий немецкоязычных художественных произведений на русский язык требует комплексного подхода, сочетающего точность передачи смысла с адаптацией к языковым и культурным особенностям аудитории. Применение различных переводческих трансформаций, основанных на теоретических концепциях эквивалентности и адекватности, позволяет достичь баланса между сохранением авторского

замысла и естественностью звучания в языке перевода, обеспечивая успешное восприятие произведения в иноязычной среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – М. : Высш. шк., 1983. – 303 с.
2. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 216 с.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

К содержанию

А. В. ГОРЩАРИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. А. Буров

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ Э. М. РЕМАРКА В РОМАНЕ «ЖИЗНЬ ВЗАЙМЫ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Одной из ключевых особенностей языка художественной литературы является широкое и целенаправленное использование лингвостилистических средств, которые придают художественному тексту выразительность, глубину и индивидуальность. Именно эти элементы обусловливают специфическое звучание художественного текста, отличающее его от иных функциональных стилей речи. В рамках художественного дискурса привычные слова и конструкции приобретают новые значения, наполняются дополнительными смысловыми оттенками, становятся носителями авторской интенции. Усложнение структуры художественной речи, переосмысление лексических и грамматических единиц, а также обновление семантики обусловлены прежде всего авторской индивидуальностью и творческим мышлением.

Идиостиль писателя – это не просто совокупность речевых привычек, а результат осознанного выбора лексических и стилистических средств, позволяющих наиболее точно выразить авторское мироощущение, передать образную картину мира. В то же время, несмотря на стремление к оригинальности, художественные тексты, как правило, сохраняют структурную и стилистическую согласованность с нормами, принятыми в

рамках соответствующего жанра или литературного направления. Соблюдение этих норм обеспечивает тексту внутреннюю целостность и воспринимаемость со стороны читательской аудитории [4, с. 25].

Настоящее исследование сосредоточено на анализе способов и приёмов передачи лингвистических особенностей индивидуального авторского стиля Эриха Марии Ремарка в романе «Жизнь взаймы». Этот роман, первоначально опубликованный в периодическом издании под названием «*Geborgtes Leben*», впоследствии вышел отдельным изданием под заголовком «*Der Himmel kennt keine Günstlinge*». Анализ проводится на основе переводов, выполненных двумя значимыми фигурами в области русскоязычного перевода немецкой литературы: Людмилой Борисовной Чёрной – советской переводчицей и публицисткой и Михаилом Львовичем Рудницким – известным переводчиком и литературным критиком. Особое внимание уделяется вопросу сохранения стилистического своеобразия Ремарка, а также точности передачи авторской тональности, эмоциональной насыщенности и выразительных средств оригинала в переводных текстах.

Идиостиль Э. М. Ремарка характеризуется сложной системой лингвистических элементов, объединяющих элементы разговорной речи с высокохудожественными выразительными средствами. В его произведениях широко используются разнообразные типы вводных слов, парцелляция, метафоры, эпитеты, олицетворения, сравнительные конструкции, элементы книжной и разговорной стилистики. Такое смешение стилей создает особую художественную многослойность, позволяющую автору одновременно описывать события, передавать внутреннее состояние героев и формировать эмоциональную атмосферу повествования. Исследователи отмечают, что «индивидуальный стиль Э. М. Ремарка представляет собой уникальный сплав элементов разговорной и художественной речи, что придаёт его произведениям выразительность и психологическую достоверность» [5, с. 207].

Особый интерес представляет работа Л. Б. Чёрной, чья переводческая стратегия во многом была обусловлена тем, что она была современницей писателя. Этот факт имеет существенное значение, поскольку принадлежность к одной культурно-исторической эпохе облегчает интерпретацию реалий, лексики и стилистических оттенков оригинального текста. Как подчёркивают критики и исследователи, временная близость переводчицы к описываемым событиям и атмосфере романа позволила ей глубже прочувствовать авторский замысел и тональность произведения, а также достоверно передать их в переводе [5, с. 209]. Таким образом, перевод Л. Б. Чёрной можно рассматривать не только как лингвистически точный, но и как культурно адекватный, способный сохранить ту художественную цельность и эмоциональную силу, которые свойственны оригиналу.

В целом передача идиостиля автора при переводе требует от переводчика высокой степени профессионализма, культурной эрудиции и творческой интуиции. Умение интерпретировать и адаптировать сложные лингвостилистические конструкции, не искажая при этом авторского посыла, делает художественный перевод не просто ремеслом, а полноценным актом художественного соавторства.

Однако, сравнивая текст перевода с оригиналом, можно заметить, что некоторые моменты в переводе на русский язык просто отсутствуют. Например, целый абзац, в котором главный герой размышляет: «*Warum fahre ich nicht nach München? Oder nach Mailand? Aber was soll ich in München tun? Oder in Mailand? Oder irgendwo anders?...*» [1, с. 3], и вовсе не попал в перевод, что лишило русскоязычного читателя важного контекста. Данное упущение было исправлено М. Л. Рудницким в 2018 году, который сохранил данный отрывок в переводе: «*Почему бы мне не поехать в Мюнхен? Или в Милан? Но что я буду делать в Мюнхене? Или в Милане? Или где-нибудь еще?...*» [2, с. 5].

В тексте перевода Л. Б. Черной мы также не найдем перевода еще нескольких предложений текста оригинала. Например, размышления Лилиан о тяжести жизни в одиночестве, после смерти подруги «*Die Einsamkeit war wie ein schwerer Mantel, der mich erdrückte*» [1, с. 13]. При дословном переводе оно бы звучало так: «Одиночество было похоже на тяжелое пальто, которое давило на меня». Однако М. Л. Рудницкий использовал прием модуляции, заменив сравнение «*Die Einsamkeit war wie ein schwerer Mantel*», используемое Ремарком в тексте оригинала, на олицетворение «*Одиночество тяжелым грузом давило*» для создания более понятного образа тяжести на душе главной героини и перевел его как «*Одиночество тяжелым грузом давило на мои плечи*» [2, с. 18].

Точность передачи метафорических выражений позволяет читателю «услышать» слова самого Ремарка. Например, фраза «*...ein Wesen, das die Melancholie der Kindheit gerade gegen alle Fehler halben Erwachsenseins eingetauscht hatte*» [1, с. 64] переводится и Л. Б. Черной, и М. Л. Рудницким как «*...существо, только что сменившее меланхолию детства на все ошибки полувлзрослого состояния*» [2, с. 71; 3, с. 69].

Каждый автор художественного произведения обладает уникальным индивидуальным стилем, который отражает его мировоззрение, культурный опыт и творческую манеру выражения. Этот идиостиль проявляется в характерном подборе лексических единиц, устойчивых выражений, синтаксических конструкций, а также в использовании специфических стилистических приемов и фигур речи. Именно через индивидуальный стиль писатель реализует художественные задачи, формирует образы персонажей, передает эмоциональные оттенки и атмосферу произведения.

Переводчику необходимо не только понимать содержание оригинального текста, но и улавливать и точно передавать его стилевые особенности. Это требует высокой степени интерпретативной чуткости, поскольку перевод художественного текста – это не просто механическая передача информации с одного языка на другой, а сложный процесс воспроизведения авторского намерения средствами другого языкового кода. Подобная задача нередко предполагает отход от буквального соответствия, особенно в тех случаях, когда прямые языковые аналоги в языке перевода отсутствуют.

В таких ситуациях переводчику приходится прибегать к использованию разнообразных переводческих трансформаций – осознанных преобразований, направленных на сохранение семантической и стилистической эквивалентности текста. Эти трансформации могут включать в себя изменение порядка слов, перестройку синтаксических конструкций, замену лексических единиц на более релевантные в контексте культуры и языка перевода, а также использование антонимических, компрессивных или экспликативных приёмов.

Таким образом, одна из ключевых задач переводчика при работе с художественным текстом заключается в тщательном отборе языковых средств перевода, обеспечивающих адекватную передачу как смыслового содержания, так и стилистического своеобразия оригинала. Именно через такое творческое переосмысление текста и осуществляется подлинный художественный перевод – акт интеркультурной коммуникации, в котором сохраняется уникальный голос автора и эстетическая ценность произведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Remarque, E. M. *Der Himmel kennt keine Günstlinge.* / E. M. Remarque. – Köln : Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1961. – 311 S.
2. Ремарк, Э. М. Жизнь взаймы. / Э. М. Ремарк – М. : Худож. лит., 1977. – 352 с.
3. Ремарк, Э. М. Жизнь взаймы, или У неба любимчиков нет / Э. М. Ремарк. – М. : АСТ, 2020. – 384 с.
4. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингвист. фак. высш. учеб. завед. / И. С. Алексеева. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. : Академия, 2004. – 352 с.
5. Фролова, В. А. Стилистические особенности романа Э. М. Ремарка «Три товарища» / В. А. Фролова, Н. Г. Котельникова. // Вопросы общего языкознания, семасиологии и лингвистики текста : Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2019. – С. 207–211.

А. А. ДОРОГОКУПЕЦ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. А. Буров

**МЕСТО И РОЛЬ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА
Г. ГЕССЕ «ДЕМИАН» НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Роман Германа Гессе «Демиан» – одно из наиболее значимых произведений XX века, отличающееся философской глубиной, психологизмом и уникальной художественной формой. Через исповедь главного героя Гессе раскрывает сложные экзистенциальные и духовные проблемы, такие как самоидентификация, борьба между светом и тьмой в человеке, поиск собственного пути и бунт против догматических норм общества. Всё это делает роман не только литературно выдающимся, но и крайне сложным для перевода на другой язык, особенно в контексте передачи философско-символических смыслов и внутреннего ритма авторского стиля.

При переводе произведений подобного уровня переводчики неизбежно сталкиваются с необходимостью трансформации оригинального текста для достижения максимальной коммуникативной и функциональной эквивалентности. Это особенно актуально при передаче тех элементов, которые не имеют прямых соответствий в языке перевода или которые теряют свою экспрессивную силу при буквальном воспроизведении. Такие преобразования, известные в теории перевода как переводческие трансформации, представляют собой осознанные и целенаправленные изменения на различных языковых уровнях – лексическом, грамматическом, синтаксическом и даже стилистическом. Их основная цель – обеспечить адекватное восприятие текста в культуре и языке перевода без искажения авторского замысла.

Одним из наиболее авторитетных исследователей в области переводоведения, особенно в контексте лексико-грамматических преобразований, является Л. С. Бархударов. В своей теории он выделяет четыре основных типа трансформаций, которые активно используются при переводе художественных текстов.

– **Замена** – включает замену одного языкового элемента другим (замена части речи, грамматической категории или лексической единицы).

– **Перестановка** – изменение порядка слов или компонентов предложения, обусловленное различиями в синтаксической структуре языков.

– **Добавление** – введение дополнительных слов или конструкций, необходимых для объяснения или уточнения смысла оригинала.

– **Опущение** – исключение элементов, значение которых может быть восстановлено из контекста или которые оказываются избыточными в целевом языке [1, с. 189].

Л. С. Бархударов подчёркивает, что применение данных приёмов может сопровождаться нарушением формального подобия между оригиналом и переводом. Однако это не считается ошибкой, поскольку служит более высокой цели – достижению смысловой, стилистической и функциональной эквивалентности. Как подчёркивает учёный, «основные принципы переводческой стратегии дополняются обоснованием правомерности применения ряда технических приёмов, нарушающих формальное подобие перевода оригиналу, но обеспечивающих достижение более высокого уровня эквивалентности» [1, с. 190].

Особую сложность при переводе «Демиана» представляет собой философский подтекст и насыщенность текста символами, мифологическими отсылками и экзистенциальными метафорами. Это требует от переводчика не только владения языковыми средствами, но и высокой степени интерпретационной чувствительности. Часто переводчик вынужден прибегать к комбинированным трансформациям, сочетая несколько приёмов в пределах одного предложения или даже словосочетания, чтобы сохранить целостность авторского высказывания и передать его художественную многослойность.

Приём замены подразумевает использование других лексических единиц, подходящих для раскрытия образа в переведимом тексте (лексическая замена), либо использование других частей речи (замена существительного глаголом и т.д.).

	Перевод С. К. Апта	Перевод Н. М. Берновской
« <i>Es würde nur eine Buße sein, eine schwere bittere Stunde, eine schwere und reuevolle Bitte um Verzeihung</i> » [2].	«Это будет всего только покаяние , тяжелый , горький час , тяжелая и полная раскаяния мольба о прощении» [3].	«Это будет искупление , тяжелый горький час , тяжелая , полная раскаяния просьба о прощении» [4].

При переводе данного высказывания С. К. Аптом наблюдается замена сослагательного наклонения *würde ... sein* ‘было бы’ на будущее время *будет*, замена прилагательного *reuevoll* словосочетанием *полная раскаяния*, замена существительного *Bitte* ‘просьба’ существительным *мольба*. Н. М. Берновской были применены следующие трансформации: 1) замена сослагательного наклонения *würde ... sein* ‘было бы’ на будущее время

будет; 2) замена прилагательного *reuevoll* словосочетанием *полная раскаяния*.

Приём *перестановки* (перемещения) языковых единиц позволяет употребить слово в другом месте выражения.

Перевод С. К. Апта	Перевод Н. М. Берновской
« <i>Dort fand Lina mich weinend, als sie mit einem Korb herunterkam, um Holz zu holen</i> » [2].	« <i>Там нашла меня плачущим Лина, когда спускалась с корзиной за дровами</i> » [3].

В данном предложении С. К. Апт применил прием перестановки существительного *Lina* и притяжательного местоимения *mich* ‘меня’ местами, также он переставил глагол *спускалась* в начало придаточного предложения. При анализе перевода предложения Н. М. Берновской были выявлены: 1) перестановка местоимения *меня* и деепричастия *плачущего* в начало предложения; 2) перестановка глагола *спустилась* в начало придаточного предложения; 3) перестановка словосочетания *за дровами*.

Приём *добавления* может применяться в тех случаях, когда в тексте перевода необходимо передать значения, выраженные в первоисточнике грамматическими средствами.

Перевод С. К. Апта	Перевод Н. М. Берновской
« <i>Ich weiß nicht, ob Eltern hierin viel tun können, und mache den meinen keinen Vorwurf</i> » [2].	« <i>Не знаю, многое ли тут способны сделать родители, и своих родителей</i> несколько <i>нисколько не упрекаю</i> » [3].

В высказывании С. К. Апт применил добавление существительного *родителей*. В переводе этого же предложения Н. М. Берновская применила добавление словосочетания *ни в чем*.

Приём *опущения* предполагает отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых оказываются нерелевантными или легко восстанавливаются в контексте.

Перевод С. К. Апта	Перевод Н. М. Берновской
« <i>Wie schön das lockte!</i> » [2].	« <i>Как завлекающе манило!</i> » [3].

При анализе данного высказывания, переведенного С. К. Аптом, было выявлено опущение указательного местоимения *das* ‘это’. В переводе Н. М. Берновской трансформации опущения не было обнаружено.

Подводя итог, можно сказать, что использование лексико-грамматических трансформаций является неотъемлемой частью переводческого процесса, позволяющей преодолевать языковые барьеры и достигать адекватности и эквивалентности перевода. Грамотный выбор

трансформаций позволяет максимально точно передать смысл исходного текста, сохраняя его стилистические особенности и прагматическую направленность. Анализ практических примеров продемонстрировал эффективность использования лексико-грамматических трансформаций в различных ситуациях перевода. В большинстве случаев переводчики стремятся адаптировать текст к восприятию русскоязычного читателя, смягчая потенциальные трудности в интерпретации и приближая содержание к культурному контексту принимающей стороны.

Таким образом, перевод философской прозы Гессе – это не просто акт языкового посредничества, а полноценный творческий процесс, в котором переводчик выступает интерпретатором и соавтором, стремящимся к воссозданию сложного мира оригинала средствами другого языка. Переводческие трансформации при этом становятся неотъемлемым инструментом, обеспечивающим не только лингвистическую точность, но и сохранение глубины и выразительности оригинального текста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Флинта, 2005. – 190 с.
2. Hesse, H. Demian: Die Geschichte von Emil Sinclairs Jugend / H. Hesse The Project Gutenberg eBook. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/41907/pg41907-images.html>. (дата обращения : 15.05.2025).
3. Гессе, Г. Демиан / Г. Гессе ; пер. с нем. С. К. Апта. – URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=17201&p=1. (дата обращения: 15.05.2025).
4. Гессе, Г. Демиан / Г. Гессе ; пер. с нем. Н. М. Берновской. – URL: <https://mirbukv.net/chitat/sobranie-sochineniy-v-chetyrekh-tomah-tom-1-gesse?p=69#tx>. (дата обращения: 15.05.2025).

К содержанию

Е. А. КОВАЛЕНИЯ

Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы

Научный руководитель – Н. Н. Овчинникова

ОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАИМЕНОВАНИЙ ПРОДУКЦИИ ОАО «МОЛОЧНЫЙ МИР» С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

В условиях стремительного расширения международных торговых связей и активного выхода компаний на зарубежные рынки особую значимость приобретает грамотное продвижение продукции за пределами родной страны. Одним из ключевых факторов такого продвижения является правильная передача наименований товаров на языке целевой аудитории.

Все это обуславливает актуальность изучения особенностей перевода наименований продукции при адаптации ее к требованиям и ожиданиям иностранных рынков. В условиях высокой конкуренции предприятие ОАО «Молочный Мир» делает акцент на внедрение современных маркетинговых инструментов, системный подход к управлению качеством и постоянный анализ потребительского спроса. Ориентация на инновации, грамотное позиционирование товаров и активная работа с целевой аудиторией позволяют предприятию сохранять высокую конкурентоспособность и успешно развиваться на внешних рынках [1].

В статье рассмотрена специфика перевода номинаций молочных продуктов ОАО «Молочный Мир» с русского на китайский язык. Исследована продукция группы «Мороженое» ОАО «Молочный Мир». Выявлены наиболее продуктивные переводческие методы, их слабые и сильные стороны при переводе терминов молочной продукции. Целью данной статьи является выявление наиболее эффективных способов перевода данной категории лексики с русского на китайский язык.

Название продукта не только выполняет информативную функцию, но и влияет на восприятие бренда, его узнаваемость, вызывает интерес и формирует доверие у потребителя. Наименование продукта – это не просто название, а ключевой элемент маркетинговой стратегии компании. Оно выполняет сразу несколько функций: привлекает внимание, формирует первое впечатление, создает ассоциативный ряд и закладывает основу для потребительской лояльности. Именно поэтому процесс перевода наименований продукции требует комплексного подхода, сочетающего лингвистическую точность и культурную релевантность. При адаптации продукта для китайского рынка важно учитывать особенности восприятия потребителей в данной культурной среде [2, с. 11].

Китайская культура традиционно придает большое значение символике, звучанию слов и визуальному образу. Так, иероглифы в китайском языке несут не только фонетическую, но и смысловую нагрузку. Выбор определенных иероглифов может усиливать позитивное или негативное восприятие бренда. Звучание также играет значительную роль: наименования, которые легко произносятся и вызывают благоприятные ассоциации, воспринимаются более положительно. Напротив, даже высококачественный продукт с неудачным переводом наименования может быть отвергнут потребителем. Более того, важную роль играет числовая символика (например, число 8 ассоциируется с богатством и удачей), цветовые предпочтения (красный – символ счастья и праздника) и даже направление чтения и визуального восприятия упаковки [3].

Проблема перевода специфических продуктовых терминов, таких как наименования различных видов молочной продукции, находится в русле

наиболее актуальных современных переводческих исследований, так как отмечается отсутствие четких критериев специфики их перевода. При переводе наименований молочных продуктов, как правило, используются такие способы перевода, как описательный перевод (способ перевода, при котором называемое явление описывается посредством лексем языка-реципиента), транскрипция (способ перевода, при котором происходит воссоздание звуковой формы лексической единицы с помощью букв языка перевода) [4, с. 38], транслитерация (способ перевода, при котором при помощи букв перевода языка передаются буквы переводимого языка) [4, с. 37], калькирование (способ, при котором происходит перевод реалии с сохранением ее семантического содержания) [4, с. 39]. В статье рассмотрена группа наименований продукции категории «Мороженое» (всего 18 единиц), которые рассматриваются с точки зрения особенностей их перевода с русского языка на китайский язык с акцентом на указанные переводческие трансформации.

Самой распространенной трансформацией при передаче русских названий группы «Мороженое» на китайский язык оказалось **калькирование**. Оно встречается в трех случаях, что составляет 16,67 % от общего количества единиц, например: *Пломбир в тубах* передано как 冰淇淋管, а *Десерт замороженный из сыворотки “SummerTime”* – “夏日时光”甜点冷冻乳清 [5; 6]. Калькирование дает буквальный перевод компонентов названия и сохраняет их исходную семантику.

Второй по продуктивности трансформацией стала комплексная трансформация **калькирование + словарный эквивалент**, она была использована также в трех случаях (16,67 %), например: *Мороженое с изюмом в вафельном стаканчике* – 葡萄干冰淇淋在华夫蛋筒中, *Мороженое с подсластителем сорбит* – 华夫饼杯中加甜味剂山梨糖醇的冰淇淋 [5; 6]. В данных случаях понятие мороженое передается словарным эквивалентом 冰淇淋, а дополнительная информация калькируется.

В двух номинациях, что составляет 11,11 %, была применена трансформация **калькирование + словарный эквивалент + опущение**, например: *Мороженое пломбир «Ice time» в вафельном рожке* – 华夫甜筒中的冰淇淋“冰时间”, *Пломбир «Пряная вишня»* – “香樱桃”雪花冰糕 [5; 6]. В этих примерах слово «пломбир» было опущено, что может приводить к потере специфики продукта. Учитывая, что пломбир представляет собой определенный сорт мороженого с высокой жирностью, его исключение из

названия может затруднить корректное понимание у китайского потребителя и нивелировать маркетинговую ценность.

Следующая комплексная трансформация, встречающаяся в двух примерах (11,11 %) – **опущение + конкретизация + словарный эквивалент**. В примерах *Мороженое «Пломбир» эскимо* – “雪花冰糕”冰棒 и *«Пломбир» двухслойный эскимо* – “雪花冰糕”冰淇淋双层冰棒 [5; 6] наблюдается конкретизация формы (эскимо) через 冰棒, однако при этом опускается слово «мороженое». Подобная редукция допустима, так как термин 冰棒 вполне точно передает смысл мороженого на палочке. Однако, как и в предыдущем случае, исключение слова «мороженое» может не полностью отражать состав продукта и его классификацию в глазах целевой аудитории [7].

Такая трансформация как словарный эквивалент использовалась также в двух случаях (11,11 %), что позволило без потерь передать основное содержание: *Мороженое* – 冰淇淋, *Мороженое «Шайба»* – “冰球” 冰淇淋 [5; 6].

Трансформация **транскрипция + калькирование + генерализация** была применена к одной номинации (5,56 %): *Пломбир «ГороденЪ» в вафельном сахарном рожке*, которая переведена как “戈罗登”冰淇淋甜筒 [5; 6], где «ГороденЪ» транскрибируется как “戈罗登”, структура рожка передается калькированием, а слово «пломбир» (определенный вид мороженого с высоким содержанием молочного жира) заменяется обобщающим термином 冰淇淋 (мороженое) [7].

В одном случае (5,56 %) была использована комплексная трансформация, включающая **транскрипцию + калькирование + опущение**: *Мороженое пломбир двухслойный Bela Bovino* – 两层冰淇淋“贝拉博维诺” [5; 6], название “Bela Bovino” транскрибируется как “贝拉博维诺”, структура передается калькированием, а слово «мороженое» в начале наименования опущено, что может повлиять на полноту восприятия состава продукта [7].

Комбинация трансформаций **транскрипция + словарный эквивалент** представлена в переводе одного наименования (5,56 %): *Мороженое «ГороденЪ»* – “戈罗登”冰淇淋 [5; 6]. Здесь элемент «ГороденЪ» транскрибируется как “戈罗登”, а термин «мороженое» переводится с

помощью словарного эквивалента 冰淇淋, что обеспечивает сохранение как узнаваемости бренда, так и точности смысловой передачи продукта.

В одном из примеров (5,56 %) реализована сложная трансформация: **транскрипция + калькирование + словарный эквивалент**. Так, наименование *Мороженое «Пушок» в вафельном стаканчике* переведено как 华夫杯中冰淇淋“普索克” [5; 6], где номинация «Пушок» транскрибируется как “普索克”, словосочетание «в вафельном стаканчике» калькируется (华夫杯中), а понятие «мороженое» передано словарным эквивалентом 冰淇淋. Этот способ позволяет сохранить структурные и семантические элементы оригинала, делая перевод максимально приближенным к исходному названию как по форме, так и по содержанию [7].

Для передачи одного из наименований (5,56 %) была использована трансформация **лексическое добавление + калькирование + словарный эквивалент**. В названии *Мороженое «Сливочное» в вафельном стаканчике* – “火炬”华夫杯中的冰淇淋“奶油” [5; 6] – наблюдается добавление элемента “火炬” (факел), усиливающего визуально-стилистическое восприятие продукта. Основные компоненты передаются через кальку (华夫杯中的 – «в вафельном стаканчике») и словарный эквивалент (冰淇淋 – «мороженое», 奶油 – «сливочное»), что обеспечивает точность и выразительность перевода [7].

При переводе одного из наименований, что так же составляет 5,56 % от выборки, применена трансформация **словарный эквивалент + опущение**. Так, в переводе наименования *Мороженое «Пломбир» в крупной фасовке* – 大包装雪花冰糕 [5; 6] – общее обозначение «мороженое» опущено, а передача конкретного вида продукта (пломбир) осуществляется через эквивалент 雪花冰糕. Подобное опущение может негативно сказаться на точности восприятия продукта, поскольку в отсутствие общего термина потребитель не всегда сможет идентифицировать категорию товара.

Таким образом, перевод наименований продукции ОАО «Молочный мир» группы «Мороженое» с русского языка на китайский язык представляет собой сложный и многоуровневый процесс, требующий не только точной передачи смысла, но и учета культурных и языковых особенностей целевой аудитории. Наиболее часто используемыми переводческими трансформациями в данном сегменте продукции являются описательный перевод, транслитерация и экспликация. В ряде случаев применяются комбинированные стратегии, сочетающие несколько методов

для достижения оптимальной передачи содержания и функционального назначения продукта. Указанные трансформации позволяют адаптировать продукт к восприятию китайского потребителя, обеспечивая сохранение узнаваемости бренда и ключевых характеристик товара.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бренд качества, или В чем секрет успеха ОАО «Молочный Мир». – URL: https://grodnonews.by/news/ekonomika/brend_kachestva_ili_v_chem_sekret_uspekha_oao_molochnyy_mir.html (дата обращения: 20.04.2025).
2. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.
3. Особенности символов в китайской культуре. – URL: <https://www.livemaster.ru/topic/575081-article-osobennosti-simvolov-v-kitajskoj-kulture> (дата обращения: 20.04.2025).
4. Дмитриева, Л. Ф. Английский язык. Курс перевода / Л. Ф. Дмитриева, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартынкевич. – М. : МарТ, 2008. – 263 с.
5. Каталог. Мороженое. – URL: <https://milk.by/katalog/morozhenoe/?lang=ru/> (дата обращения: 20.04.2025).
6. 目录.冰淇淋. – URL: <https://milk.by/katalog/desertnaya-gruppa/?lang=cn> (дата обращения: 20.04.2025).
7. Китай – язык, жизнь, образование, работа, бизнес. – URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 20.04.2025).

К содержанию

А. И. ПИВОВАРЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. А. Калита

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Будущее время – одна из ключевых категорий грамматики, играющая важную роль в языковом выражении времени и аспектов действий. Изучение способов выражения будущего времени в разных языках предоставляет уникальную возможность понять не только грамматические структуры, но и культурные особенности. В данной статье рассматриваются способы выражения будущего времени в русском, белорусском, английском и немецком языках, акцентируется внимание на грамматических категориях глагола, вариативности видовременных форм, а также синтетических и аналитических формах образования.

Темпоральность показывает отношение описываемого действия к моменту речи либо к другому обозначенному контекстом моменту и реализуется в языке комплексом лексико-грамматических средств. Ведущим грамматическим способом выражения темпоральности является категория времени у глагола, с которой зачастую тесно связана категория аспекта, или вида, отражающая внутреннюю динамику действия. В этой статье мы рассмотрим, какими грамматическими средствами выражается будущее в восточнославянских (на примере русского и белорусского) и германских (на примере английского и немецкого) языках.

Категория вида в русском языке реализуется оппозицией совершенный (*сделать*) – несовершенный (*делать*). Чёткого и однозначного грамматического способа выражения вида в русском языке нет; совершенный и несовершенный вид выражаются различными морфологическими средствами, включающими аффиксацию и основу непроизводных глаголов.

Будущее время в русском языке имеет две основные формы: простую и составную. Простая форма будущего времени образуется с помощью глаголов совершенного вида *сделаю*. Эти глаголы указывают на завершённое действие, которое произойдет в будущем. К примеру, в предложении *Я прочитаю книгу* глагол демонстрирует, что действие завершится в будущем.

Составная форма будущего времени в русском языке формируется с помощью вспомогательного глагола *быть* в будущем времени и инфинитива глагола несовершенного вида *буду делать*. Это выражение указывает на незавершённое действие, которое будет происходить в будущем, либо на действие, которое будет повторяться. К примеру, в предложении *Я буду читать книгу* глагол *буду* указывает на то, что процесс чтения будет продолжаться в будущем [1].

В современном белорусском языке различают две формы будущего времени: простую и сложную. Морфологически окончания глаголов простой формы будущего времени совпадают с окончаниями настоящего времени. Таким образом, простое будущее время ‘будучы прсты час’ образуется с помощью префиксов и суффиксов совершенного вида *зраблю*.

Аналогично русскому языку образуется в белорусском и сложное будущее время ‘будучы складаны час’. По сравнению с простым будущим временем *Я прачытаю книгу*, действие, выраженное формой сложного будущего времени *Я буду чытаць книгу*, более отсрочено от момента речи.

Таким образом видно, что грамматическое выражение будущего в русском и белорусском языках имеет схожий характер. Кроме того, формы будущего простого времени в русском и белорусском языках могут означать продолжительное действие, относящееся к настоящему (*А он всё никак не*

наиграется), а также побуждение к действию (*Зараз паглядзім на наступны слайд*) [2].

В английском языке различают несколько способов выражения действия в будущем, каждый из которых имеет свои особенности и используется в условиях наличия определенного контекста. Система времён тесно сопряжена с четырьмя аспектами: *simple* ‘простой’, *continuous* ‘продолженный’, *perfect* ‘совершённый’, *perfect continuous* ‘совершённый длительный’.

Future Simple Tense ‘будущее простое время’ образуется с помощью вспомогательных глаголов *will*, *shall* и инфинитива смыслового глагола. Это время используется для выражения действий, которые произойдут в будущем. Кроме этого, его можно рассматривать в качестве будущего с субъективной модальностью – *I think it will probably rain tomorrow*.

Future Continuous Tense ‘будущее продолженное время’ образуется с помощью *will be* и формы причастия настоящего времени смыслового глагола. Оно используется для описания действий, которые будут происходить в определенное время в будущем и помогает подчеркнуть их длительность – *They will be walking in Paris this time next week*.

Future Perfect Tense ‘будущее совершённое время’ образуется с помощью *will have* и формы причастия прошедшего времени смыслового глагола. Оно фокусируется на завершенности действия к определенному моменту в будущем, что позволяет уточнять временные рамки в коммуникации – *The movie will have finished by 9 p.m.*

Future Perfect Continuous Tense ‘будущее совершённое длительное время’ образуется с помощью *will have been* и формы причастия настоящего времени смыслового глагола. Оно указывает на действие, которое будет длиться некоторое время к определённому моменту в будущем – *By the 25 of May they will have been living together for 20 years*.

Помимо непосредственно будущих времён глагола, действие, относящееся к будущему, может выражаться в английском языке с помощью форм настоящего времени. *Present Continuous Tense* ‘настоящее продолженное время’ может использоваться для выражения будущего, когда речь идёт о предварительно запланированных действиях или событиях. В таких случаях акцент делается на том, что действия уже определены или имеют конкретное время или дату: *She is flying to Paris next month*. *Present Simple Tense* ‘настоящее простое время’ используется для выражения будущего в тех случаях, когда речь идет о расписаниях, графиках или фиксированных событиях, где будущее действие выступает в роли несомненного факта: *The train leaves at 6 p.m.*

Грамматикализованное выражение *to be going to* используется для выражения намерения будущего действия, вытекающего из настоящего: *I am going to visit my uncle this weekend* [3]. В качестве способов выражения будущего в немецком языке главным образом выступают наиболее значимые

грамматические средства, такие как футур I и презенс. В темпоральном плане футур I является многозначной формой и выделяет несколько значений. В первую очередь следует отметить первостепенное значение, которое содержит в себе отсылку на будущее. К примеру, *Sie wird bald nach Hause kommen*. К наиболее употребляемым следует также отнести второе значение футура I, в котором подразумевается предположение о настоящем. В качестве примера можно привести предложение: *Sie werden in der Schule sein*.

Менее используемыми темпоральными значениями являются вневременное значение и значение будущего в контексте прошлого. Во вневременном значении футур I выполняет обобщающую (генерализирующую) роль и чаще всего встречается в пословицах и выражениях с морализирующим подтекстом. В значении будущего в контексте прошлого, футур I находит проявление в исторических исследованиях и биографиях.

Футур I может функционировать в различных временных контекстах, но вместе с тем, важность использования этой формы в каждом из значений варьируется. Таким образом, при изучении семантики футура I, наименее употребляемые его значения чаще всего не рассматриваются.

При выборе между футуром I и футуральным презенсом играет роль наличие в высказывании темпоральных указателей. Отмечается, что презенс, использующийся в значении будущего, обычно встречается в речи вместе с временными обозначениями, в то время как футур I употребляется без них [4].

Вариативность видовременных форм в каждом из языков демонстрирует различия в акценте на завершенность или процессуальность действия.

Наличие совершенного и несовершенного вида, в русском и белорусском языках, позволяет более точно выразить нюансы действия.

В английском языке использование различных временных форм позволяет уточнить значение. Например, *I will write a poem* означает простое действие в будущем, в то время как *I will be writing a poem* подчеркивает длительность процесса.

В немецком языке структура предложения в будущем времени более фиксирована, что упрощает понимание, но может ограничивать выразительность.

В зависимости от структуры языка, формы выражения будущего времени могут быть как синтетическими, так и аналитическими. Синтетические формы образуются путем изменения основы слова, в то время как аналитические формы используют вспомогательные слова и конструкции.

Синтетические формы характерны для белорусского и русского языков, где будущее время образуется с помощью аффиксации внутри слова. В контексте образования будущего времени аффиксация позволяет модифицировать глагольные основы, придавая им значение совершенности или несовершенности действия.

Как в английском, так и в немецком языке синтетические формы отсутствуют. Вместо этого широко используются аналитические формы будущего времени, которые относятся к способам выражения грамматических значений, основанных на использовании вспомогательных слов или конструкций, а не на изменении формы слова.

Анализ способов выражения будущего времени в русском, белорусском, английском и немецком языках показывает важность понимания грамматических категорий, аспектов и структуры предложений. Понимание этих нюансов важно для изучения языков и их перевода. Различия в аспектах, времени и формах образования будущего времени подчеркивают богатство каждой языковой системы и открывают новые горизонты для межкультурной коммуникации. Приведенные данные могут быть полезны преподавателям для создания учебных материалов, переводчикам для более точного перевода текстов и всем интересующимся особенностями межкультурной коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тимошенко, Е. И. Синтаксис современного русского языка / Е. И. Тимошенко. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2021. – 287 с.
2. Шаршнёва, В. М. Беларуская мова. Сінтаксіс. Пунктуація / В. М. Шаршнёва. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2018. – 120 с.
3. Английский язык для начинающих / И. И. Панова, Е. Б. Карневская, Л. А. Тиханович, Л. П. Христорождественская. – М. : Эксмо, 2014. – 528 с.
4. Тагиль, И. П. Грамматика немецкого языка / И. П. Тагиль. – 8-е изд., перераб. – СПб. : КАРО, 2021. – 480 с.

[К содержанию](#)

Е. В. САХАРЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. А. Буров

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА РОМАНА «ЧТЕЦ» Б. ШЛИНКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Художественный перевод представляет собой сложный процесс, требующий не только передачи смысла, но и сохранения стиля, эмоциональной глубины и культурного контекста оригинала. Роман Бернхарда Шлинка «Чтец» («Der Vorleser», 1995) – произведение, насыщенное психологическими и историческими нюансами послевоенной Германии, что делает его перевод на русский язык особенно сложным. Лексико-грамматические трансформации играют ключевую роль в достижении переводческой эквивалентности, позволяя адаптировать текст к нормам целевого языка. Художественный перевод, по определению В. Н. Комиссарова, – это «перевод, обеспечивающий эстетическое воздействие, сопоставимое с оригиналом» [3, с. 133]. Основная задача переводчика – достичь эквивалентности, т. е. передать содержание, стиль и коммуникативную функцию текста [4, с. 90]. Лексико-грамматические трансформации служат инструментом адаптации текста к языковым и культурным нормам. Согласно классификации В. Н. Комиссарова, трансформации делятся на:

- 1) **лексические приемы:** транскрибирование, транслитерация, калькирование.
- 2) **лексико-семантические замены:** конкретизация, генерализация, модуляция.
- 3) **грамматические трансформации:** синтаксическое уподобление, замены частей речи, форм слова, членение/объединение предложений.
- 4) **комплексные трансформации:** антонимический перевод, экспликация, компенсация.
- 5) **технические приемы:** добавление, опущение, перемещение [3, с. 172]. Эти трансформации позволяют преодолеть различия между немецким и русским языками, обеспечивая естественность и выразительность перевода. Для анализа нами были выбраны ключевые примеры из романа, иллюстрирующие лексические, грамматические и комплексные трансформации, которые использовал Б. Хлебников для сохранения стиля Шлинка, характеризующегося лаконичностью и эмоциональной глубиной. Лексические трансформации направлены на передачу смысла и национально-культурной специфики. Так, например, фразу «Mein erster Weg führte mich von der **Blumenstraße**... in die **Bahnhofstraße**» [1, с. 7]. Б. Хлебников передает: «Первый выход с **Блюменштрассе**... привел меня на **Банхофштрассе**» [2], используя транслитерацию для топонимов, сохраняя немецкий колорит. Это соответствует требованию передачи культурного контекста, как отмечает Т. А. Казакова: «Переводчик должен учитывать фоновые знания о стране» [5, с. 11]. При переводе предложения «Dann stützte ich mich an die Hauswand, sah auf **das Erbrochene** zu meinen Füßen» [1, с. 8] Б. Хлебников использует

генерализацию («лужица»), что, однако, упрощает восприятие, но теряет конкретику, снижая эмоциональную интенсивность сцены: «Прислонившись к стене, я глядел на лужицу у ног» [2]. В качестве примера использования конкретизации приведем следующую реплику: «“**Jungchen**”, sagte sie verwundert» [1, с. 9]. – «– Ну что ты, **малыш**? – сказала она удивленно» [2]. Б. Хлебников использует слово «малыш», что менее точно, так как предполагает младший возраст. При переводе предложения: «Wenn ich zu Hause oder in der Schule Treppen stieg, trugen mich meine Beine kaum» [1, с. 8] переводчик применяет модуляцию, смешая фокус с действия ног на субъективное ощущение героя, что усиливает эмоциональность: «Когда приходилось подниматься по ступенькам в школе или дома, я почти не чувствовал ног» [2].

Грамматические трансформации адаптируют синтаксис и морфологию к нормам русского языка. Так, Б. Хлебников использует синтаксическую трансформацию при переводе «Als ich fünfzehn war, hatte ich Gelbsucht» [1, с. 7]. – «В 15 лет я переболел желтухой» [2], тем самым упрощая структуру предложения, заменяя его простым предложением. Это делает перевод Хлебникова лаконичнее, что соответствует стилю Шлинка, но теряет временную нюансировку оригинала.

Комплексные трансформации сочетают лексические и грамматические изменения. В качестве примера экспликации приведем перевод предложения: «Selbst wenn ich mich hungrig an den Tisch setzte, stellte sich bald Widerwillen ein» [1, с. 8]. – «Вроде бы проголодавшись, я садился за стол, однако уже через минуту даже смотреть не мог на еду» [2]. Хлебников прибегает к экспликации, описывая «отвращение» через конкретное действие («смотреть не мог на еду»), что усиливает образность, но удлиняет текст, но данная экспликация лучше передает психологическое состояние героя.

Таким образом, мы можем утверждать, что Б. Хлебников склонен к творческой интерпретации, применению модуляций, экспликаций и упрощения синтаксиса, что делает текст более естественным, но иногда менее точным и тем самым лучше передает эмоциональность Бернхарда Шлинка. Как отмечает Л. Л. Нелюбин, «переводчик должен балансировать между точностью и выразительностью» [6, с. 246].

Анализ перевода Б. Хлебникова романа «Чтец» показал, что лексико-грамматические трансформации являются ключевым инструментом достижения эквивалентности. Переводчик делает акцент на выразительности и естественности, что ближе к духу романа. Наиболее эффективными оказались модуляция и экспликация, позволяющие передать психологическую глубину, а также технические приемы, адаптирующие текст к русскоязычной аудитории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schlink, B. Der Vorleser / B. Schlink – URL: <https://dn790004.ca.archive.org/0/items/DerVorleser/Bernhard.Schlink.-.Der.Vorleser.pdf> (дата обращения: 12.01.2025).
2. Шлинк, Б. Чтец / Б. Шлинк; пер. Б. Хлебникова – URL: <https://www.troykaonline.com/files/pdf/9785389216815.pdf> (дата обращения: 12.01.2025).
3. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : Юрайт, 2000. – 133 с.
4. Латышев, Л. К. Межъязыковые трансформации как средство достижения переводческой эквивалентности / Л. К. Латышев // Семантико-синтаксические проблемы теории языка и перевода. – М. : Междунар. отношения, 1986. – С. 90–107.
5. Казакова, Т. А. Художественный перевод / Т. А. Казакова. – СПб. : Инъязиздат, 2006. – 536 с.
6. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М. : Флинта : Наука, 2016. – 320 с.

К содержанию**М. В. ФЕДОСОВА**

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ
КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ**

С появлением дубляжа вокруг него возник небывалый ажиотаж. В государствах с тоталитарными режимами в Европе переозвученные диалоги привлекли внимание как инструмент цензуры. В некоторых странах наличие нескольких государственных языков зачастую делало субтитры предпочтительным или даже неизбежным выбором. В то же время в Китае дубляж стал необходимостью из-за низкого уровня грамотности населения. Первый русский дубляж фильма «Человек-невидимка» (1933) был создан за год и выпущен только в 1935 году. Лишь к 1948 году дубляж стал массовым. В то время звуковая дорожка с приглушенной фонограммой часто перекрывалась одноголосым переводом, который делался на слух и за один раз. Итоговая версия больше напоминала пересказ сюжета, но зрители были довольны, так как других вариантов не существовало. В США традиционно относятся к переозвучке с недоверием, считая, что им достаточно собственного качественного контента. В 1970-х годах адаптация восточных фильмов о боевых искусствах и спагетти-вестернов сопровождалась сильным рассинхроном, что дубляж надолго приобрел плохую репутацию. Однако иногда большие сборы в Америке показывали и фильмы с субтитрами,

например, «Крадущийся тигр, затаившийся дракон», заработавший 128 миллионов долларов.

Существует два вида устного перевода и озвучивания кинематографа, на которые хотелось бы обратить внимание: дубляж и закадровое озвучивание. Основное отличие заключается в том, что в закадровом озвучивании слышны оригинальные реплики, в дубляже – только наложенная звуковая дорожка. В англоязычном мире для закадровой озвучки принят термин *voice-over* – дословно «голос поверх», объясняющий технологию создания в полной мере. При озвучке каждому персонажу присваивается особенный голос, который подбирается специально для него на этапе подготовки дубляжа. Работа дублеров заключается не только в переводе на другой язык, они должны максимально точно передать интонацию, речевые особенности и смысловые акценты. Для соответствия оригиналу учитывается возраст, пол, тембр голоса актера, а перевод синхронизируется с их мимикой.

Существует несколько видов закадрового перевода:

- 1) одноголосый
- 2) двуголосый;
- 3) многоголосый

Англоязычные аббревиатуры:

- VO (от англ. *Voice-over*) – одноголосый закадровый перевод;
- DVO (от англ. *Double voice-over*) – двуголосый закадровый перевод;
- MVO (от англ. *Multi voice-over*) – многоголосый закадровый перевод.

Если в оригинальной работе все актеры одного пола (например, женского), то фильм озвучивает одна актриса. Одноголосое озвучивание зачастую используется, например, для документальных фильмов, видеопрограмм, а также «пиратских» версий озвучивания кинофильмов. Если же в картине играют и мужчины, и женщины, то над закадровым озвучиванием будут работать двое – мужчина и женщина. В случае, когда в картине участвуют еще и дети, то озвучивают три голоса. Такой вариант уже можно отнести к многоголосой закадровой озвучке.

Разделяют профессиональный закадровый перевод, который выполняется профессиональными актерами, и любительский, выполняемый, соответственно, энтузиастами.

Чтобы осуществить закадровый перевод, привлекаются большое количество специалистов. Все начинается с расшифровки текста оригинала и перевода его в удобный бумажный носитель. В современном представлении киноперевод является уникальным направлением в работе переводчика, предполагающим перевод аудиовизуального контента с дальнейшим адаптированием текста под видеоряд. Этот процесс сопровождается как лингвистическими, так и техническими трудностями,

которые влияют на степень точности перевода относительно оригинала и его успешное техническое воплощение на экране. Как правило, дубляж намного сложнее и дороже субтитрирования. Он представляет собой не только отдельный вид перевода, но и специфическую технику записи, позволяющую заменить оригинальные диалоги звуковой дорожкой с переводом. Его главная задача – адаптация, то есть передача смысловых, языковых и культурных особенностей, чтобы создать впечатление, будто персонажи говорят на языке перевода.

При письменном переводе основное внимание уделяется автору, переводчику и читателю. Переводчик как первый адресат оригинального текста анализирует его, а затем представляет для реципиентов на новом языке. Ему приходится адаптировать их по стилистике и культурным особенностям страны, для которой готовится этот перевод. Не менее значимы и такие детали, как артикуляция и скорость речи персонажей, ведь они напрямую влияют на восприятие героев зрителями.

Когда все реплики разделены и переведены, начинают работать специалисты по озвучке. Они многократно записывают каждую реплику, стараясь добиться максимально схожего звучания. Затем звуковыми файлами занимаются монтажеры. Текст озвучки не просто накладывается на сцены выборочно – необходимо сделать так, чтобы всё выглядело максимально естественно. Для этого подбираются подходящие моменты по движению губ, чтобы сказанное не производило впечатления механического наложения, чтобы зритель ощущал, будто персонаж действительно говорит этим голосом.

Поскольку главная сложность озвучивания заключается в передаче эмоций, которые совпадают с видеорядом, всегда требуется независимый контроль. Для этого в процессе работы участвует редактор, который указывает дикторам или, чаще всего, актерам на их ошибки.

Заказчику следует уделить особое внимание выбору профессионального редактора, так как от его работы напрямую зависит итоговый результат. Внимательный зритель всегда заметит, если голос за кадром звучит чрезмерно эмоционально или, наоборот, слишком равнодушно.

При создании закадровой озвучки важно учитывать принципы «плановости», применяемые в кино: на переднем плане должны находиться диалоги персонажей, на среднем – музыкальное сопровождение и шумы. Когда накладывается закадровый текст, оригинальные диалоги перемещаются на второй план, музыка и шумы – на третий, что частично лишает фильм его естественности и эмоционального настроя. Однако если актеры озвучки подобраны грамотно, а баланс звуков выдержан на протяжении всего фильма, то утраты оригинального звука будут минимальными, а значит, зритель сможет понять авторский замысел создателей фильма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толковый переводоведческий словарь // Академик. – URL: <https://perevodovedcheskiy.academic.ru> (дата обращения: 13.04.2023).
2. Попович, А. С. Проблемы художественного перевода / А. С. Попович. – М. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 198 с.
3. Казакова, Т. А. Практические основы перевода: English – Russian; учеб. пособие / Т. А. Казакова. – СПб. : Союз, 2006. – 320 с.

К содержанию**А. Д. ЧИКУН**

Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы

Научный руководитель – Н. Н. Овчинникова

**СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ ЛИНГВОТОКСИНОВ В ПЕРЕВОДАХ
РОМАНА О. УАЙЛЬДА «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»
НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Лингвотоксины представляют собой языковые элементы, которые могут оказывать негативное влияние на восприятие текста и его интерпретацию. В контексте художественного перевода они становятся важным объектом исследования, поскольку переводчики должны учитывать не только лексическое значение слов, но и их эмоциональную и культурную нагрузку.

Роман Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» [1] является ярким примером произведения, где лингвотоксины играют значительную роль. В данной статье будет проведён эколингвистический анализ стратегий передачи лингвотоксинов в русскоязычных переводах романа, а также будут рассмотрены особенности их функционирования в контексте художественного текста.

Лингвотоксины можно определить, как слова или фразы, которые вызывают негативные ассоциации или затрудняют понимание текста. Они могут быть связаны с культурными, социальными или эмоциональными аспектами языка. В художественных произведениях, например, в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», лингвотоксины могут подчёркивать темы моральной деградации, эстетизма и социальной критики, что делает их особенно важными для анализа.

Эколингвистика изучает взаимодействие языка и окружающей среды, включая культурные и социальные аспекты. В контексте романа «Портрет Дориана Грея» лингвотоксины могут быть рассмотрены как отражение эколингвистической среды, в которой они функционируют. Так, использование определённых слов и фраз может указывать на социальные

нормы и ценности общества, в котором живёт главный герой. Экологический анализ показывает, что лингвотоксины не только отражают индивидуальные и культурные аспекты, но и формируют языковую среду, в которой они существуют.

Лингвотоксины можно трактовать как элементы перевода, которые искажают оригинальный смысл текста, вызывая недопонимание или создавая новый контекст, который не соответствует намерению автора. К таким элементам могут относиться неудачно выбранные слова, искажение культурных реалий, а также утрата стилистических и риторических приёмов. Лингвотоксины в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» играют важную роль в передаче смыслов и эмоций. Переводческие стратегии, такие как прямой перевод, калькирование, замена и объяснительный перевод, позволяют передать их с разной степенью успеха. Таким образом, изучение лингвотоксинов в контексте перевода открывает новые горизонты для понимания как оригинального текста, так и его переводов.

Роман О. Уайльда, опубликованный в 1890 году, посвящен теме красоты, морали и влияния искусства на личность. Главный герой, Дориан Грей, становится жертвой своих собственных желаний и идеалов, что влечёт за собой его моральное падение. Лингвотоксины в романе служат средством для передачи сложных эмоций и социальных комментариев, что требует от переводчика особого внимания к их передаче. «Портрет Дориана Грея» – это не просто роман, а произведение, которое оставило неизгладимый след в мировой литературе. Однако его перевод на другие языки представляет собой сложный и многогранный процесс.

Существуют различные стратегии передачи информации в переводе, такие как буквальный перевод, адаптация и локализация. Некоторые переводчики выбирают стратегию прямого перевода, сохраняющую оригинальную форму и значение лингвотоксинов. Этот подход может быть эффективен, если лексическое значение слова или фразы ясно передаёт их негативную коннотацию [2]. Например, использование термина «порок» в переводе может сохранить его изначальную нагрузку.

Буквальный перевод – это один из самых распространённых методов, используемых при переводе художественных текстов [2]. В случае с «Портретом Дориана Грея» данный подход может привести к созданию дословных переводов, которые теряют оригинальный смысл и контекст. Например, при передаче аллюзий или метафор, использованных О. Уайльдом, буквальный перевод может не подойти, так как он не учитывает культурную специфику целевой аудитории. В итоге это создаёт лингвотоксичный эффект, из-за которого читатели могут неправильно понять замысел автора.

Буквальный перевод часто работает против амбициозности О. Уайльда, где язык играет не только эстетическую роль, но и функционирует как важный элемент сюжета. К примеру, в оригинале присутствует множество примеров тонкой игры слов, которые невозможно воспроизвести без адаптации. Таким образом, буквальный перевод иногда приводит к созданию текстов, которые выглядят как малоосмысленные наборы слов.

Адаптация – это процесс, который позволяет переводчику менять некоторые элементы текста для лучшего восприятия целевой аудиторией. Это может включать замену культурных отсылок на более понятные для русскоязычных читателей аналоги [2].

Адаптация может снизить негативное воздействие лингвотоксинов, сделав текст более доступным и понятным. Однако следует помнить, что чрезмерная адаптация может привести к потере авторского голоса, что, в свою очередь, представляет собой ещё одну форму лингвотоксина. Важно сохранять баланс между точностью и адаптацией. Например, когда О. Уайльд использует яркие и концентрированные метафоры, переводчик должен сохранить эффект, используя в своём языке аналогичные стилистические элементы.

В процессе перевода культурно специфичных понятий переводчик сталкивается со сложными задачами. Выбор между буквальным переводом и адаптацией может определить, как адекватно передаётся идея, заложенная в оригинале. Лингвистическая экология, с другой стороны, изучает, каким образом языковые формы влияют на языковую среду и культурное восприятие. Таким образом, лингвотоксин в контексте перевода можно рассматривать не только как текстуальный феномен, но и как социально-культурное явление.

При чтении произведений Оскара Уайльда читатель не только погружается в события повести, но и воспринимает язык как фильтр, через который читатель понимает философские идеи автора. Лингвотоксин может проявляться как на уровне слов, так и на уровне фраз, при этом каждая языковая единица, использованная переводчиком, формирует общее впечатление о произведении. При изучении переводных версий романа важно учитывать, какой лексический материал использован, как организована структура предложений и как переданы актуальные культурные контексты. Если переводчик выбирает неудачные слова или структуры, это может серьёзно повлиять на восприятие текста [2]. Например, использование разговорной лексики может создавать искажающий эффект.

Перевод всегда происходит в определённом культурном контексте, который сильно влияет на восприятие текста. Литература имеет своё культурное наследие, и переводчик должен принимать во внимание

ценности, традиции и менталитет целевой аудитории. Это может приводить как к эффективным переводам, так и к ситуациям, когда читатель теряется в культурных отсылках и непонимании. Если читатель начинает воспринимать текст через призму чуждой ему культуры, могут возникнуть лингвотоксичные элементы, которые исказят общую картину. Для адекватного перевода важно учитывать культурные символы, концепты и идеи, присутствующие в тексте.

Для эколингвистического анализа важно провести сравнительный анализ различных переводов. Например, можно рассмотреть версии, выполненные известными переводчиками, и выявить, какие стратегии они использовали. Необходимо оценить, как каждая версия справляется с передачей стиля и настроения оригинала. Такой подход позволяет выявить лингвотоксины в контексте выбора слов и стилизации текста. К примеру, перевод, выполненный в более современном стиле, может фактически потерять те детали, которые были свойственны О. Уайльду, и в таком случае читатель не сможет увидеть всю глубину персонажей и ситуаций. Роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», насыщенный эпатажными высказываниями, иронией и философскими провокациями, представляет собой уникальный материал для анализа. Данное исследование основано на сравнительном анализе оригинального текста романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» [1] и трёх переводов на русский язык (М. Абкиной, 2015 [3]; В. Чухно, 2001 [4]; Д. Целовальниковой, 2022 [5]).

Классификации лингвотоксинов по функциональному критерию в романе можно разделить на эмоциональные (например, сарказм лорда Генри); этические (амбивалентные высказывания о морали); эстетические (намеренная стилистическая резкость). Анализ стратегий перевода лингвотоксинов романа позволяет выявить следующее:

1. Эмоциональные токсины: сарказм и провокация. В оригинале текста лорд Генри часто использует парадоксы, нарушающие коммуникативный баланс: *‘The only way to get rid of a temptation is to yield to it’* [1, р. 14]. М. Абкина: «*Единственный способ отделаться от искушения – уступить ему*» [3] (дословный перевод сохраняет токсичность, но нивелирует игру интонаций). В. Чухно: «*Искушение можно победить, лишь предавшись ему*» [4, с. 23] (добавление глагола «*победить*» смягчает провокационность). Д. Целовальникова: «*Единственный способ избавиться от искушения – ему поддаться*» [5, с. 22] (перефразирование усиливает эмоциональный заряд, создавая новый токсин). Эколингвистический вывод: буквализм (М. Абкина) сохраняет токсичность, но нарушает естественность русской речи; интерпретация (Д. Целовальникова) трансформирует токсин в элемент авторского стиля.

2. Этические токсины: амбивалентность морали. Ключевой конфликт романа – дилемма красоты и разложения – выражен через лингвотоксины в описании портрета: ‘*The hideousness of sin*’ [1, с. 110]. М. Абкина: «*Безобразие греха*» [3] (лексический буквализм создаёт стилистический диссонанс). В. Чухно «*Лик порока*» [4, с. 119] (замена «*sin*» на «*порок*» усиливает морализаторский подтекст). Д. Целовальникова: «*Уродство греха*» [5, с. 118] (метафоризация снижает токсичность, эстетизируя деструкцию). Эколингвистический вывод: переводческие решения влияют на восприятие этического посыла: нейтрализация токсина (Д. Целовальникова) «очищает» текст, но искажает авторский замысел.

3. Эстетические токсины: стилистическая резкость. О. Уайльд намеренно использует дисгармоничные сочетания, например: ‘*A brain of iron*’ [1, с. 121]. М. Абкина: «*Мозг из железа*» [3] (калькирование подчёркивает искусственность образа). В. Чухно: «*Ум холодный, как сталь*» [4, с. 126] (сглаживание диссонанса через традиционные метафоры). Д. Целовальникова: «*Чертогов разума*» [5, с. 125] (сохранение резкости). Эколингвистический вывод: стилистические токсины требуют компромисса между аутентичностью и адаптацией к нормам языка перевода.

Таким образом, сравнительный анализ позволил выделить три модели взаимодействия с лингвотоксинами: 1) консервацию (М. Абкина) – минимальное вмешательство в оригинал текста, риск нарушения лингвоэкологии языка перевода; 2) нейтрализацию (В. Чухно) – снижение токсичности через смягчение или замену, что гармонизирует текст, но обедняет его смысловую многогранность; 3) трансформацию (Д. Целовальникова) – творческая переработка токсинов в новые эстетические элементы, обогащающие экосистему перевода.

Исследование подчёркивает, что лингвотоксины играют ключевую роль в экологии художественного текста, а их перевод требует учёта как лингвистических, так и культурных факторов. Стратегии передачи варьируются от строгого следования оригиналу до креативной интерпретации, что отражает поиск баланса между сохранением «токсичной» аутентичности и адаптацией к новой языковой среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wilde, O. The picture of Dorian Grey / O. Wilde // Lippincott's Monthly Magazine. – 1890-07. – Vol. 46. – 176 p. – URL: https://archive.org/details/sim_mcbrides-magazine_1890-07_46/mode/2up (дата обращения: 18/05/2025).
2. Baker, M. In Other Words: A Coursebook on Translation. – Routledge, 2018. – 390 p.
3. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея / О. Уайльд; пер. с англ. М. Абкиной – М. : Искатель, 2015. – 208 с. – URL: <https://poesias.ru/proza/uayld-oskar/uayld-oskar10015.shtml> (дата обращения: 18.05.2025).
4. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея / О. Уайльд; пер. с англ. В. Чухно – М. : Эксмо-Пресс, 2001. – 576 с.

5. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея / О. Уайльд; пер. с англ. Д. Целовальниковой – М. : ACT, 2022. – 320 с.

К содержанию

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Р. М. БОДНАРЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. А. Пилипенко

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЕКТА «СЛОВО ГОДА» В ГЕРМАНИИ: ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

В настоящее время в различных языковых культурах существует ряд проектов, которые направлены на модернизацию языка, на сохранение лингвистических традиций; проектов, которые активно отстаивают чистоту языка. Одним из таких проектов является «Слово года».

В данной статье мы рассмотрим эволюцию и значимость проекта на сегодняшний день. Исследуемый нами проект имеет международный статус и социолингвистическую направленность. Его целью является документирование и анализ динамики развития языка через выявление наиболее значимых и популярных лексических единиц в течение определённого отрезка времени.

Страной-родоначальницей данного проекта является Германия. Согласно исторической информации, в 1971 году Общество немецкого языка («Gesellschaft für deutsche Sprache») впервые выбрало Слово года в Германии. Выбор пал на имя прилагательное *aufmürrig* ‘строптивый’, ‘непокорный’. С 1972 по 1976 год выбор Слова года временно был приостановлен, а начиная с 1977 года данный проект развивается и активно поддерживается Обществом немецкого языка.

Общество немецкого языка было основано 10 января 1947 года в Люнебурге. Юрист Макс Вахлер был избран на пост первого председателя. GfdS является зарегистрированной ассоциацией и находится в Висбадене. Данное общество имеет государственную поддержку и курируется федеральным правительством и федеральными землями. В настоящее время председателем GfdS является профессор доктор Петер Шлобински (Prof.Dr. Peter Schlobinski).

Основной задачей Общества немецкого языка является повышение осведомленности о немецком языке, его особенностях, развитии и значении языка как для носителей, так и для его изучающих. «GfdS выполняет одну из главных целей, которая прочно закреплена в его уставе: помочь всем, кто нуждается в совете по языковым вопросам» [1].

С 1978 года Gesellschaft für deutsche Sprache стало ежегодно обновлять списки Слов года в своем журнале *Der Sprachdienst* («Языковая служба»). На официальном сайте GfdS указано: «наш журнал *Der Sprachdienst* издается с 1957 года и ориентирован на широкую аудиторию, интересующуюся языками. Здесь мы публикуем научные статьи по всем вопросам современного немецкого языка в общепонятной форме» [2].

Состав жюри представлен членами GfdS, экспертами из медиа- и культурного пространств. При выборе Слов года решающее значение имеет не частота выражения, а его значимость и популярность. Они отражают современную общественно-политическую и культурную историю Германии. Выбранные слова не связаны с какой-либо оценкой или рекомендацией.

С 1991 года концепция проекта в Германии претерпела радикальные изменения. Появляется еще одна опция «*Unwort des Jahres*». «*Unwort des Jahres*» используется для описания языковых ошибок в публичной коммуникации, которые фактически являются крайне неуместными <...>» [3]. Основной фокус при работе с языком переместился на борьбу с языковым насилием. Жюри, формируемое на национальном уровне, опирается на отзывы граждан, анализируя языковые злоупотребления в публичных коммуникациях. В центр внимания попадают слова, неуместные, оскорбительные и унижающие человеческое достоинство.

«При выборе слова-победителя в немецкоязычных странах не существует конкретных предписаний. С точки зрения временной дифференциации лексики к Словам года можно отнести как неологизмы, так и слова, уже активно использующиеся в языке и имеющие нормативный статус» [4].

В списке слов года GfdS отражаются волнующие общество темы, как экономические и политические изменения, так социальные и культурные явления. Например, слово 2005 года – *Bundeskanzlerin* ‘канцлер’, так как 22 ноября 2005 года Ангела Меркель была избрана первой женой-канцлером Германии. Словом 2020 года стало *Coronapandemie* ‘пандемия коронавируса’. Данная лексическая единица на тот период широко распространилась не только в Германии, но и по всему миру. Пандемия коронавируса изменила жизнь большинства людей в 2020 году. Слово *Ampel-Aus* ‘крах светофора’ является новоизбранным Словом ушедшего 2024 года. Этот выбор связан с развалом коалиции «светофора». Данное событие затмило даже выборы президента США.

Таким образом, проект «*Wort des Jahres*» прошел значительный путь развития с момента его рождения в 1971 года. Из языковой инициативы он перерос в важнейший социолингвистический инструмент, который отражает жизнь немецкого общества через призму языка. Проект отражает

как лингвистические изменения, так и ключевые события в политической, социальной и культурной жизни страны, тем самым документируя ее историю. Проект является независимым и объективным, что не может не привлекать множество людей. Он способствует формированию национальной идентичности, заостряющий внимание на своеобразии немецкого языка и культуры в глобальном пространстве.

В заключение хотелось бы процитировать председателя Общества немецкого языка Петера Шлобинского: «слова года – зеркало общества, показывающее, что волновало людей в определенный год. Они являются частью нашей коллективной памяти и тем самым документируют часть современной истории» [2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gesellschaft für deutsche Sprache stellt sich vor – URL: <https://gfds.de/die-gesellschaft-fuer-deutsche-sprache-stellt-sich-vor/> (дата обращения: 18.02.2025).
2. Der Schprachdienst – URL: <https://gfds.de/publikationen/der-sprachdienst/> (дата обращения: 23.02.2025).
3. Wort und Unwort des Jahres in Deutschland – URL: <https://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/Wort-und-Unwort-des-Jahres-Deutschland> (дата обращения: 26.02.2025).
4. Главные слова года: структурно-функциональная и социолингвистическая характеристика – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavnye-slova-goda-strukturno-funktionalnaya-i-sotsiolingvisticheskaya-harakteristika> (дата обращения: 28.02.2025).

К содержанию

А. А. БРЕЧКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. Ф. Нестерук

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В АВТОРСКОЙ СКАЗКЕ Н.С. ANDERSEN «DIE SCHNEEKÖNIGIN»

Сказка представляет собой один из древнейших пластов культурного наследия, которое сохранялось на протяжении столетий и передавалось из поколения в поколение преимущественно устным способом. На сегодняшний день нет конкретных научных доказательств того, в какой временной период и в какой стране впервые была создана сказка, существуют только разные теории о её времени возникновения и месте происхождения. Данный вопрос остается предметом научной дискуссии, в рамках которой выдвигаются различные гипотезы – от отнесения времени

возникновения сказки к античной эпохе до ее становления в рамках раннего средневековья.

К основным особенностям сказки, отличающих её от других жанров, относят отсутствие подлинности, вымышленный характер произведения; естественное сочетание волшебства и мира персонажей; однолинейный сюжет сказки; сосредоточенность на главном герое или группе персонажей; типизация мира персонажей; отсутствие у персонажей психологической мотивации их действий; периодичность схожих ситуаций в различных вариациях/ локациях; четкое определение роли добра и зла; преобладание диалогического характера повествовательной формы, применение шаблонных формулировок в начале и завершении повествования.

Принимая во внимание факт существования множества определений понятия «сказка», приведем некоторые дефиниции.

Словарь русского языка С. И. Ожегова дает следующее определение: «Сказка – повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [1].

В толковом словаре Duden «сказка» трактуется как «im Volk überlieferte Erzählung, in der übernatürliche Kräfte und Gestalten in das Leben der Menschen eingreifen und meist am Ende die Guten belohnt und die Bösen bestraft werden» [2].

Немецкий исследователь Л. Рёрих определяет сказку следующим образом: «Unter Märchen werden mehrgliedrige, handlungsfreudige Erzählungen wunderbaren Inhalts verstanden, die keinen Anspruch auf Glaubwürdigkeit erheben und unabhängig sind von den Bedingungen der Wirklichkeit mit ihren Kategorien Zeit, Raum und Kausalität» [3, с. 40]. Исходя из приведенных выше определений, можно сделать вывод о том, что этот вид текста включает в себя рассказы или повествования с радостным, веселым содержанием, которые недостоверны и независимы от условий действительности с их категориями времени, пространства и причинности. В связи с этим интересно мнение В. Bettelheim (2008), который отмечает, что «... сказки в значительной степени являются результатом общих сознательных и бессознательных содержаний, сформированных сознанием многих людей, которые совпадают в том, что они рассматривают как универсальные человеческие проблемы, так и желаемые решения» [4, с. 45]. Итак, можно с уверенностью утверждать, что сказки являются и отражением национального характера.

Наиболее целостное представление о национальном характере, на наш взгляд, представлено в классификации нидерландских исследователей Х. Дуйкер и Н. Фрийд, предложивших достаточно полное рассмотрение понятия «национальный характер», который определяется как:

«1) проявление определенных психологических черт, характерных для всех членов данной нации; 2) «модальная личность», т. е. относительная частота проявления среди взрослых членов какой-либо нации личностей определенного типа; 3) «основная структура личности», т. е. определенный образец личности, доминирующий в культуре данной нации; 4) система позиций, ценностей и убеждений, разделяемых значительной частью данной нации; 5) результат анализа психологических аспектов культуры или нескольких культур, рассматриваемых в определенном, особом смысле; 6) интеллект, выраженный в продуктах культуры, т. е. в литературе, философии, искусстве и т. п.» [5, с. 63]. Паралингвистические средства дополняют речь эмоциональной и эстетической информацией, сообщают об этнокультурных, психологических и других особенностях коммуниканта. Мимика, жесты и интонация как паралингвистические концепты являются важнейшими невербальными средствами, организующими речевую коммуникацию и во многом определяющими характер протекания общения, эмоциональное состояние коммуникантов и их поведение и отражающими в целом национальный характер.

В рамках данного исследования мы остановились на изучении неверbalного поведения персонажей и его репрезентации в авторской сказке.

«Die Schneekönigin» – сказка Ганса Христиана Андерсена, опубликованная в 1844 году, повествует о маленькой девочке, которая ищет своего друга, похищенного Снежной королевой. Как и многие другие сказки Андерсена, данная сказка фокусируется на маленьком счастье, простых и добрых людях, а также полна юмора и иронии. Поиски девушки происходят в сценах, похожих на сон [6].

Так, в данной сказке в группе жестов-иллюстраторов было выявлено 67 языковых единиц. Приведем некоторые примеры: *ablösen* ‘отделить’, *abreißen* ‘сорвать’, *anhalten* ‘останавливаться’, *anziehen* ‘надеть’, *auf dem Rücken hängen* ‘висеть на спине’, *aufbinden* ‘развязать’, *aufrollen* ‘свернуть’, *ausgießen* ‘вылить’, *ausziehen* ‘снять’, *die Brille aufsetzen* ‘надеть очки’, *die Treppen heruntergehen* ‘спускаться по лестнице’, *die Treppen hinaufgehen* ‘подниматься по лестнице’, *drücken* ‘нажать’, *durchschneiden* ‘разрезать’, *erfassen* ‘ухватиться’, *ergreifen* ‘схватить’, *festbinden* ‘привязать’, *festhalten* ‘держать, удерживать’ и некоторые другие.

Группа жестов-регуляторов насчитывает 23 языковые единицы, где наиболее яркими примерами являются *bei den Füßen halten* ‘держать за ноги’, *bei den Händen nehmen* ‘брать за руки’, *den Arm um den Hals legen* ‘обнять за шею’, *den Arm um etwas schlagen* ‘обхватить что-либо рукой’, *den Kopf schütteln* ‘качать головой’, *den Pelz um jemanden schlagen* ‘укутать кого-либо мехом’, *die Hände ausstrecken* ‘протянуть руки’, *einander bei den*

Händer fassen ‘схватиться за руки’, *einander bei den Händen halten* ‘держать за руки’, *ins Gesicht schlagen* ‘ударить по лицу, дать пощечину’, *jemandem die Augen trocknen* ‘вытереть кому-то слёзы’, *jemandem die Wangen klopfen* ‘похлопать кого-либо по щекам’.

В группе жестов-символов представлено только три языковые единицы такие как *klatschen* ‘хлопать в ладоши’, *mit der Hand winken* ‘махать рукой’, *winken* ‘махать’. В контексте данные примеры имеют всемирно известное значение, где *klatschen* ‘хлопать в ладоши’ обозначает восторг либо одобрение, а кинемы *mit der Hand winken* ‘махать рукой’ и *winken* ‘махать’ используют для приветствия / прощания

Группа жестов-адаптеров представлена 12 единицами: *blinzeln* ‘моргать’, *den Kopf drehen* ‘поворнуть голову’, *den Mund zusammenziehen* ‘сжать губы [рот]’, *die Augen schließen* ‘закрыть глаза’, *glätten* ‘гладить’, *kämmen* ‘расчесывать’, *mit dem Fuß gegen den Kasten stoßen* ‘пнуть коробку’, *mit den Beinen ausschlagen* ‘биться ногами’, *sich ringsherum drehen* ‘обернуться вокруг’, *streichen* ‘гладить’, *umhergehen* ‘ходить взад и вперед, бродить’, *umherlaufen* ‘бегать взад и вперед’.

Таким образом, количественное соотношение вышеперечисленных групп-жестов представлено на рисунке:

Рисунок. Количественное соотношение групп-жестов в художественной сказке Н. С. Andersen «Die Schneekönigin»

Подводя итог, можно сказать, что наиболее распространёнными жестами в художественной сказке Н. С. Andersen «Die Schneekönigin» являются жесты-иллюстраторы (64 %), что напрямую объясняется подробным описанием неверbalного поведения каждого из героев путём использования жестов данной группы. Группа жестов-символов (3 %)

практически отсутствует в художественной сказке. На наш взгляд, наименьшее количество жестов-символов можно объяснить тем, что характерным признаком такой группы является распространенность определённых жестов во всех странах, в свою очередь, сказка повествует о вымышленном мире, передавая этнокультурные особенности той страны, в которой проживает автор.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сказка // Толковый словарь Ожегова. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28782>. (дата обращения: 17.04.2025).
2. Märchen // Duden. – URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Maerchen_Erzaehlung (дата обращения: 17.04.2025).
3. Röhrich, L. Sage und Märchen. Erzählforschung heute / L. Röhrich. – Freiburg; Basel; Wien : Herder Verlag, 1976. – 485 S.
4. Bettelheim, B. Kinder brauchen Märchen / B. Bettelheim. – München, 2008. – 390 S.
5. Голев, С. В. Политическая психология : словарь-справочник / С. В. Голев. – Херсон : ОМУРЧ, 2004. – 164 с.
6. Die Schneekönigin. – URL: <https://maerchen.com/andersen/dieschnee-koenigin.php>. (дата обращения: 20.03.2025).

К содержанию

Н. Ю. ГОРДЕЙЧУК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. А. Пилипенко

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЕНДЕРНОЙ МАРКИРОВАННОСТИ В НЕМЕЦКОМ И ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

Современная лингвистика все больше внимания уделяет изучению гендерных аспектов языка, поскольку языковая система не только отражает, но и формирует социальные представления о гендерных ролях. Особый интерес представляет сравнительный анализ разных языков, каждый из которых по-своему кодирует гендерную информацию. В данной работе мы исследуем особенности гендерной маркированности в немецком языке и проведем его сравнение с русским, английским и французским языками, уделяя особое внимание грамматическим структурам, лексическим особенностям и современным тенденциям развития.

Понятие гендерной маркированности в лингвистике относится к способности языка отражать и передавать гендерные различия через свои структурные элементы. В разных языковых системах это явление реализуется различными способами: через грамматический род,

словообразовательные модели, лексический выбор и синтаксические конструкции. Для анализа этих явлений применяются как традиционные лингвистические методы (сопоставительный анализ, корпусные исследования), так и социолингвистические подходы, позволяющие учитывать социальный контекст языковых изменений. Немецкий язык с его развитой системой грамматического рода (*мужской, женский, средний*) представляет особый интерес для исследования гендерной маркированности. «Анализ корпуса DWDS показывает, что традиционно мужские формы существительных продолжают доминировать даже в нейтральных контекстах, что отражает исторически сложившуюся андроцентричность немецкого языка» [1]. Однако в последние десятилетия наблюдаются значительные изменения: активно развиваются феминитивные формы профессий (*Lehrer - Lehrerin*), внедряются гендерно-нейтральные варианты с использованием специальных символов (*Lehrer*innen, Lehrer:innen*), появляются новые местоимения для небинарных персон (*sier, xier*). Эти процессы идут параллельно с изменениями в немецком законодательстве, официально признавшем в 2018 году третий гендерный вариант (*divers*).

Сравнительный анализ выявляет существенные различия в способах выражения гендера в разных языках. Русский язык, обладая сходной с немецкой системой грамматического рода, демонстрирует более выраженную тенденцию к нейтрализации гендерных различий в профессиональной лексике. Русская языковая система демонстрирует интересную динамику в выражении гендерных различий. Традиционная система трех грамматических родов (*мужской, женский, средний*) реализуется через систему окончаний: *"красивый - красивая - красивое"*. Однако в современном русском языке наблюдаются противоречивые тенденции. «В профессиональной лексике исторически сложилась система парных форм: *учитель - учительница; студент - студентка; врач - врачиха*» [4]. Примечательно, что в последние десятилетия мужские формы все чаще используются как гендерно-нейтральные, особенно в официальном контексте. Интересный пример – слово *«врач»*. Женская форма *«врачиха»* приобрела сниженную стилистическую окраску, в то время как *«мужская форма стала нейтральной для обозначения специалиста любого пола. Аналогичный процесс наблюдается и с другими профессиями (директор, профессор)»* [5].

Английский язык, практически лишенный грамматического рода, компенсирует это развитой системой гендерно-нейтральной лексики и активным использованием местоимения *they* в единственном числе. Гендерные различия выражаются преимущественно лексически:

суффиксальные пары: *actor* - *actress*, *waiter* - *waitress*; разные слова: *bachelor* – *spinster*; гендерно-специфичные местоимения: *he* – *she*.

Однако в последние 50 лет английский язык претерпел значительные изменения в сторону гендерной нейтральности. К ним относят: 1) замену гендерно-маркированных терминов: *fireman* → *firefighter*; *policeman* → *police officer*; *chairman* → *chairperson*; 2) «указонивание единственного числа *they* для небинарных персон (официально признано Oxford English Dictionary в 2019 году)» [2]; 3) появление новых местоимений: *ze/zir* (аналог *he/she*); *xe/xem*; *ey/em* [6]. Эти изменения отражают не только лингвистические процессы, но и глубокие социальные трансформации в англоязычных обществах.

Французский язык, сохраняя строгую бинарность грамматического рода, в то же время становится ареной острых дискуссий о языковом равенстве, что проявляется в спорах о феминитивах и попытках введения инклюзивного письма. Французская языковая система представляет собой пример жесткой грамматической бинарности (мужской/женский род) с явным доминированием мужского рода в смешанных группах (*ils* для группы из 99 женщин и 1 мужчины). Однако в последние годы эта система подвергается серьезной критике. Традиционная французская грамматика исторически закрепляла мужской род как доминирующий для обозначения профессий. Классическим примером служит слово *"le professeur"*, которое, несмотря на возможность обозначать лиц любого пола, грамматически относится к мужскому роду. В последние десятилетия этот подход подвергается пересмотру. Современные тенденции предлагают несколько вариантов феминизации: форма *la professeure* (с добавлением типичного женского окончания *-e*); более радикальный вариант *la professeuse* (с использованием суффикса *-euse*); компромиссный вариант *la professeur* (сохранение исходной формы при женском артикле). Французская академия наук, долгое время сопротивлявшаяся этим изменениям, в 2019 году выпустила рекомендации, допускающие использование феминитивов для обозначения женщин-профессионалов. Однако в официальных документах по-прежнему сохраняется приоритет мужской формы как включающей все гендеры.

Попытки преодолеть бинарность французской грамматики привели к появлению инклюзивного письма, которое включает несколько подходов:

1. Точечная форма: Пример: *étudiant·e·s* вместо традиционного *étudiants* (муж. род, включающий всех). Этот способ визуально представляет оба гендера, но вызывает сложности при чтении вслух.

2. Небинарные местоимения: Местоимение *iel* (гибрид от *il* + *elle*) было включено в словарь Le Robert в 2021 году, что вызвало бурную полемику. Его использование пока остается маргинальным, но постепенно распространяется в ЛГБТК+ сообществе.

3. Гендерные флексии: Формы типа *toustes* (вместо бинарных *tous/toutes*) представляют попытку создания по-настоящему нейтрального варианта. Однако такие конструкции пока не получили широкого признания. Эти языковые инновации встретили неоднозначную реакцию в обществе:

1. Консервативная позиция: Французская академия наук в 2017 году выпустила заявление, в котором назвала инклюзивное письмо «опасной практикой», угрожающей «ясности и будущему французского языка». Особую критику вызвали сложности с устным воспроизведением новых форм.

2. Прогрессивное внедрение: Несмотря на сопротивление, многие университеты (особенно в Париже и Лионе), государственные учреждения и крупные компании начали активно использовать инклюзивные формы в официальных документах и коммуникациях.

3. Политическое решение: «В ноябре 2021 года министерство образования Франции издало циркуляр, запрещающий использование инклюзивного письма в школах, аргументируя это необходимостью «сохранить доступность языка для всех учащихся» [3]. Этот запрет, однако, не распространяется на высшие учебные заведения.

Эти процессы демонстрируют, как языковая система становится ареной борьбы между традицией и модернизацией, между грамматической логикой и социальными требованиями.

Психолингвистические исследования убедительно доказывают, что грамматические особенности языка существенно влияют на восприятие гендера его носителями. Например, носители немецкого и русского языков склонны приписывать объектам, относящимся к мужскому или женскому роду, соответствующие гендерные характеристики, в то время как для носителей английского языка такие ассоциации выражены значительно слабее. Эти данные подтверждают гипотезу лингвистической относительности, согласно которой язык не просто отражает, но и формирует наше восприятие действительности. Различия в гендерной маркированности языков тесно связаны с культурными традициями и социальными изменениями в соответствующих обществах. Консерватизм немецкой языковой нормы коррелирует с общей осторожностью немецкого общества в вопросах языковых изменений. Быстрая адаптация английского языка к новым гендерным реалиям отражает традиционную гибкость англоязычной культуры. Особый интерес представляет ситуация во Франции, где академический консерватизм вступает в противоречие с требованиями гендерного равенства, что приводит к острым общественным дискуссиям.

Проведенное исследование показывает, что гендерная маркированность в языке представляет собой сложный феномен, находящийся на

пересечении лингвистических, социальных и культурных факторов. Немецкий язык, сохраняя традиционную систему грамматического рода, тем не менее постепенно адаптируется к новым гендерным реалиям. Сравнение с другими языками демонстрирует различные стратегии адаптации языковых систем к изменяющимся социальным нормам. Дальнейшие исследования в этом направлении представляются особенно актуальными в свете глобальных изменений в понимании гендера и его места в современном обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dwds – digitales wörterbuch der deutschen sprache – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 10.05.2025).
2. Oxford english dictionary online – URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 10.05.2025).
3. Arrêté du 17 novembre 2021 relatif à l'écriture inclusive dans les établissements scolaires – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 10.05.2025).
4. Гендерные стереотипы в языке и дискурсе – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-stereotipy-v-yazyke-i-diskurse> (дата обращения: 10.05.2025).
5. Козлова, Е. А. Гендерные аспекты русского языка – URL: <https://www.dissertcat.com/content/gendernye-aspeky-leksiki-russkogo-yazyka> (дата обращения: 10.05.2025).
6. Анализ гендерной нейтральности в современном английском языке – URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-gendernoy-neytralnosti-v-sovremennom-angliyskom-yazyke](https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-gendernoy-neytralnosti-v-sovremenном-angliyskom-yazyke) (дата обращения: 10.05.2025).

К содержанию

А. Г. ЕГИАЗАРЯН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Г. Сальникова

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БИНОМИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование структурных особенностей биномиальных образований в английском языке приобретает особую значимость в контексте современных лингвистических исследований, направленных на выявление системных закономерностей организации языковых единиц. Актуальность данной проблематики обусловлена тем, что структурные характеристики биномиалов отражают фундаментальные принципы языковой организации и демонстрируют специфику английского языкового мышления.

Анализ морфологических характеристик компонентов биномиальных образований демонстрирует преобладание определенных частеречных моделей в английском языке. Синтаксическая организация биномиальных образований характеризуется наличием устойчивых структурных схем, определяющих характер связи между компонентами. Так, И. Н. Молодцова выделяет «соединительно-сочинительную, соединительно-разделительную (или противительную), разделительно-сочинительную, соединительно-подчинительную и соединительно-отрицательную связи, обеспечивающие целостность БО на структурно-семантическом уровне» [1].

В качестве материала для исследования методом случайной выборки из интернет-ресурсов [2; 3] мы отобрали 100 биномиальных выражений, которые проанализируем в соответствии с вышеупомянутыми структурными особенностями: морфологическими характеристиками, структурными отношениями и ритмической организацией.

1. В соответствии с используемыми при создании биномиальных выражений частей речи нами были определены несколько частеречных моделей:

Прилагательное + прилагательное (17 %). Эти выражения широко используются для описания качеств, состояний или характеристик. Они часто встречаются как в разговорной, так и в письменной речи: *black and white, short and sweet, safe and sound*. Примеры: *The answer is pretty black and white, there's no middle ground. We arrived bright and early to avoid the traffic*.

Существительное + существительное (39 %). Эти выражения представляют собой образы и часто используются для описания состояний или концепций. Их можно встретить как в литературе, так и в повседневной речи: *peace and quiet, pros and cons, life and limb*. Примеры: *After a long day, all I want is some peace and quiet. The hustle and bustle of the city can be overwhelming*.

Глагол + глагол (16 %). Эти фразы передают действия или решения, часто используются для описания динамичных процессов или активных действий: *rock and roll, sink or swim, pick and choose*. Примеры: *You can pick and choose the items you like. It's a sink or swim situation; you'll either succeed or fail*.

Наречие + наречие (12 %). *Sooner or later, here and there, more or less, over-under.* Примеры: I spent *more or less* a half hour waiting for my flight to depart.

Предлог + предлог (6 %). *On and off, out and about, out-and-out, over and above.* Примеры: *He's an out-and-out liar. It has been raining on and off since early this morning*.

Местоимение + местоимение (2 %). *All in all, all or nothing.* Примеры: *All in all, it was a great vacation. We had some amazing experiences. It is all or nothing. If I cannot fully participate in the meeting I will not attend.*

Причастие II + причастие II (2 %). *Born and bred, done and dusted.* Примеры: *Both my parents were born and bred in London. Once we sign the contracts, everything will be done and dusted.*

Мы также выделили отдельные случаи, когда компоненты биномиалов не совпадают по частям речи, их всего **5 %**.

Прилагательное + наречие: *down and dirty.* Примеры: *Let's get down and dirty and talk about the real problems.*

Предлог + наречие: *to and fro.* Пример: *He paced to and fro.*

Числительное + прилагательное: *first and foremost.* Пример: *First and foremost, let's set clear goals for the project.*

Предлог + прилагательное: *by and large.* Пример: *By and large, these plants need lots of care.*

Наречие + существительное: *back on track.* Пример: *The company has a strategy to get back on track.*

Среди отобранных для анализа выражений был обнаружен биномиал *helter-skelter*, компоненты которого не употребляются по отдельности, что составило **1 %**. Мы ознакомились с этимологией этого выражения, которое появилось в XVI в. для обозначения беспорядочной спешки или неразберихи. Томас Нэш использовал его именно так в своих *“Four letters confuted”*, 1592: *Helter skelter, feare no colours, course him, trounce him.* Это выражение использовал и У. Шекспир в драме «Генрих IV», 1600: *Helter skelter, haue I rode to thee, and tidings do I bring.* Таким образом, в Англии данный биномиал используется на протяжении последних 400 лет, а в США известен с 1820-х гг. [23].

2. Важным аспектом структурной организации биномиалов является характер связи между их компонентами. Из проанализированных нами выражений 70 % биномиалов соединены союзом **and**: *black and white, rock and roll, odds and ends.* Примеры: *The world isn't always black and white; sometimes there are shades of gray. She grew up listening to classic rock and roll from the '60s. You can't just pick and choose which rules to follow.*

13 % биномиалов соединены союзом **or**: *heads or tails, make or break, hit or miss.* Примеры: *It's more or less what I expected. It was an all or nothing bet – and he lost it all. The restaurant is kind of hit or miss – sometimes it's great, sometimes not.*

В 3 % выражений наблюдаем бессоюзную связь компонентов: *helter-skelter, no fuss, no muss, willy-nilly.* Примеры: *Papers were scattered willy-nilly across the desk. No Muss, No Fuss is a great way to describe my policies.*

*It's like saying "no problem" or "easy peasy". I hope your life goes **helter skelter** from now on.*

Одно выражение содержит союз **but**, что составляет 1 %: *slowly but surely*. Примеры: *Slowly but surely, she's recovering from the injury*.

В 13 % случаев биномиальные выражения содержат такие предлоги, как **by, to, of, for, after, in, on**.

Предлог **by**: *step by step, little by little, bit by bit*. Примеры: *He followed the instructions step by step and built the table. Little by little, she's gaining confidence*.

Предлог **to**: *eye to eye, wall to wall, heart to heart. His room was wall to wall with posters of his favorite band. There is nothing nobler or more admirable than when two people who see eye to eye keep house as man and wife, confounding their enemies and delighting their friends*.

Предлог **of**: *horror of horrors: The news report covered the horror of horrors that occurred during the natural disaster*.

Предлог **for**: *measure for measure. This is because an individual's punishment is meted out measure for measure*.

Предлог **after**: *time after time. They argue time after time about the best way to cook spaghetti*.

Предлог **in**: *all in all. But all in all, we have made clear progress*.

Предлог **on**: *back on track. And it puts the standard model story of creation back on track*.

Таким образом, можно заметить, что подавляющее количество проанализированных биномиальных выражений включают в свой состав союз **and**.

3. Следующей структурной характеристикой английских биномиалов, на которую мы обратили внимание, является их ритмическая организация. Ритмичность может выражаться не только точной рифмой, но и созвучием (например, одинаковым количеством слогов, повторяющимся ударением), благодаря чему слова «сцепляются» в единый выразительный блок. Это одна из причин, почему носители языка так часто используют подобные пары в повседневной речи.

Из отобранных выражений 53 % построены по принципу благозвучия. Важный момент, связанный с ритмической организацией биномиалов, – это то, каким образом создается само «звучание» и «ритм» пары слов. Такие пары могут основываться:

– на рифме: *wine and dine, hustle and bustle, willy-nilly, wear and tear, make or break. We often have to wine and dine our important business clients. After the party, there were balloons willy-nilly all over the place*.

– ассонанс или аллитерации: *chalk and cheese, hit or miss, part and parcel. Her kids are chalk and cheese*.

– повторе или частичном повторе: *wall to wall, again and again, all in all, little by little. The carpet was wall to wall – it covered the entire room.*

– ритмическом балансе слов: *on and off, rock and roll, sooner or later. Studying late into the night with some rock and roll playing in the background helps me stay focused.*

Такие выражения нередко встречаются в разговорном языке, литературе, а также в рекламе или слоганах, поскольку они легко запоминаются и придают речи образность и выразительность.

Таким образом, мы проанализировали отобранные биномиальные выражения и пришли к выводу, что наиболее употребляемой частеречной моделью биномиалов является ‘существительное + существительное’. Связь между компонентами в подобных выражениях чаще всего осуществляется при помощи союза *and*. Кроме того, большинство биномиалов обладают ритмическими характеристиками

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Молодцова, И. Н. Английские биномиалы: статус, сущность, функции : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Молодцова Инна Николаевна. – Тула, 2002. – 170 л. – URL: <https://www.dissercat.com/content/angliiskie-binomialy-status-sushchnost-funktsii> (дата обращения: 11.05.2025).
2. 40 Common Binomial Expressions in English // ESLBUZZ. – URL: <https://www.eslbuzz.com/40-common-binomial-expressions-in-english/> (date of access: 16.05.2024).
3. Irreversible binomial // Wikipedia : free encyclopedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Irreversible_binomial (date of access: 14.04.2025).

К содержанию

П. А. ЗОСИМОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

ТАКТИКИ И СТРАТЕГИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Политкорректность – это один из наиболее часто используемых терминов в СМИ США сегодня. Вне зависимости от количества дебатов по поводу широкого использования политкорректности, важность СМИ в дебатах о политкорректности – это то, с чем согласны все стороны в этом аргументе. Средства массовой информации активно освещают эту тему. Но почему эта тема стала предметом почти ежедневного интереса в СМИ? Как академические или интеллектуальные проблемы, которые включают и

политкорректность, фильтруются и представляются в СМИ, и как это влияет на общественное мнение по этому вопросу?

Средства массовой информации являются важным аспектом современных индустриальных обществ. Средства массовой информации заменили традиционную форму личного общения. Учитывая количество часов, которое средний американец ежедневно проводит, используя СМИ, число, которое, кажется, увеличивается с уменьшением необходимости проводить время на работе и с другими делами, можно сделать вывод, что СМИ стали неотъемлемой частью повседневного общения, общения и социализации, обеспечивая образование, новую информацию и развлечения. Кроме того, функционирование американской представительной демократии во многом зависит от средств массовой информации.

Ключевая характеристика блог-дискурса – высокая степень субъективности и самоидентификации автора. Позиция говорящего (или пишущего) в блогах не маскируется под объективность, как в новостных текстах. Напротив, она часто подчёркивается и играет ключевую роль в построении нарратива. Автор блога действует не только как источник информации, но и как субъект социального действия: он формирует повестку, оценивает события и взаимодействует с аудиторией.

Политкорректность в таком контексте становится **маркером идентичности**: её использование может говорить о принадлежности автора к прогрессивным кругам, его лояльность к идее равенства и социальной справедливости. Однако, как отмечает ван Дейк, любое коммуникативное поведение в блогах носит прагматический характер – оно направлено на достижение определённого эффекта, будь то поддержка, протест, демонстрация принадлежности к сообществу и пр. [1, с. 151].

Одной из уникальных черт блог-дискурса является то, что здесь политкорректность существует не в виде жёстко закреплённых правил, а как гибкая, изменчивая практика. Её формы и границы постоянно переосмысливаются в процессе коммуникации. Например, использование гендерно-нейтральных местоимений (*they, ze, xe*) ещё недавно считалось маргинальной практикой, а сегодня становится нормой в англоязычном блог-пространстве, особенно в академической и активистской среде.

Кроме того, блог-дискурс склонен к **гибридизации** – смешению различных регистров, жанров и языковых кодов. Это порождает новые способы выражения политической корректности, такие как:

- сатирическое обыгрывание политкорректных выражений;
- нарочито вычурное соблюдение норм;
- использование хештегов как способ маркирования идеологической позиции (#BlackLivesMatter, #MeToo);

– креативное переформулирование стигматизирующей лексики (*differently abled* вместо *disabled*).

Важной особенностью блог-дискурса является его конфликтогенный потенциал. Пространство блогов не регулируется централизованными институтами, как традиционные СМИ, и потому здесь регулярно возникают случаи обвинений в «отмене» (cancel culture), «цензуре» или, напротив, в использовании языка ненависти (hate speech).

Сторонники свободного выражения утверждают, что политкорректность в блогах подавляет креативность, мешает иронии и сатире, превращает язык в инструмент социального контроля. Противники такой точки зрения подчеркивают, что политкорректность – это не форма запрета, а способ сделать дискуссию более уважительной и безопасной для всех участников [2, с. 74].

Блог-дискурс допускает и активное сопротивление политкорректности. В этом контексте можно говорить о **стратегиях антиполиткорректного высказывания**, которые включают:

- использование заведомо провокационных формулировок,
- гиперболу, иронию и пародию,
- отсылки к «здравому смыслу» как противовесу «навязываемым» нормам.

Примером может служить риторика Дональда Трампа, который не только отказывается следовать нормам политической корректности, но делает это частью своей политической идентичности. В его блогах и постах в Twitter часто встречаются выражения, маркирующие дистанцирование от «либеральной» риторики, акцент на «свободе слова» и критика «прогрессивной цензуры» [3, с. 99].

Одной из ключевых характеристик блог-дискурса в современных цифровых медиа является его интерактивная природа: аудитория здесь выступает не в роли пассивного потребителя информации, а как активный участник коммуникационного процесса. Пользователи социальных платформ – будь то Twitter (ныне X), Instagram или другие – не ограничиваются чтением или просмотром контента, а вовлечены в постоянное, динамичное взаимодействие с ним: они ставят отметки «нравится», репостят, вступают в диалог, формируют целые ветки комментариев, нередко превращающиеся в мини-дискуссии с собственным сюжетом. Это придаёт высказыванию в блогосфере особую форму бытования – оно существует не само по себе, а в переплетении интерпретаций, реакций и контрреакций.

В подобной среде политкорректность оказывается не просто идеологической нормой, а полем для многоголосого обсуждения, где каждый участник наделён правом высказывания и оценивания. Один и тот

же пост, содержащий, казалось бы, нейтральное или даже заботливое по тону высказывание, может вызывать диаметрально противоположные отклики: одни увидят в нём проявление социальной чуткости и уважения к разнообразию, другие – обвинят автора в демонстративной добродетельности, неискренности или даже цензурной автоцензуре. Таким образом, восприятие политкорректности в блог-дискурсе зачастую зависит не от формы самого высказывания, а от призмы, через которую его читает аудитория: от её культурного и политического фона, личного опыта, а также от господствующих в конкретной информационной среде нарративов.

Это превращает политкорректный язык в живой, подвижный феномен, постоянно находящийся в процессе переоценки и актуализации. Публичные личности, особенно политики, вынуждены не только тщательно выбирать формулировки, но и уметь «читать» реакцию аудитории, учитывая, что каждое слово может стать триггером для обсуждения, мемом или, напротив, причиной волны критики и обвинений в лицемерии. Таким образом, блог-дискурс – это не просто площадка для выражения политических позиций, но и зеркало общественного восприятия, где политкорректность выполняет роль одновременно этического компаса и инструмента символического позиционирования.

Политкорректность в блогах – это **динамическая, переговорная категория**, границы которой определяются не только автором, но и реакцией сообщества.

Таким образом, политическая корректность в блог-дискурсе представляет собой сложную и эволюционирующую систему норм, которая не только отражает текущие социальные реалии, но и активно участвует в их формировании. Это создает уникальную возможность для диалога и обмена мнениями, но также требует от участников внимательности и ответственности в выборе слов и тем для обсуждения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Morris, S. Political correctness / S. Morris. – New Haven: Yale Univ. Press, 1999. – 290 p
2. Bougher, Lori D. The case of metaphors in political reasoning and cognition / Lori D. Bougher // Political Psychology. – 2002. – Vol. 33 (1). – P. 145–163.
3. Ferrari, Federica Metaphor at work in the analysis of political discourse: Investigating a ‘preventive war’ persuasion strategy / Federica Ferrari // Discourse & Society. – 2007. – Vol. 18 (5). – P. 603 – 625.

Д. М. КОЗАК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА АУДИТОРИЮ

Англоязычная языковая игра представляет собой многогранный и уникальный феномен, включающий в себя разнообразные лексические, грамматические, культурные и социальные аспекты. Она не просто выполняет функцию средства общения, но и формирует определенные ожидания, восприятие и взаимодействие с аудиторией. В данном контексте очень важным является понимание того, как специфика англоязычной языковой игры влияет на восприятие информации и какие механизмы стоят за этим влиянием. Понимание данного факта позволит осознать, как язык может воздействовать на общественное мнение и эмоциональное состояние читателей.

Одной из ключевых характеристик англоязычной языковой игры является её гибкость и способность к адаптации [1]. Английский язык как международное средство общения активно заимствует различные языковые элементы из других языков. Лингвисты отмечают, что за последние сто лет английский язык претерпел значительные изменения, позаимствовав слова и выражения из испанского, французского, арабского, китайского и других языков.

Использование заимствованных слов в газетных статьях и заголовках не только обогащает английскую речь, но и создает эффект новизны, тем самым привлекая внимание читателей [2].

Культурные аспекты играют не менее важную роль в англоязычной языковой игре, ведь язык не существует в вакууме; он формируется под воздействием культуры и общества. В своей книге «Language and Culture» Кейт Хоулт подчеркивает, что использование определенных фраз и выражений может вызывать у аудитории ассоциации с конкретными культурными событиями или явлениями, тем самым усиливая эмоциональный отклик [3].

Одной из наиболее интересных особенностей англоязычной языковой игры является её интерактивность. Современные формы коммуникации: социальные сети, блоги и подкасты, позволяют аудитории активно участвовать в процессе общения [2], тем самым создавая динамичное взаимодействие в паре автор–слушатель, где слушатели становятся не только потребителями информации, но и её создателями.

Англоязычная языковая игра также обладает мощным потенциалом для формирования эмоционального отклика, что является важным критерием

эффективности ее использования в СМИ. А использование метафор, аллюзий и других стилистических приемов значительно усиливает экспрессивность речи.

Таким образом, англоязычная языковая игра является мощным инструментом, не только оказывающим влияние на восприятие информации читателями, но и формирующим общественное мнение и культурные нормы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильясова, С. И. Языковая игра в газетном тексте / С. И. Ильясова. – М. : Наука, 2013. – 247 с.
2. Егорова, О. С. Феномен языковой игры в медиадискурсе: когнитивный аспект / О. С. Егорова, О. А. Кириллова // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1, № 4. – С. 159–165.
3. Негрышев, А. А. Языковая игра в СМИ: текстообразующие механизмы и дискурсивные функции (на материале газетных новостей). / А. А. Негрышев // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. – 2008. – № 3. – С. 21–34.

К содержанию

И. С. КОМИСАРЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. Ф. Нестерук

ЗАГОЛОВОК КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ МЕДИАТЕКСТА

Для современного этапа развития общества характерно стремительное преобразование информационных процессов. Одной из составляющих глобальной коммуникации выступают различные медийные тексты как информационный продукт массмедиа. Повышенный интерес исследователей к средствам массовой информации обусловлен той ролью, которая принадлежит им в формировании общественного мнения, и на сегодняшний день СМИ демонстрируют способность оказывать существенное влияние на массы. Еще одной важной функцией средств массовой информации в современной парадигме принято считать передачу информации. В связи с этим к языку современных массмедиа предъявляются повышенные требования, что обусловливает формирование установки максимального эффекта воздействия, повышение и привлечение внимания читательской аудитории, формирование точки зрения, убеждений. Важная роль в этом отводится заголовку, который является

важной частью текста. Предваряя его, заголовок формирует у читателя представление о структуре текста и последующей информации.

Согласно классификации И. А. Шамелашвили «Газетный заголовок может выполнять четыре прагматические функции: информативную, экспрессивно-оценочную, побудительную и рекламную» [1, с. 12].

Информативную функцию выполняют прежде всего те заголовки, в которых в сжатой форме передается информация о содержании озаглавливаемых ими материалов. На доминирующую информативную функцию может накладываться экспрессивно-оценочная функция, которая реализуется за счет включения в заголовок стилистических средств, направленных на выражение оценки и оказания воздействия на потенциального читателя. Благодаря обращению к стилистическим средствам журналист решает сразу несколько прагматических задач: привлекает и удерживает внимание потенциального читателя, информирует об основном содержании статьи и реализует свою оценку.

Was die Baubranche von der Bundesregierung erwartet [4],

Bürgermeister mit 19 [4],

Video mit Merz, Macron und Starmer sorgt für Aufregung [4].

Побудительную функцию реализуют заголовки, в которых как эксплицитно, так и имплицитно присутствует призыв к действию. Структурно заголовки, реализующие побудительную функцию, в большинстве случаев представляют собой предложения, имеющие в своем составе повелительные конструкции [1]. Данная функция, например, реализована в следующих заголовках:

"Nur die Pilze essen, die man sicher kennt!" [4],

"Nimm das, TACO-Man!" [4].

Под рекламной функцией понимается назначение заголовка быть ярким, заметным, броским, привлекающим внимание читателя. Эта функция заключается в побуждении читателя ознакомиться с текстом статьи. Иногда рекламность заголовка может принимать характер «драматизации», т. е. искусственного преувеличения значения какого-то элемента из озаглавливаемого текста. Например:

Elektroautos stärker gefragt [4],

Sollte man wirklich Rohmilch trinken? [4],

Die Panikmache mit den Blackouts [4].

Если название статьи заинтересовало читателя, привлекло его внимание, то заголовок выполнил свою информативную функцию. Если заголовок вызвал у читателя любопытство, изумление или сомнения, то реализовалась рекламная функция.

Структура большинства газетных заголовков дублирует структуру известных синтаксических моделей. В качестве газетных заголовков

используются номинативные структуры, свободные синтаксические и примыкаемые формы [2].

Номинативные структуры представляют собой разные варианты сочетаний падежных форм имен существительных. Подобные заголовки имеют актуальное членение, которое позволяет выделить главное – тему (данное) и рему (новое) сообщения. Зачастую авторы пользуются структурным минимумом, вынося в заголовок только подчиненный компонент (компоненты) глагольных словосочетаний.

А. В. Колесниченко разделяет заголовки на номинативные и предикативные [3]. Номинативный заголовок выступает в роли неполного предложения и чаще всего в виде фразы из двух существительных либо одного существительного и одного прилагательного. Например:

Konjunkturprognosen für Deutschland [4],
Zahlreiche falsche Bilder und Videos [4],
KriminalitätSENTwicklung mit vielen Fragezeichen [4].

Предикативный заголовок в отличие от номинативного представляет собой полное предложение, которое отражает главную тему статьи. К этому типу можно отнести такие примеры, как:

Deutsche Aktien setzen Rekordjagd fort [4]
Zuckeralternativen sind nicht zwingend gesünder [4],
Diese Fakes kursieren am Wahltag [4].

Функции заголовков в текстах прессы шире, чем в научном тексте. Привлечь внимание читателя можно на «предсодержательном» уровне графическим выделением заголовка. Например, использованием полужирного или курсивного начертаний, увеличением размера шрифта или его изменением. Таким образом, газетный заголовок можно назвать системой, где все элементы связаны друг с другом и взаимообусловлены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесниченко, А. В. Практическая журналистика : учеб. пособие / А. В. Колесниченко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. – 180 с.
2. Сафонов, А. Стилистика газетных заголовков / А. Сафонов // Стилистика газетных жанров / под ред. Д. Розенталя. – М., 1981.
3. Шамелашвили, И. А. Функционально-стилистические и лексико-грамматические особенности газетных заголовков : автореф. дис. канд. филол. наук / И. А. Шамелашвили. – М., 1982. – 25 с.
4. ARD. – URL: <https://www.ard.de/> (дата обращения: 04.06.2025).

К содержанию

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

А. Р. АФАНАСЬЕВА

Брест, БГГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

ДИНАМИКА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ В РОМАНЕ Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР»

Роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» (1847) по праву считается одним из ключевых произведений английской литературы XIX века. Его новаторство во многом связано с тем, что Бронте внесла значительный вклад в развитие так называемой «женской литературы» и жанра романа-воспитания [1, с. 32]. История сироты Джейн, преодолевшей путь от бесправного детства к самостоятельности и равноправной любви, стала для викторианской эпохи откровением. В наше время литературоведы всё чаще рассматривают индивидуальную трансформацию Джейн Эйр как центральную тему романа и анализируют её с феминистических позиций.

В начале романа юная Джейн живёт в доме тётки миссис Рид, где сталкивается с унижением и насилием. Не имея ни друзей, ни социальных прав, она тем не менее обладает острым чувством собственного достоинства. Её первым бунтом была вспышка гнева против двоюродного брата Джона, за которую девочку наказали заточением в «Красной комнате». Именно тогда проявляется неукротимая натура Джейн: она не склонна покорно терпеть агрессию, даже от старших по статусу. Героиня открыто заявляет, что *«I resisted all the way: a new thing for me, and a wondrous strength gave me resistance»* [2, р. 29]. Этот протест против несправедливости шокирует её опекунов, ожидавших от девочки смирения. Однако для Джейн сопротивление становится способом сохранить чувство собственного «я». Попав в пансион Ловуд, героиня встречает противоположный пример – свою подругу Элен Бёрнс, кроткую и религиозно смиренную. Элен пытается научить Джейн терпению и прощению обидчиков, что временно умеряет бунтарский пыл сироты. Тем не менее юная Джейн находится в состоянии внутреннего конфликта, разрываясь между пассивным смирением, которого требует от неё общество, и активным отстаиванием собственного достоинства. Таким образом, уже первая часть романа закладывает фундамент для её дальнейшего развития, показывая её стремление найти золотую середину между послушанием и самоуважением.

Выходя из стен Ловудской школы самостоятельной молодой женщиной, Джейн принимает должность гувернантки в Торнфилде. Здесь она впервые ощущает относительную свободу и возможность реализовать свои способности. Однако положение гувернантки всё ещё весьма нестабильное: Джейн – бедна и социально уязвима, её статус в доме Рочестера неопределён. По мере развития отношений с мистером Рочестером героиня оказывается втянутой в сложный роман, где ей приходится отстаивать свое право на равноправную любовь. Кульминацией этой внутренней борьбы становится знаменитая сцена признания в саду, демонстрирующая ее личностный рост. Здесь Джейн отвергает любые попытки любимого поставить её ниже себя по положению или обращаться с ней снисходительно. *«I am no bird; and no net ensnares me; I am a free human being with an independent will»* – заявляет она Рочестеру, смело апеллируя к человеческому достоинству женщины [2, с. 217]. Это является ключевым поворотом романа: героиня открыто формулирует свое право быть равной мужчине. Для викторианского романа подобное заявление звучит беспрецедентно и становится своеобразным манифестом раннего феминизма. Однако путь к подлинной независимости ещё не завершён: узнав, что Рочестер уже женат, Джейн вынуждена сделать мучительный выбор. Она отказывается стать любовницей, хотя это и разбивает ей сердце, и уходит из Торнфилда, сохранив верность своим моральным принципам. Именно тогда проявляется окончательно сформировавшаяся личность героини как совокупность её нравственных убеждений и стремления к уважению себя. Ш. Бронте сознательно противопоставляет Джейн традиционному образу “ангела в доме”: героиня не приносит себя в жертву ни греховной любви, ни общественным ожиданиям о женском долге.

Стоит отметить, что в образе безумной жены Рочестера, Берты Мейсон, критики усмотрели своеобразное альтер эго Джейн. По мнению С. Гилберт и С. Губар, женские персонажи «Джейн Эйр» можно трактовать как различные возможные варианты судьбы женщины в патриархальном обществе [3, с. 408–412]. Так, кроткая Элен Бёрнс воплощает путь христианского самоотречения, отличавшаяся гордостью и расчёtlivostью Бланш Ингрэм, стремилась к положению светской львицы, которое, по её мнению, можно было обрести только через удачный брак. Берта Мейсон олицетворяет мрачный итог необузданного женского бунта. Раздираемая противоречиями, Джейн Эйр находит способ объединить свои рациональные и эмоциональные стороны, а также моральные убеждения и страсть. Это достижение целостности является кульминацией её личностного роста.

Финальные главы романа завершают путь Джейн Эйр к личной свободе и гармонии. Получив неожиданно наследство и материальную

независимость, героиня ощущает себя равной любому мужчине и свободной выбирать свой жизненный путь. Она отвергает предложение руки и сердца священника Сент-Джона Риверса, хотя тот обещает ей внешне благородную роль жены-миссионера. Джейн ясно понимает, что брак без любви будет новым подавлением её личности и, несмотря на давление, решительно отказывается. Этот эпизод подчёркивает окончательное взросление героини: она не променяет свою внутреннюю правду на социальное одобрение. Услышав в критический момент зов Рочестера, Джейн возвращается к нему, но уже как равноправная партнёрша, а не бесправная гувернантка. Их союз в финале строится на новом основании взаимного уважения и любви, в котором героиня сохраняет свою идентичность. Роман заканчивается словами Джейн: «*Reader, I married him*» [2, с. 481], и в этом простом утверждении звучит отнюдь не капитуляция женщины, а её триумф. Джейн сама сделала выбор, кем ей быть и с кем разделить свою жизнь, преодолев путь от бесправного человека до личности, обладающей голосом и волей.

Таким образом, динамика индивидуальной трансформации Джейн Эир представляет собой постепенное освобождение героини от навязанных ей ролей и ограничений. Шарлотта Бронте показала, как женщина, испытывающая то же, что и мужчина, может обрести право на самоуважение, любовь и творчество на равных. Социально-психологический рост Джейн, от подавленной сироты к уверенной в себе женщине, отражает зарождение нового типа женского самосознания в викторианской эпохе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бячкова, В. А. «Эхо» романа «Джейн Эир» Ш. Бронте в произведении «Но я буду это помнить. Комедия» Пэм Никсон / В. Я. Бячкова // Мировая литература в контексте культуры. – 2019. – № 8(14). – С. 32–40.
2. Brontë, Ch. *Jane Eyre* / Ch. Brontë. – London : Penguin Classics, 2006. – 592 р.
3. Gilbert, S. M. The Madwoman in the Attic : the Woman Writer and the Nineteenth-Century Literary Imagination / S. M. Gilbert, S. Gubar Sandra. – New Haven and London : Yale University Press, 1979. – 719 р.

К содержанию

О. А. БАБЧУК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

МОТИВ ПОТЕРИ В РОМАНЕ М. ЗУСАКА «КНИЖНЫЙ ВОР»

Современная художественная литература часто обращается к теме утраты. Иногда это потеря близкого, иногда – самого себя, своей идентичности или ощущения принадлежности. Особенно тяжело эти мотивы звучат в книгах о войне. Война делает потерю частью повседневности. В романе Маркуса Зусака «Книжный вор» потеря в принципе становится основой существования героев. Главная героиня постепенно теряет всё, начиная с семьи и заканчивая верой в стабильность. Как замечает М. С. Краснякова, «...мотив играет важную моделирующую роль в сюжете, он в значительной мере программирует и предопределяет сюжет» [1, с 200]. Именно поэтому мотив потери, будучи одним из доминирующих в романе «Книжный вор», нуждается в научном анализе для полноценного осмыслиения сюжета произведения в целом.

Действие разворачивается в нацистской Германии, в маленьком городке под названием Молькинг. В центре сюжета – взросление Лизель Мемингер, которую в начале истории отдают в приёмную семью. На этом этапе героиня сталкивается с первой утратой: мать исчезает из её жизни мгновенно, без объяснений, без возможности что-то вернуть.

Сам момент расставания с матерью в романе почти не описан напрямую, но это не уменьшает внезапность и травматичность события для ребёнка. Лизель не понимает причин разлуки, что усиливает чувство её одиночества. Мать исчезает из её жизни, оставляя лишь смутные воспоминания и неразрешённые вопросы, которые преследуют героиню на протяжении всего повествования. Позже в романе выясняется, что мать была коммунисткой и, скорее всего, погибла. Но ни тогда, ни позже Лизель так и не получает прямого ответа.

Ещё более травматичным событием становится смерть младшего брата Лизель, Вернера, которая происходит в поезде по пути в Мюнхен. Вернер умирает от болезни, вызванной холодом и недоеданием, что отражает суровые реалии жизни бедных слоёв населения в нацистской Германии. Лизель, будучи свидетелем его смерти, испытывает шок и чувство вины, характерное для детей, сталкивающихся с утратой близких. Она не может предотвратить смерть брата, что усиливает ощущение беспомощности: «*Still in disbelief, she started to dig. He couldn't be dead. He couldn't be dead. He couldn't*» [2, с. 31]. Похороны Вернера на заснеженном кладбище

становятся для Лизель моментом, когда она впервые сталкивается с реальностью смерти.

Психологические травмы, вызванные утратой семьи, сопровождают Лизель на протяжении всего романа. Однако роман не ограничивается изображением страданий героини; он также показывает её способность к адаптации и восстановлению. Этот процесс во многом обусловлен поддержкой приёмной семьи Хуберманов – Розы и Ганса, которые, несмотря на суровые условия военного времени, становятся для Лизель любящими родителями. Ганс Хуберман, с его мягким характером и умением играть на аккордеоне, помогает Лизель справляться с ночных кошмарами, читая ей книги и обучая её грамоте: *Hans Hubermann sat sleepy-eyed on the bed and Liesel would cry into his sleeves and breathe him in* [2, с. 44]. Роза Хуберман, несмотря на свою внешнюю суровость, проявляет заботу о Лизель, что помогает девочке почувствовать себя нужной и любимой.

Война и нацистский режим в «Книжном воре» приводят к утрате не только личных, но и социальных ценностей, что отражается в трансформации идентичности персонажей. Нацистская идеология, проникающая во все сферы жизни, разрушает культурные и человеческие ценности, заменяя их пропагандой ненависти, расового превосходства и насилия. Одним из ярких символов этого разрушения в романе является сожжение книг, организованное нацистами *The orange flames waved at the crowd as paper and print dissolved inside them. Burning words were torn from their sentences* [2, с. 118]. Этот акт, описанный в эпизоде празднования дня рождения Гитлера, символизирует уничтожение свободы мысли, культуры и индивидуальности. Лизель, наблюдая за сожжением книг, испытывает смешанные чувства: с одной стороны, страх перед властью режима, с другой – желание спасти хотя бы одну книгу, что становится её актом сопротивления.

Разрушение культурной основы в романе подчёркивает дегуманизацию общества, в котором люди перестают быть личностями, превращаясь в инструменты идеологии. Дети, такие как Лизель, оказываются особенно уязвимыми, поскольку их идентичность формируется под влиянием противоречивых факторов: с одной стороны, нацистской пропаганды, с другой – гуманистических ценностей, которые прививают им близкие люди. Например, в школе Лизель вынуждена участвовать в мероприятиях, прославляющих Гитлера, но дома она сталкивается с иным взглядом на мир, который формируют Ганс и Роза Хуберманы, а также Макс Ванденбург.

Трансформация социальных связей и отношений в романе подчёркивает хрупкость человеческого сообщества в условиях войны. Нацистский режим разрушает традиционные социальные структуры, заменяя их системой доносов, страха и подозрительности. Например, соседи Лизель, такие как фрау Хольцапфель, становятся частью этой системы, хотя их поведение

часто продиктовано не столько идеологической убеждённостью, сколько страхом за собственную жизнь. Этот социальный распад приводит к утрате доверия между людьми, что делает любые попытки сопротивления особенно рискованными.

Однако роман также показывает, что в условиях кризиса возможно формирование новых, более глубоких связей, основанных на взаимопонимании и поддержке. Дружба Лизель с Максом Ванденбургом, еврейским юношей, которого Хуберманы прячут в своём подвале, становится одним из центральных примеров такой связи. Макс, как и Лизель, переживает утрату: он потерял свою семью и вынужден скрываться, чтобы выжить. Их дружба, основанная на обмене историями и книгами, становится актом сопротивления нацистскому режиму и символом сохранения человечности. Например, Макс пишет для Лизель книгу, в которой рассказывает о силе слов и их способности противостоять тирании: *The words. Why did they have to exist? Without them, there wouldn't be any of this. Without words, the Führer was nothing* [2, с. 525–526].

Дружба Лизель с Руди Штайнером, её соседом и одноклассником, также подчёркивает важность социальных связей в условиях войны. Руди, несмотря на своё участие в гитлерюгенде, сохраняет внутреннюю свободу и человечность, что проявляется в его поддержке Лизель и отказе от нацистских идеалов. Однако даже такие связи оказываются под угрозой из-за постоянного страха разоблачения и смерти, что подчёркивает трагизм их положения.

Влияние войны на мировоззрение персонажей проявляется в их постепенном осознании абсурдности и бесчеловечности происходящего. Лизель, наблюдая за разрушением своего города, страданиями людей и гибелью близких, начинает задаваться вопросами о смысле жизни и смерти. Для других персонажей, таких как Ганс Хуберман, война становится испытанием их моральных принципов. Ганс, отказываясь вступать в нацистскую партию и помогая Максу, демонстрирует верность гуманистическим ценностям, несмотря на риск для своей жизни: *I've made many mistakes in my life, but not joining the Nazi Party isn't one of them. They still have my application – you know that – but I couldn't go back to ask. I just...* [2, с. 110]. Его действия подчёркивают, что даже в условиях тоталитарного режима человек способен сохранить свою идентичность и человечность, хотя это требует огромного мужества.

Более того, война отбирает у жителей Молькинга само ощущение нормальности. Люди утрачивают дом, чувство безопасности, способность говорить свободно. Каждый из них существует в контексте общей потери, независимо от социального положения. Таким образом, мотив утраты носит универсальный характер, объединяя частное и общее.

Особенно драматичной является потеря друзей. Гибель Руди Штайнера – один из самых эмоционально насыщенных эпизодов. Руди был не просто другом, он был символом нормального детства, светлого будущего, которого лишены дети войны. «*She did not say goodbye. She was incapable, and after a few more minutes at his side, she was able to tear herself from the ground. It amazes me what humans can do, even when streams are flowing down their faces and they stagger on...*» [2, с. 540]. Смерть Руди – кульминация эмоциональной линии потерь. Она подчёркивает бессмысленность насилия и глубину страдания выживших. Даже простые чувства, такие как любовь и дружба, становятся жертвами войны.

Не менее значимой оказывается и потеря Макса Ванденбурга – еврейского беженца, с которым у Лизель устанавливается духовная близость. Его вынужденный уход из подвала – ещё одна форма потери: «*I don't want to hope for anything anymore. I don't want to pray that Max is alive and safe. Or Alex Steiner. Because the world does not deserve them*» [2, с. 525]. Встреча с Максом, его исчезновение и последующее воссоединение служат метафорой ускользающей надежды и способности вновь обрести утраченное, хотя бы на мгновение.

К концу романа становится понятно: М. Зусак говорит не просто об отдельных потерях. Он показывает, что потеря – это основа всей системы войны. Люди исчезают, дома превращаются в пепел, книги горят, улицы становятся местом страха. Но за всем этим возникает главное: остаётся память. И остаётся слово. После того как весь город разрушается, Лизель выживает. Она остаётся одна среди мёртвых. И в какой-то момент понимает: всё, что она может сделать – это записать. Она начинает писать свою историю. Использует то, что спасало её всё это время – язык. То самое, что стало оружием в руках Гитлера, теперь становится инструментом сопротивления у ребёнка. «*The best word shakers were the ones who understood the true power of words*» [2, с. 452]. Даже после многократных потерь у Лизель остаётся то, что невозможно забрать: пережитое, запомненное, осмыслившее. Смерть сохраняет её книгу, а значит – и её историю. И именно это делает её выжившей не только в буквальном, но и в духовном смысле – человеком, который сохранил в себе слово, несмотря на войну.

Мотив потери в романе играет ключевую роль в раскрытии внутреннего мира героев, развитии сюжета и создании трагической атмосферы. Потери, описанные в романе, касаются каждого персонажа и охватывают как личностный, так и общественный уровень [3]. Через переживание утрат герои обретают зрелость, внутреннюю силу и способность к любви. М. Зусак показывает, что даже в условиях войны и разрушений человек может сохранять достоинство, человечность и веру в силу слов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краснякова, М. С. Проблема соотношения сюжета и мотива как нарративных структурных элементов в современном литературоведении / М. С. Краснякова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – 2015. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24909194> (дата обращения: 31.05.2025).
2. Zusak, M. The Book Thief / M. Zusak. – London : Black Swan, 2007. – 560 p.

К содержанию

3. Д. ВЕРЕМКОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. Н. Дягель

РЕЦЕПЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА
Э. Т. А. ГОФМАНА В РОМАНЕ П. ЗЮСКИНДА «ПАРФЮМЕР»

Литературные связи между эпохами часто проявляются в форме интертекстуальных отсылок, реминисценций и мотивных параллелей, которые позволяют проследить, как современные авторы переосмысливают культурное наследие прошлого. Одним из ярких примеров подобного диалога можно считать роман «Парфюмер. История одного убийцы» (*Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*) немецкого писателя Патрика Зюскинда, в котором отчетливо прослеживаются мотивы, восходящие к творчеству Э. Т. А. Гофмана – одного из ключевых представителей немецкого романтизма.

В литературоведении рецепция (от лат. *receptio* ‘восприятие’) означает использование и переработку элементов одного произведения в другом. Это может быть осознанное или неосознанное заимствование мотивов, образов, стиля или идей [1, с. 210]. С рецепцией связано понятие интертекстуальности – идеи о том, что каждый текст включает в себя отсылки к другим. О природе интертекстуальности писали Ю. Кристева, М. Бахтин, Р. Барт, Г. Жене и др. Интертекстуальность может проявляться как цитата (прямое заимствование), аллюзия (скрытая отсылка), реминисценция (узнаваемый мотив или образ), пародия (ироническая переработка) [2, с. 12].

Рассмотрим параллели между романом «Парфюмер» (1985) и новеллой Гофмана «Мадемуазель фон Скудери» (*Das Fräulein von Scuderi*), появившейся в 1819 году, в которой автор впервые в немецкой литературе соединяет элементы психологической прозы, мистицизма и криминального жанра.

Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776 – 1822) – один из важнейших представителей немецкого романтизма. Его новелла «*Das Fräulein von Scuderi*» объединяет криминальный сюжет с философскими размышлениями о природе гениальности и зла. В центре повествования находится знаменитый в Париже ювелир, Рене Кардильяк (*René Cardillac*). Днём он творит шедевры, а ночью убивает своих клиентов, чтобы вернуть украшения. Гофман исследует конфликт между искусством и моралью, формируя образ гения-преступника.

Главный герой романа «Парфюмер» П. Зюскинда Жан-Батист Гренуй (*Jean-Baptiste Grenouille*), наделён абсолютным обонянием и убивает девушек, чтобы создать совершенный аромат. Зюскинд также обращается к образу романтического гения-преступника, убивающего ради искусства, здесь очевидны отсылки к гофмановскому Рене Кардильяку. Эти произведения объединяют такие мотивы, как преступление, искусство, гениальность и двойственность человеческой природы. При этом в интерпретации Зюскинда эти мотивы получают новое, постмодернистское звучание, демонстрируя трансформацию эстетических и моральных ориентиров.

Оба персонажа в произведениях – талантливые творцы. У Гофмана Рене Кардильяк – гениальный ремесленник, одержимый собственными произведениями. Днём он искусный ювелир, ночью – жестокий маньяк. Он не может расстаться с созданными им работами и убивает своих клиентов, чтобы вернуть драгоценности: «*Es war eine wütende Leidenschaft, ein unaufhaltsamer innerer Drang, der mich zu diesen Taten trieb*» [3, с. 47]. Его действия продиктованы не алчностью, а болезненной привязанностью к искусству, что делает его ярким примером романтического образа преступника-гения [4]. Гренуй у Зюскинда – гениальный парфюмер, но его образ существенно более мрачный. Он антигуманен, асоциален и внутренне пуст. Его талант граничит с демонизмом: «Вся жизнь главного героя «Парфюмера» подчинена запахам и его цели – создать вожделенный аромат. Он одержим своей работой. Гений одинок и независим, ведь его талант – важная ценность» [5, с. 63]. Таким образом, если фигура художника у Гофмана ещё связана с моральными категориями, то у Зюскинда она полностью выходит за пределы этики, гениальность оправдывает все, даже чудовищное: «*Nun schien es ihm, als habe er endlich erkannt, wer er in Wirklichkeit war: nämlich ein Genie...*» [6, с. 259]. Гренуй убивает девушек не из садистских побуждений, а с целью извлечь их уникальный аромат: «*Er wiederholte nur, dass er diese Mädchen brauchte und deshalb töten musste*» [6, с 238]. В отличие от Гофмана, Зюскинд демонстрирует более холодное, отчуждённое отношение к преступлениям: Гренуй не переживает внутреннего конфликта, он руководствуется не страстью, а абсолютным

расчётом. У Зюскинда моральная дилемма отсутствует: Гренуй действует в мире, где мораль – лишь условность. Он изначально лишён эмоциональной эмпатии и не рассматривает свои действия как преступление в человеческом смысле: «*Er empfand keine Schuld, keine Reue. Ihn interessierte nur der Duft*» [6, с. 240].

Мотив двойничества, столь характерный для произведений Э. Т. А. Гофмана (днем – допрорядочный ювелир, ночью – убийца), становится ключевым и в немецком постмодернистском романе: гофмановские двойники, воплощающие раздвоение личности и кризис идентичности, трансформируются в постмодернизме в сложные игровые конструкции, где границы между «я» и «другим» намеренно размываются. Двойничество Гренуя проявляется в социальных масках, которые Гренуй на протяжении сюжета меняет. Уродливый Жан Батист, лишенный представления о социальных нормах, легко получает все необходимое для продвижения к своей мечте [4, с. 113].

У обоих авторов местом действия служит Париж – город контрастов, где изысканность соседствует с пороком. У Гофмана Париж – город политической власти и культурного блеска, но также кулиса тёмных заговоров и преступлений. Пространство города символизирует двойственность эпохи, когда рука об руку идут разум и суеверие, культура и жестокость: «*In der Tat schien Paris sich in jenen Tagen in ein großes, von Mörfern und Dieben bewohntes Haus verwandelt zu haben*» [3, с. 24]. У Зюскинда Париж представлен как гниющий организм, зловонный, переполненный массами людей, равнодушный к страданиям: «*In den Städten jener Zeit stank es zum Himmel...*» [6, с. 5], «*Paris stank. Es stank wie ein fauler Kadaver...*» [6, с. 6]. В двух произведениях город становится не просто фоном, а активным элементом атмосферы безразличия, в котором может спокойно существовать антигерой вроде Гренуя.

Итак, сравнение романа «Парфюмер» и новеллы «Мадемуазель де Скудери» показало наличие перекличек с художественным миром Гофмана в тексте Зюскинда. Специфика рецепции гофмановских элементов показывает, как изменился мир литературы, она отражает разницу между романтическим XIX веком с его моральными поисками и XX веком, где искусство может быть полностью отделено от нравственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Махлин, В. Л. Что такое «Рецепция» (к истории понятия) / В. Л. Махлин // Вестник культурологии. – 2016. – № 1 (76). – С. 208–210.
2. Курылёва, Л. А. Интертекстуальность как прием построения текста / Л. А. Курылёва, И. А. Шаповалова // Вологдинские чтения. – 2008. – № 66. – С. 11–13.
3. Hoffmann, E. T. A. Das Fräulein von Scuderi / E. T. A. Hoffmann // Werke in sechs Bänden. – Bd. 2. – Frankfurt am Main : Deutscher Klassiker Verlag, 2001.

4. Королёва, В. В. «Гофмановский комплекс» в романе П. Зюскинда «Парфюмер» / В. В. Королёва, А. Р. Притомская // Вестник КГУ. – 2023. – № 1. – С. 110–114.
5. Аникеева, Е. А. Интертекстуальные игры Патрика Зюскинда: «Парфюмер» как «роман о художнике» / Е. А. Аникеева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – № 2. – С. 62–67.
6. Süskind, P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders / P. Süskind. – Zürich : Diogenes, 1985.

К содержанию

А. Д. ЗИНОВЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. Н. Дягель

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ РОМАНА ВОСПИТАНИЯ В РОМАНЕ З. ЛЕНЦА «УРОК НЕМЕЦКОГО»

Роман воспитания является довольно популярным в немецкой литературе. В произведениях этого жанра рассказывается о процессе духовного и личностного становления героя, его духовном, моральном и социальном развитии [1]. Немецкий роман воспитания объединяет в себе философскую глубину, внимание к внутреннему миру героя и социальную значимость. Он отражает путь к гармоничному развитию личности, показывая противоречия между индивидуальностью и требованиями общества. Особое место в произведениях этого жанра занимает роль искусства и культуры в формировании личности. Эти особенности делают немецкий роман воспитания одним из самых значительных явлений в истории мировой литературы.

Структура классического романа воспитания часто делится на три части: «юные годы – годы странствий – годы мастерства». Однако не все произведения следуют этой трёхчастной схеме. В ряде случаев герой изначально противоречит своему окружению, сталкиваясь с непониманием и отторжением со стороны общества. Несмотря на юность, наивность и стремление к идеалам, он вынужден взаимодействовать с суровой реальностью, что стимулирует его внутренний рост. Сложные отношения с окружающим миром становятся движущей силой развития героя. Он проходит путь через конкретные жизненные переживания, которые заставляют его взросльеть и меняться. В результате герой достигает ясности в понимании себя и своего места в мире [2].

Ещё одной важной особенностью жанра являются рефлексия и воспоминания, которые помогают разделить этапы развития героя и

завершить каждый из них. Через эти элементы раскрывается процесс формирования личности, который часто строится по принципу диалектической триады: тезис – антитезис – синтез. Герой сталкивается с различными мировоззрениями, принимает участие в философских размышлении и конфликтах, что способствует его трансформации [3].

Роман Зигфрида Ленца «Урок немецкого» является ярким примером немецкого романа воспитания. При этом, несмотря на то что роман содержит ряд специфических черт этого жанра, он также демонстрирует значительные отклонения от традиционной модели. В данной статье будет рассмотрена специфика реализации элементов этого жанра в романе «Урок немецкого», а также показано, как автор видоизменяет классическую схему, чтобы передать социально-нравственные и философские идеи своего времени.

«Урок немецкого» – история трудного подростка Зигги Йепсена. Действие романа разворачивается в двух временных рамках: в 1950-х годах, когда главный герой находится в специальном учреждении для несовершеннолетних, а также в 1940-х годах, во время Второй мировой войны. В исправительном заведении Зигги получает задание написать сочинение на тему «Радость исполненного долга», так Зигги начинает вспоминать о событиях прошлого, участниками которых был он сам, а также его отец и друг отца, художник. Все начинается в 1943 году, когда Зигги было десять лет. В том году его отец получил приказ проследить за соблюдением запрета на рисование, наложенного на художника Макса Людвига Нансена, поскольку его картины не соответствовали нацистскому мировоззрению. Йепсен-старший просит своего сына шпионить за Нансеном, чтобы проследить за соблюдением запрета. В то время как Йонс Йепсен маниакально следит за соблюдением запрета на рисование, Зигги хочет защитить художника, который продолжает рисовать.

В традиционном романе воспитания развитие героя прослеживается от рождения до взрослой жизни. В «Уроке немецкого» З. Ленц нарушает эту модель: повествование ведётся ретроспективно. Роман начинается с момента зрелости, а затем следует в обратном хронологическом порядке, возвращаясь к детству героя. Герой погружается в воспоминания, реконструируя этапы своего становления: «*Freiwillig zurückgekehrt hinter die Gitter meiner Vergangenheit*» [4, с. 193]. Весь роман написан как размышление взрослого Зигги Йепсена о событиях его детства: «*Wenn ich das Nötige dazunehme, das Entbehrliche weglassen, wenn ich mich zurückersetze, dann lässt es sich nur so weitererzählen*» [4, с. 216]. Такая организация текста придает роману рефлексивный характер.

Также в традиционном романе воспитания главный герой перемещается из одного места в другое. Путь героя – важный композиционный прием

романа воспитания, организующий текст. У Ленца же место действия в романе ограничено деревней, что противоречит классическим нормам жанра. Развитие Зигги происходит не через физические перемещения, а через внутреннюю работу над собой, попытки вспомнить и проанализировать свое прошлое. Так, герой часто стоит перед выбором: следовать своему отцу либо выбрать свои личные убеждения. В одном из эпизодов романа Зигги, несмотря на желание присоединиться к отцу, выбирает свой путь – спасти и восстановить уничтоженную картину: «*Ich folgte ihnen nicht, obwohl ich ihnen diesmal gern gefolgt wäre. In meinem Schoß lagen die Fetzen des Bildes, die ich jetzt behutsam unter den Pullover schob*» [4, с. 177]. Развитие героя происходит через рефлексию и принятие ответственности за действия взрослых. В конце романа Зигги чувствует, что вина отца теперь и его вина тоже: «*Ich bin stellvertretend hier für meinen Alten, den Polizeiposten Rugbüll*» [4, с 432].

В романе «Урок немецкого» большое внимание уделяется внутренним переживаниям главного героя, его мыслям. Весь роман представляет собой размышление взрослого Зигги о событиях его юности, что придаёт произведению глубоко рефлексивный характер. Постоянное обращение к собственным воспоминаниям и чувствам показывает его склонность к самоанализу, что характерно для героя романа-воспитания. Его размышления о прошлом показывают, как он анализирует свой опыт и делает выводы: «*Schließlich schaffte es die verdamte Kerze, sie ließ mich fragen und überlegen: Wer bist du? Wohin willst du? Was ist dein Ziel? und so weiter*» [4, с. 338]. Таким образом, развитие героя выражено в воспоминаниях, что делает роман более психологическим и придает ему философскую глубину.

В классическом романе воспитания герой сталкивается с различными наставниками, которые помогают ему осознать свои ошибки и найти правильный путь. У Зигги в романе два наставника: отец Йенс Йепсен и художник Макс Нансен. Они разрывают главного героя на части своими совершенно противоположными жизненными ценностями и установками. Отец олицетворяет в романе слепое подчинение власти, даже если это противоречат чувствам: «*Das Malverbot is in Berlin beschlossen, das hab ich mir nich ausgedacht, und auch die Beschlagnahme der Bilder is in Berlin verfügt worden*» [4, с. 101]. Художник Нансен, символизирующий свободу выбора и нравственный поступок, предлагает альтернативное понимание долга, основанное на совести и человечности. Он отстаивает свою свободу творчества, несмотря на запреты: «*Gegen unerwünschte Bilder hat es noch nie einen Schutz gegeben, nicht nur Verbannen, auch nicht durch Blendung, und wenn sie die Hände abhacken ließen, hat man eben mit dem Mund gemalt*» [4, с. 34].

Конфликты являются неотъемлемой частью романа воспитания. Герой часто сталкивается с противоречиями между своими идеалами и суровой действительностью. Конфликт вокруг долга является основной проблемой романа «Урок немецкого», которая развивается на протяжении всего романа. Один из конфликтов Зигги – это конфликт между желанием свободы и чувством долга. Он отказывается от побега с другими заключёнными, потому что считает своим долгом завершить штрафную работу: «*Ich kann meine Strafarbeit nicht im Stich lassen, noch nicht*» [4, с.154]. В романе выражен также внутренний конфликт Зигги между страхом перед отцом и желанием помочь художнику. Мальчик боится, что отец обнаружит спрятанную под свитером картину художника, но при этом испытывает непреодолимое желание помочь: «*Ich hatte Angst, dass mein Vater das Bild unter meinem Pullover entdecken könnte*» [4, с. 223].

В традиционном романе воспитания главный герой всегда извлекает какой-то моральный урок. В романе «Урок немецкого» поднимается острая социальная проблема – коллективная вина молодого поколения. Подростков, как и Зигги, объявляют трудновоспитуемыми, хотя истинные причины их отклонений лежат в нравственном кризисе старшего поколения. Ленц показывает, что проблема не в подростках, а в обществе, которое отказывается брать ответственность за последствия войны и нацизма: «*Schwer erziehbare Jugendliche: das haben sie uns angehängt vor Gericht, und hier wird es uns jeden Tag bescheinigt*» [4, с. 432]. Ленц переносит акцент на коллективную ответственность общества, ставя под сомнение право травмированного поколения воспитывать тех, кому предстоит жить с последствиями этой травмы. Моральный вопрос, который ставит перед читателем Ленц, – кто на самом деле нуждается в исправлении, молодежь или общество, – остается открытым: «*Warum gibt es nicht eine Insel und solche Gebäude für schwer erziehbare Alte*» [4, с. 432].

Многие романы воспитания содержат философские размышления о смысле жизни, свободе, долге и счастье. В романе «Урок немецкого» основной мотив – долг, который интерпретируется каждым персонажем по-разному. Отец Йепсен считает, что истинный долг – это беспрекословное выполнение приказов, даже после окончания войны: «*Ich hab für alles meine Anweisungen und darüber bin ich nich hinausgegangen*» [4, с. 101]. Художник Нансен, напротив, предлагает идею свободы выбора, ставя под сомнение слепое следование нормам: «*Pflicht, das ist für mich nur blinde Anmaßung*» [4, с. 166–167]. Это противопоставление двух моделей долга становится ключевой философской проблемой текста. В конце романа Зигги осознает, что подлинная свобода начинается не столько с сопротивления против системы, а с работы над собой и внутреннего развития: «*Ich hatte da etwas*

gelernt, hatte an mir selbst erfahren, was ich brauchte, um mit mir auszukommen» [4, с. 395].

Итак, мы видим, что роман З. Ленца «Урок немецкого» можно отнести к жанру романа воспитания, несмотря на значительные отклонения от классических норм, среди которых ретроспективная структура повествования, ограниченное пространство действия, противопоставление двух нравственных ориентиров, а также философские размышления, выходящие за рамки проблематики развития отдельной личности, например, через попытки показать, как новое поколение сталкивается с последствиями нацистского прошлого и пытается найти свой путь, З. Ленц поднимает фундаментальные вопросы о долге, ответственности и свободе личности. Роман «Урок немецкого» сохраняет основную идею жанра романа воспитания, переплетая судьбу главного героя с исторической памятью общества и моральной ответственностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Duden. – URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Bildungsroman> (дата обращения: 10.03.2025).
2. Selbmann, R. Der deutsche Bildungsroman / R. Selbmann. – URL: <https://deliteratur.wordpress.com/2010/06/16/bildungsroman/> (дата обращения: 15.04.2025).
3. Пашигорев, В. Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII–XX веков / В. Н. Пашигорев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1993. – 142 с
4. Lenz, S. Die Deutschstunde / S. Lenz. – Hamburg : Hoffmann und Campe Verlag, 1968. – 449 S.

К содержанию

А. Э. МЕЛКОНЯН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

ПСИХОЛОГИЗМ В РОМАНЕ К. ИСИГУРО «НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ»

Антиутопия представляет собой вымышленное футуристичное общество, где репрессивный контроль над гражданами, а также иллюзия идеального порядка достигаются за счет бюрократических, технологических, идеологических и тоталитарных методов [1].

В классических антиутопиях (например, «1984» Дж. Оруэлла, «Мы» Е. Замятиня, «О дивный новый мир» О. Хаксли) большое внимание уделяется таким аспектам, как тоталитарный режим, общественный контроль, подавление индивидуальности и свободы. Если в таких

произведениях присутствует любовь, то она, как правило, является поводом для противостояния системе или подчеркивания ее жестокости.

Например, в «1984» любовь Уинстона и Джулли показана как акт сопротивления существующей системе, где даже мысль о любви считается «мыслепреступлением». Они сознательно нарушили запрет, даже если сопротивление было обречено на провал. Поэтому их связь можно назвать не любовью, а политическим жестом.

В современной литературе авторы переосмысливают жанр антиутопии, формируя поджанр «эмоциональная антиутопия», где ключевую роль играют внутренние переживания героев. Благодаря психологической составляющей роман Кадзую Исигуро «Не отпускай меня» является примером антиутопии, которая отличается от классических произведений этого жанра [2].

Действие романа происходит в альтернативной реальности в Великобритании, в 90-х годах XX века. С первых страниц романа читатель знакомится с главной героиней данной истории девушкой по имени Кэти Х. Она является воспитанницей Хейлшема – закрытой школы-интерната и, как и другие воспитанники этой школы, Кэти создана искусственным путем, чтобы в будущем стать донором органов.

Другие главные герои тоже являются клонами. На протяжении всего романа нам представляют их как обычных людей, но в конце читатель узнает, что никто, кроме бывших учителей Хейлшема, не воспринимает их таковыми, а скорее испытывают страх по отношению к ним. Во всем мире клоны нужны лишь в качестве доноров.

В романе Исигуро, в отличие от других, идет смещение фокуса с внешнего на внутреннее. Тема взаимоотношений и чувств главных героев становится основой сюжета, а антиутопический элемент служит для усиления драмы.

Одной из причин является акцент на воспоминаниях героев. В мире, где клонам отведена лишь роль доноров органов, они пытаются осмысливать свое существование через анализ своего прошлого. Герои вспоминают, как они любили, дружили, мечтали о будущем, и это помогает им осознать, кто они есть на самом деле. Кэти вспоминает себя, как завязалась ее дружба с Рут, как они с Томми полюбили друг друга. Таким образом, Кэти проводит контраст между прошлым, где она и ее друзья жили беззаботной жизнью, и жестокой реальностью сегодняшнего дня.

Для читателя эта часть жизни главной героини особенно важна. Через прошлое мы знакомимся с персонажами и видим, как они проходят путь к осознанию себя как личности, что в трагические моменты помогает понять всю степень безысходности.

Так, в поисках своей идентичности Рут отправилась в Норфолк, чтобы встретить свое «возможное я» (оригинал, с которого был скопирован клон). Для Рут найти свое «я» означает понять, кем она могла стать, если бы родилась обычным человеком. Она задается вопросом «кто я?». Момент осознания, что женщина не является ее оригиналом, символизирует крушение надежд и иллюзий.

Кроме воспоминаний, психологизм романа выражается в подробном описании эмоций героев. Именно эмоции становятся центром повествования. Исигуро не делает акцент на технических деталях будущего, он не погружает нас в политику этого мира, однако акцент на чувствах главных героев сохраняется на протяжении всего повествования. Более того, в романе не показаны попытки пойти против системы, а весь трагизм произведения основан на изображении чувств.

Когда главные герои осознают, что не смогут прожить долго, поскольку у них очень рано начинают забирать органы, им остается лишь смириться со своей судьбой, и любовь им в этом помогает.

Любовь в романе не становится актом протеста против правил. Герои принимают свою судьбу такой, какая она есть, однако она становится источником утешения и помогает принять неизбежное. Их эмоции – это не оружие против системы, а способ осмыслить свою жизнь в условиях, которые они не могут изменить. Любовь – это все, что у них остается в мире, где их тела им не принадлежат. Все трое друзей к концу романа умирают, однако умирают они счастливыми, что, однако, делает их историю ещё более трагичной.

Ещё одним проявлением психологизма выступает раскрытие темы искусства, склонность к которому питают герои произведения. Искусство в романе представляется как попытка оставить след. Детей поощряют заниматься искусством в надежде доказать, что у клонов есть душа. Рисунки, стихи, эссе действуют как показатель индивидуальности. Вместе с тем все попытки сделать это оказались тщетными. Искусство не спасает, оно лишь показывает, насколько абсурдна система изображаемого мира, так как даже при наличии таланта герои оказываются лишь объектами потребления.

Анализируя роман Кадзую Исигуро «Не отпускай меня», можно увидеть, как автор переосмысливает традиционные черты антиутопического жанра. В отличие от классических антиутопий, где основное внимание уделяется внешнему контролю, политическим репрессиям и борьбе с системой, в произведении Исигуро акцент переносится на внутренний мир героев, их эмоции, воспоминания и стремление к самопознанию. Главные герои – клонированные люди, обречённые стать донорами органов – не пытаются противостоять системе. Их трагедия заключается не в активном сопротивлении, а в осознании собственной беспомощности и принятия

неизбежного. Любовь, дружба и память становятся для них главными смыслами жизни, помогающими сохранить человечность в бесчеловечных условиях.

Таким образом, роман представляет собой пример так называемой «эмоциональной антиутопии», где социальный контекст служит фоном для глубокого психологического исследования. Через призму чувств и переживаний героев читатель осознаёт масштаб безысходности и моральной проблемы: что значит быть человеком, когда общество отказывается видеть в тебе личность? Искусство в романе выступает символом попытки оставить след в этом мире, подтвердить своё право на существование и индивидуальность. Однако даже талант и творчество оказываются бессильны перед лицом системы, воспринимающей клонов лишь как объекты использования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шишкина, С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке монография / С. Г. Шишкина. – Иваново : Иван. гос. хим.-технол. ун-т, 2009. – 230 с.
2. Ishiguro, K. Never let me go / K. Ishiguro. – URL: www.kkoworld.com/kitablar/Kazuo_Isiguro_Meni_hech_vaxt_buraxma-eng.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

К содержанию

К. Р. ПИЛИПЕНКО

Брест, БГРУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ АНТИВОЕННОГО ПАФОСА В РОМАНЕ П. БАРКЕР «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Первая мировая война была испытанием для всего человечества. Большое количество произведений, посвященных ее событиям и последствиям, были опубликованы авторами различных стран. Роман П. Баркер «Возрождение» является ярким примером передачи психологизма, погружающего читателя в сложный внутренний мир героев на фоне событий Первой мировой войны.

Особенностью романа является выбранное автором место событий – психиатрическая больница Крейглокхарт. Именно там происходят центральные события романа. Герои произведения теперь находятся вдали от эпицентра военных событий, однако, будучи в тишине, они страдают от болезненных воспоминаний. Противоречия между сознанием героев и

окружающей реальностью усиливают осознание трагизма ситуации. Действие в романе начинается с рассказа о вызвавшем общественный резонанс обращении английского поэта Зигфрида Сассуна к английскому парламенту с Декларацией «своевольного неповиновения», в котором он отказывается от участия в боевых действиях и выражает протест против войны. Его признают психически нестабильным, и он попадает в лечебное заведение. Там Сассун знакомится с доктором Риверсом и пациентами. Сюжет романа построен на взаимодействии главных героев в больнице, где, с одной стороны, разворачиваются внешние действия и происходит смена событий. С другой стороны, внимание читателя постоянно обращается на явные изменения внутренней составляющей психологии персонажей.

Столкновение ожиданий с реальностью ложится в основу тематической сложности данного произведения, которое раскрывает влияние войны на самосознание человека и описывает внутренние трансформации личности. На примере героев показано прорабатывание посттравматического синдрома, являющегося результатом полученных в ходе сражений психических расстройств, которые сопровождались различными по симптоматике процессами, осложнениями, физическими и душевными проявлениями.

Одним из способов выражения антивоенного пафоса в романе автор выбирает подробное описание страданий солдат. На первый план выходит физическое проявление психологической травмы, которое выражается в речевых отклонениях, немоте, параличе, ночных кошмарах, истощении, нервном тике, амнезии. Так, автор описывает солдата Бернса, чье тело буквально теряет человеческий вид: *«His body seemed to have become merely the skin-and-bone casing for a tormented alimentary canal»* [1, с. 19].

Война лишает индивида возможности быть просто человеком, навязывая ложный образ «сильного мужчины». Однако в романе показан глубокий кризис традиционных идеалов мужества в условиях войны. Пациент Хид в одном из разговоров с доктором Риверсом говорит: *«You know you're walking around with a mask on, and you desperately want to take it off and you can't because everybody else thinks it's your face»* [1, с. 242]. Врач Риверс сам неоднократно размышляет на подобные темы, например: *«They'd been trained to identify emotional repression, as the essence of manliness. Men who broke down, or cried, or admitted to feeling fear, were sissies, weaklings, failures. Not men»* [1, с. 48].

Поскольку психиатрическая больница Крейглокхарт является местом, не характерным для жанра военного романа, стоит отметить яркий контраст мира и войны (фронт и тыл), которые также являются выражением антивоенного настроения в книге. Пэт Баркер описывает войну как часть повседневной жизни солдат: окопные условия, трупы, дефицит личностного

пространства, быстрая смена событий, физическая работа. Смерть становится привычным явлением, что служит ярким свидетельством дегуманизации: «*Corpses were everywhere in the trenches. Used to strengthen parapets, to prop up sagging doorways, to fill in gaps in the duckboards*» [1 с. 173]. Это описание ярко и емко передает идею того, как война превращает тела людей в безликий, лишенный индивидуальности материал.

Война показана не через батальные сцены, а через травматический опыт пациентов, полученный в ходе военных действий. В романе она показана как состояние постоянного напряжения, где даже самые сильные мужчины ломаются под физическим и психологическим давлением. Сам Риверс в своих размышлениях отмечает: «*This reinforced Rivers's view that it was prolonged strain, immobility and helplessness that did the damage, and not the sudden shocks or bizarre horrors that the patients themselves were inclined to point to as the explanation for their condition*» [1, с. 222]. Многие солдаты в романе описывают свои травмы как следствия конкретных боевых событий, будь то жестокая сцена или отдельный эпизод насилия. Такая причинно-следственная связь кажется вполне логичной, однако доктор Риверс считает, что все проблемы со здоровьем носят накопительный эффект. Длительное нахождение человеческого организма в экстремальных для него условиях негативно сказывается в первую очередь на психике. Она перестает функционировать должным образом и дает сбой. При таком состоянии дополнительным фактором является беспомощность как осознание полного отсутствия контроля над ситуацией. Поэтому единственное возможное решение – делать то, что приказывает начальник.

Мирная обстановка госпиталя контрастирует с боевыми действиями, ее можно назвать иллюзией безопасности сроком в несколько месяцев. Внешняя стабильность, однако, сопряжена с внутренними переживаниями. Даже такие приятные мелочи, как удобная постель и чистое белье, становятся давно забытым удовольствием: «*It was still, after all these weeks, pure joy to go to bed in white sheets and know that he would wake*» [1, с. 44].

В госпитале у измощденных солдат появляется возможность отвлечься от своих страхов и переживаний. Примером служит эпизод, где два пациента косят траву: «*They stood leaning on the scythes, admiring their work, and then one of them dived into the cut grass, winnowing his way through it, obviously excited by it in the way dogs sometimes are. He lay on his back, panting*» [1, с. 98]. Такая деталь ярко иллюстрирует потребность людей в обычных привычных действиях, которых они были лишены на войне, и одновременно дает надежду на возрождение и эмоциональное обновление их психологического равновесия.

Солдат всегда чувствует давление травмирующего прошлого, независимо от того, где он находится. Чувство заботы и понимания на

короткое время оказывает терапевтическое действие, резко контрастируя с жесткими окопными буднями. Примером могут служить размышления Бернса: «*All the way back to the hospital Burns had kept asking himself why he was going back. Now, waking up to find Rivers sitting by his bed, unaware of being observed, tired and patient, he realized he'd come back for this*» [1, с. 40].

В романе «Возрождение» автор обращается к таким сложным и понятиям, как «героическое» и «травматическое». Героизм проявляется через духовное пробуждение личности, особенно в тех условиях, когда военная реальность усиливает трагичность происходящих событий. Эти события, будь то интимного, морального или философского характера, неизменно подчеркивают противостояние человека экстремальным обстоятельствам. Трагическое же выражается в утрате базовых гуманистических ценностей – человеческой жизни, личной или национальной свободы [2, с. 11].

В романе автор демонстрирует неустойчивость героического идеала перед лицом реальных ужасов войны. Независимо от положения, возраста и личных качеств, герой надевает форму и вместе с этим берет на себя обязательство соответствовать навязанной ему роли. Героическое и травматическое – двойственные понятия. Требование быть эталоном мужества и самоотверженность не отвечают реальности, а сам опыт войны несет в себе разрушительные последствия для психики солдат. Пациент Грейвс в одном из разговоров с Риверсом сказал: «*The way I see it, when you put the uniform on, in effect you sign a contract. And you don't back out of a contract merely because you've changed your mind*» [1, с. 23].

Таким образом, антивоенный пафос романа П. Баркер «Возрождение» раскрывается через трагический, героический и психологический модусы. Подробное описание страданий, разрушение иллюзии героизма, контраст мирной и военной жизни убедительно передают негативное отношение к войне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Barker, P. Regeneration / P. Barker. – London : Penguin Books, 1992. – 252 p.
2. Курыпка, М. А. Гераічны і трагічны модусы мастацкасці ў сучасным рамане пра другую сусветную вайну ў англійскай і беларускай літаратурах (кан. XX – пач. XXI ст.) аўтарэф. канд. філал. навук : 10.02.19 / Курыпка Мікалай Алегавіч; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2022. – 23 с.

К содержанию

М. Б. СУЛТАНОВА

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Е. В. Алимпиева

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ В РОМАНЕ К. ИСИГУРО
«NEVER LET ME GO»**

Роман Кадзую Исигуро «Never Let Me Go» [1] представляет собой глубокую психологическую антиутопию, рассказалую от лица Кэти Х. – одной из воспитанниц закрытой школы-интерната Хейлшем. Особенность этого произведения заключается в том, что оно описывает не классическую тоталитарную систему, а более изощренную форму социального контроля, где жертвы добровольно принимают свою участь. Главные герои – Кэти, Томми и Рут – постепенно осознают, что являются клонами, созданными исключительно для донорства органов, но вместо бунта демонстрируют удивительную покорность судьбе.

К. Исигуро мастерски исследует фундаментальные вопросы человеческого существования через призму этой необычной предпосылки. Что делает нас людьми? Чем отличается искусственно созданная жизнь от естественной? Где границы человечности? Автор намеренно избегает прямых ответов, предлагая читателю самому размышлять над этими дilemmами. Повествование ведется в форме воспоминаний Кэти, что создает эффект ностальгической грусти и придает особую достоверность рассказу.

Важнейшей особенностью романа является отсутствие традиционного для антиутопий сопротивления системе. Герои принимают свою судьбу с поразительным смирением, что делает произведение особенно пронзительным. Их покорность – не слабость, а следствие тщательно продуманной системы воспитания в Хейлшеме, где детям с ранних лет прививали чувство предназначения. Даже искусство, которое в других обстоятельствах могло бы стать формой протеста, здесь превращается в инструмент доказательства своей «человечности».

«Never Let Me Go» – это не столько фантастика о клонировании, сколько тонкое философское исследование природы человеческой души, памяти как основы идентичности и этических границ научного прогресса. Роман заставляет задуматься о ценности каждой жизни и о том, что действительно делает нас людьми. Именно эта глубина и эмоциональная сила обеспечили произведению место среди важнейших литературных антиутопий современности.

Роман К. Исиgуро «Never Let Me Go» представляет собой уникальный пример того, как языковые средства становятся инструментом передачи глубинных философских концептов. Автор мастерски использует различные уровни языка – лексический, синтаксический, стилистический – для создания многомерного смыслового пространства, в котором каждый элемент работает на раскрытие ключевых идей произведения.

Метафоры создают в романе мощный пласт символических значений. Образы вроде *we were shadows* ‘мы были тенями’ или *memory is a river* ‘память – это река’ превращают конкретную историю в универсальную притчу о человеческом существовании. Метафоры выполняют двойную функцию: с одной стороны, они маскируют жестокую реальность мира клонов, с другой – обнажают её суть через поэтические аналогии. Особенно значимы метафоры утраты и текучести, которые подчеркивают хрупкость человеческой идентичности.

Эпитеты придают повествованию особую эмоциональную глубину. Определения вроде *vague memory* ‘смутное воспоминание’ или *bittersweet nostalgia* ‘горько-сладкая ностальгия’ не просто описывают, а передают качество переживаний героев. Важно отметить, что большинство эпитетов в романе имеют меланхолическую или неопределенную окраску, что соответствует общей атмосфере постепенного угасания и потери.

Олицетворения оживляют пространство Хейлшема, превращая его в самостоятельного участника событий. Когда *the wind whispered our names* ‘ветер шепчет имена героев’, а *the fence watched us* ‘ограда наблюдает за ними’, мир романа приобретает черты одушевленного существа. Этот прием усиливает трагическое одиночество персонажей – даже природа кажется им более чуткой, чем окружающие люди.

Относительно редкие гиперболы используются К. Исиgуро сдержанно. Преувеличения вроде *we waited for an eternity* ‘мы ждали вечность’ или *the silence could crush you* ‘тишина могла раздавить’ подчеркивают абсурдность и гнетущую атмосферу мира, в котором живут герои. Примечательно, что даже гиперболы в романе носят скорее интровертный, чем экспрессивный характер.

Роман балансирует между конкретным и абстрактным, между ясностью и туманностью. Преобладание метафор и эпитетов над другими приемами формирует особую поэтику воспоминания – когда детали всплывают фрагментарно, а общее настроение важнее точных фактов. Это полностью соответствует основной теме произведения – хрупкости человеческой памяти и идентичности в мире, где люди стали расходным материалом.

Стилистический выбор К. Исиgуро оказывается глубоко содержательным. Метафоричность языка отражает попытку героев осмысливать свою судьбу через символы и аналогии. Эпитеты передают

субъективность их восприятия. Олицетворения показывают, как они наделяют человеческими чертами окружающий мир в поисках понимания. А скрупульезно использованные гиперболы обнажают абсурд их положения.

В заключение следует отметить, что лексическая система романа «Never Let Me Go» представляет собой тщательно организованную структуру, где каждый элемент служит для выражения ключевых концептуальных смыслов. Через специфический подбор лексики К. Ишигуру удается создать мир, в котором ужас становится обыденностью, а человечность сохраняется в самых бесчеловечных условиях. Это делает роман не только выдающимся литературным произведением, но и ценным материалом для лингвистического и когнитивного анализа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ishiguro, K. Never Let Me Go / K. Ishiguro. – London : Faber and Faber, 2005. – 304 p.
2. Шуралев, А. М. Лингвокультурологический анализ художественного текста : монография / А. М. Шуралев. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 284 с.
3. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с.

К содержанию

К. С. ЧИРИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. Н. Дягель

ХРОНОТОП ЭМИГРАНТСКОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Э. М. РЕМАРКА «НОЧЬ В ЛИССАБОНЕ»)

В художественном мире произведения пространственная и времененная организация образуют неразрывную связь, определяя ключевые аспекты повествования: формирование мировоззрения героев, их поступки, развитие и деградацию и другие значимые элементы. М. М. Бахтин ввёл для обозначения этой взаимосвязи термин «хронотоп» («время–пространство»), который для него имеет существенное значение: «можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, – причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [1, с. 234–235]. Литературовед также связывал хронотоп с сюжетным движением, считая его основой событийности произведения и мотивов, которые он называл хронотопичными. Среди них могут быть встреча и разлука, поиск и обретение и многое другое.

Для эмигрантского романа характерна особая структура пространственно-временной организации. Пространство романа выстраивается и оценивается из перспективы героя-эмигранта, в соответствии с ценностными и мировоззренческими ориентирами эмигрантской картины мира [2]. В таком случае пространство эмиграции структурировано как путь с «остановками» или же «зонами», которые в произведении связаны со временем (настоящее, прошлое и будущее) и противопоставлены друг другу: «темной (центральной) зоне соответствует прошлое, периферийным кольцам – настоящее, окраине – будущее» [3]. Такой путь создаёт контраст между идеализированной утраченной родиной и враждебным новым миром, что подчёркивает травму изгнания.

Как и во многих эмигрантских романах, в произведении Э. М. Ремарка «Ночь в Лиссабоне» пространство и время образуют неразрывное единство, определяемое как «хронотоп». Исходной точкой эмиграции героя романа, Йозефа Шварца, стал город Оsnабрюк в Германии, его родина. Поскольку пространство неотделимо от времени, Оsnабрюк символизирует прошлое, а также тёмную зону произведения, где герой испытывал тяжёлые переживания. Отторжение Шварцем политики национал-социалистов в Германии мы видим в цитате: «*Kraken gibt es hier nicht. Sie gibt es nur in Deutschland, seit 1933*» [4, с. 184]. Для достижения конечного пункта эмиграции – Америки – Йозеф Шварц проходит так называемый путь эмигранта, включающий пересечение границ. Данный путь формирует кольцеобразную структуру пространства, где центр – это Оsnабрюк, периферийные кольца – Австрия, Швейцария, Испания, Франция и Португалия, а окраина – Америка.

Роман Ремарка описывает довольно нетипичный случай эмиграции: хотя Йозеф Шварц покинул Германию ещё в самом начале смены политического режима, он, получив чужой паспорт, решает вернуться. Таким образом, он дважды проходит через эмиграцию. В романе периферийным странам соответствует настоящее, в таком случае мы можем говорить, что временной план повествования преимущественно сосредоточен на настоящем и встречается чаще, чем прошлое и будущее.

Для Йозефа второй эмигрантский путь начался в Париже после обретения чужого паспорта. Продвигаясь через швейцарскую и австрийскую границы, Йозеф попадает в центр эмигрантского пути, так называемую «тёмную зону», наполненную постоянной угрозой. В этом опасном пространстве героя охватывает лишь один страх – быть схваченным. Ярким примером служит описание Оsnабрюка, куда прибывает Йозеф. Описывается мрачный, окутанный туманом город, который вызывает осознание неминуемой опасности: *Es war dümmerig und*

feucht wie nach einem Regen, ich sah keine Landschaft mehr, alles in mir bebte auf einmal, und ich wusste, dass ich von jetzt an in großer Gefahr war [4, с. 51].

Однако по мере отдаления от эпицентра эмигрантского пути ситуация меняется. Главные герои обретают чувство безопасности и даже счастья, где прошлое для них становится лишь зеркалом, отражающим их: *Gift der Zeit schien auch bei ihr verdampft zu sein, als Helen die Grenze überschritt. Die Vergangenheit gehörte jetzt zu uns, aber wir nicht mehr zu ihr; statt des drückenden Bildes der Jahre, das sie sonst darstellt, hatte sie sich gedreht und war jetzt ein Spiegel, der nichts mehr spiegelte als uns, ohne Bindung an sie* [4, с. 171–172]. Хотя угроза полностью не исчезает, страх быть пойманным уходит, а восприятие жизни обостряется: *Das erhöhte Lebensgefühl durch die Gegenwart der Gefahr. Ausgezeichnet, solange die Gefahr nur den Horizont belebt* [4, с. 170].

Судьба Йозефа и Хелен в эмиграции не была безоблачной. Оказавшись во Франции накануне войны, они были задержаны как эмигранты, которые могли иметь связь с фашистами. Таким образом Хелен и Йозеф попали в разные французские лагеря. После побега из лагерей главным героям удалось обосноваться в Марселе, который на тот момент считался последним убежищем эмигрантов. Однако их бегство продолжается: причиной стал приезд гестаповцев в Марсель и вынужденное убийство Йозефом Георга, что позволило завладеть его документами и автомобилем для побега в Испанию, а затем в Португалию, откуда у главных героев появляется возможность добраться до финальной точки эмигрантского пути – Америки. На границе с Испанией к Йозефу приходит осознание, что все пути открываются только преступникам: *man muss ein Mörder sein, dachte ich bitter, um geehrt zu werden* [4, с. 360]. Даже достигнув относительно безопасного Лиссабона с возможностью отплытия в Америку, он не ощущал облегчения – Хелен была смертельно больна. Важным моментом также является то, что главные герои так и не достигают конечной точки эмиграции – Америки. С этой целью другие эмигранты используют их документы, которые Йозеф отдал в благодарность за то, что его историю выслушали.

Проведённый анализ пространственно-временной организации романа позволяет выявить четкую хронотопическую структуру, где каждое место неразрывно связано со временем (настоящее, прошлое, будущее). Таким образом, исходным и наиболее травматичным местом выступает Оsnабрюк, олицетворяющий враждебное пространство прошлого. Далее путь персонажей пролегает через швейцарские города Цюрих и Тессин, представляющие этапы вынужденного бегства. Особую роль играет французский город Марсель как место судьбоносного поворота сюжета. Последующие остановки включают в себя маленький испанский городок и

португальский Лиссабон. Конечной целью эмигрантского пути, которую главные герои так и не достигают становится Америка. Эти города и страны показывают путь героев от опасности к относительной безопасности, но настоящего спасения они так и не находят.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с
2. Поршнева, А. С. Образ Америки в поздних эмигрантских романах Э. М. Ремарка / А. С. Поршнева // Мировая литература в контексте культуры. – 2011. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-ameriki-v-pozdnih-emigrantskih-romanah-e-m-remarka> (дата обращения: 25.05.2025).
3. Поршнева, А. С. О роли времени в хронотопе немецкого эмигрантского романа / А. С. Поршнева // Мировая литература в контексте культуры. – 2017. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-roli-vremeni-v-hronotope-nemetskogo-emigrantskogo-romana> (дата обращения: 25.05.2025).
4. Ремарк, Э. М. Ночь в Лиссабоне / Э. М. Ремарк. – СПб. : КАРО, 2023. – 384 с.

К содержанию

Е. А. ШЕПЕТЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ ДЖОНА БРЕЙНА «ПУТЬ НАВЕРХ»: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

В британской литературе середины XX века значимую роль играет направление «рассерженных молодых людей», представители которого стремились художественными средствами выразить фрустрацию, вызванную классовой инерцией, социальной стагнацией и утратой нравственных ориентиров в условиях послевоенного мира. Роман Джона Брейна «Путь наверх» стал важной репрезентацией культурного и морального сдвига, характерного для британского общества 1950-х годов. На фоне стремления к социальной мобильности и отказа от викторианских моральных норм возникает фигура главного героя – Джо Лэмптона, чьё внутреннее развитие неразрывно связано с его отношениями с двумя женскими персонажами: Сьюзен Браун и Элис Эйсгилл. Женские образы в тексте не сводятся к романтическому фону, а выполняют функцию ценностных координат, в рамках которых происходит моральный выбор и формирование самоидентичности героя.

Методологически данное исследование опирается на принципы полилогического анализа, а также элементы социокультурной герменевтики, предполагающей изучение художественного текста в связи с историческим, классовым и моральным контекстом. Женские образы анализируются как социокультурные конструкции, презентирующие две конкурирующие идеологические модели в переходную эпоху: нормативную, ориентированную на общественное признание и адаптацию, и аутентичную, основанную на личной честности и внутренней свободе.

Сьюзен Браун, представительница буржуазной среды, выступает как архетип социального порядка. Её мировоззрение сформировано в духе стабильности, респектабельности и предсказуемости. Через отношения с ней герой оказывается вовлечён в систему общественных ожиданий, где успех определяется степенью интеграции в нормы, диктуемые господствующим классом. Сьюзен воплощает идеал так называемого «успешного брака» – союза, который одновременно служит инструментом карьерного роста и социальной легитимации. В глазах Лэмптона она становится не просто возлюбленной, а «социальным проектом», реализация которого означает принятие всей иерархии ценностей, присущих среднему классу. Однако со временем герой начинает ощущать отчуждение, порождённое необходимостью соответствовать чужим нормам. Он осознаёт, что личная свобода и эмоциональная подлинность несовместимы с внешней респектабельностью. Именно в этом контексте звучит его признание: «Я разрушил то, что было настоящим, ради того, что могло быть выгодным» [1, с. 130].

Фигура Элис Эйсгилл, напротив, является художественным воплощением альтернативного нравственного пути. Вне зависимости от социального одобрения, она отстаивает ценности личностной зрелости, эмоциональной открытости и независимости от классовых стереотипов. Элис – женщина, уже пережившая потери и внутренние кризисы, и именно поэтому она способна к подлинному диалогу и сочувствию. Её отношения с Джо изначально строятся на доверии и эмоциональной искренности, а не на расчёте или стремлении к статусу. Это позволяет интерпретировать Элис как нравственный контрапункт Сьюзен – она не предлагает герою внешнего успеха, но предоставляет возможность быть собой, без социальной маски. Такая трактовка перекликается с концепцией «ценностной свободы» в герменевтической традиции: «честность требует уязвимости».

Динамика внутреннего конфликта Джо Лэмптона разворачивается как отражение более широкого социокультурного кризиса, связанного с переходом от патриархального общества к индивидуалистской модели морали. Его выбор между Элис и Сьюзен – это не только любовная драма, но и этический выбор между двумя парадигмами: одна требует адаптации,

компромисса, подчинения ожиданиям, другая – честности, но с риском социального отторжения. Именно в таком контексте женские персонажи обретают роль моральных ориентиров и «экранов», через которые можно считывать трансформацию мировоззрения героя.

Анализируя художественные функции женских образов, следует отметить их символическую нагрузку. Сьюзен олицетворяет нормативную женственность послевоенной эпохи, где женская роль сводится к гарантии социальной стабильности. Элис – фигура аутсайдера, которая, однако, ближе к гуманистическому идеалу. Дж. Брейн тем самым противопоставляет «благополучие» и «подлинность» как несовместимые категории. В свете этого роман может быть прочитан как критика социума, в котором социальная мобильность достигается ценой духовного банкротства. Так, как подчёркивает исследователь М. В. Бурсина, «...продвижение героя вверх по социальной лестнице оборачивается утратой личности и превращением в социальную функцию» [2, с. 72].

Контекст 1950-х годов в Великобритании способствует критической направленности романа. Послевоенное общество столкнулось с разрушением старых социальных и гендерных ролей, что вызвало кризис идентичности у молодого поколения. Именно это и нашло отражение в фигуре Джо Лэмптона, символизирующей поколение, не способное ни полностью отказаться от прошлого, ни безболезненно адаптироваться к новому. Женские персонажи в этом контексте играют роль носителей противоположных идеологий: одна укоренена в конформизме, другая – в личностной непостижимости. Столкновение этих моделей обнажает противоречивость эпохи, требующей от человека одновременно индивидуальности и лояльности, самостоятельности и социальной приспособленности.

Из этого вытекает, что женские образы в романе «Путь наверх» не просто второстепенные фигуры, а сложные символы ценностной ориентации, задающие этические векторы развития героя. Они структурируют пространство текста и определяют рамки морального выбора, в который вовлечён главный герой. Через конфликт между двумя типами женской идентичности Дж. Брейн демонстрирует, насколько сложно сохранить внутреннюю целостность в условиях давления со стороны социальных шаблонов. Женские персонажи не только отражают социокультурные реалии эпохи, но и становятся средствами критического осмысления этих реалий самим автором.

Роман Джона Брейна, рассматриваемый сквозь призму женских образов, предстает как текст, в котором экзистенциальная драма личности раскрывается на фоне классовых и гендерных трансформаций. Его ценность заключается в том, что он не только фиксирует конфликт эпохи, но и задаёт

вопросы, актуальные для любого времени: возможно ли достижение успеха без утраты себя и можно ли сохранить личную честность в мире, построенном на компромиссе? Женские фигуры Сьюзен и Элис становятся в этом смысле нравственными вехами пути героя, чьё восхождение оказывается трагически сопряжено с духовным падением. Именно через эти образы автор формулирует ключевое послание текста: истинная победа заключается не во внешнем успехе, а в способности сохранить внутреннюю подлинность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брейн, Дж. Путь наверх / Дж. Брейн. – М. : АСТ, 2010. – 320 с.
2. Бурсина, М. В. Пикареские мотивы в произведениях «рассерженных молодых людей» / М. В. Бурсина // Культурология. – 2021. – № 3. – С. 52–59.

К содержанию

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Б. Е. ГОЛОДУХИН

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Мартынюк

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ НА ФОНЕТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИДИОЛЕКТА (НА ПРИМЕРЕ БРАЙАНА МОЛКО)

На произношение оказывают влияние различные факторы, начиная с анатомических, которые при аномалиях строения речевого аппарата могут повлечь за собой даже возникновение дефектов речи, и заканчивая социокультурными – традиции, образование и социальный статус также оставляют значительный след. Но, пожалуй, ключевой фактор – это заложенная в детстве норма – то, что ребёнок слышал в процессе своего взросления и то, чему изначально пытался подражать.

Интересным примером для рассмотрения влияния окружения на произношение является солист британской рок-группы «Placebo» Брайан Молко, отец которого – американец франко-итальянского происхождения, а мать родом из Шотландии. Кроме того, значительную часть своего детства артист провёл в путешествиях по Европе, что также могло повлиять на его произношение в связи с большой наслушанностью различных региональных акцентов. Поэтому целью данной статьи является выявление каких-либо отклонений от стандартного английского произношения, которые могли проявиться у музыканта в связи с его насыщенной биографией.

Поскольку Брайан проживает в Лондоне, и группа «Placebo» позиционирует себя как британская, эталоном для этой статьи выбран стандартный вариант британского произношения – Received Pronunciation (далее – RP). Однако, что невозможно не заметить даже при первом прослушивании практически любой из песен группы богатое наследие отца Молко – многочисленные характерные черты американского английского даже затмевают характерные черты британского.

В первую очередь стоит отметить ротичность. В отличие от RP, где звук [r] произносится только перед гласными, у Брайана на американский манер он произносится в любой позиции: [fɔ:r] вместо [fɔ:]. Другой устоявшейся особенностью американского английского, которая присутствует у Брайана, является отсутствие так называемого *trap-bath split*: тогда как в RP слова *trap* и *bath* произносятся с разной корневой гласной – [træp] и [ba:θ], в стандартном американском акценте этой разницы нет – [træp] и [bæθ].

[1, с. 35]. Ещё одним ключевым свойством американского акцента является *t-flapping*. Это означает, что звук [t] в интервокальной позиции становится альвеолярным одноударным согласным [ɾ]: *matter* произносится как [ˈmæɾər] вместо [ˈmætər]. У Молко этот феномен присутствует, однако с исключениями. В песне «The Bitter End», где в припеве слово *bitter* употребляется четырежды, Брайан выбирает пропеть его на британский манер – [ˈbitər]. В данном случае это может быть связано с тем, что произведение записано в достаточно агрессивном стиле, а при выражении эмоции гнева артикуляция музыкальных артистов становится более точной, а произносимые звуки – более различимыми в связи с большей подвижностью артикуляционного аппарата, а также аспирация становится более ярко выраженной [2, с. 637]. Также стоит упомянуть феномен *father-bother merger* [1, с. 169], характерный для стандартного американского акцента и для произношения Молко, при котором слова *father* и *bother* произносятся с одинаковой корневой гласной – /a:/, в то время как в британском это [fa:ðə], но [bvaðə], а также во многом связанный с этим пунктом феномен *lot-cloth split*, описывающий явление, при котором слова *lot* и *cloth* произносятся с разными гласными – [la:t], но [klɔ:θ]. В британском же варианте такое различие отсутствует и оба слова произносятся со звуком [ɒ]. Кроме того, стоит обратить внимание на специфическое американское произношение звукосочетания *nt* в интервокальной позиции как звонкий альвеолярный носовой одноударный согласный [ɾ]. Таким образом *twenty* в исполнении Брайана звучит как [ˈtweɾɪ]. И, подводя итог по характерным американским чертам произношения, также стоит упомянуть несколько слов, произношение которых различается в General American и Received Pronunciation, не попадая под какое-либо правило, и которые Брайан, опять же, произносит по-американски: *erase* ([ɪ'reɪs] вместо британского [ɪ'reɪz]), *been* ([bɪ:n] вместо [bi:n]), а также *behind*, которое он произносит как [bə 'haɪnd] вместо более типичного британскому акценту [bɪ 'haɪnd].

Что касается характерных черт британского произношения, они у Молко также присутствуют, хотя и в значительно меньшем количестве. Для начала стоит упомянуть типично британское произношение дифтонга /əʊ/, который в американском английском звучит более “плоско” – /oʊ/. Другой же специфической британской особенностью является использование гортанной смычки [?] в конечных позициях слов вместо звука [t]. В США подобное является редкостью, а вот у Брайана вполне себе встречается: *meet* – [mi:?).

Говоря о матери Молко, имеющей шотландское происхождение, и о влиянии этого факта на произношение артиста, сперва стоит отметить, что такая ранее упомянутая черта американского английского, как ротичность

присуща также и шотландскому произношению [3, с. 56], поэтому не проявиться она у Брайана просто не могла. Что до более специфических особенностей шотландского акцента, у Молко они отсутствуют, хотя присутствуют некоторые нерегулярные моменты, которые могут быть с этим связаны. Например, в шотландском английском присутствует тенденция на монофтонгизацию [3, с. 59]. Таким образом *time* может произноситься как [ta:m], *house* как [hʊs], *go* как [go]. У Брайана это всё же исключение, а не правило, но тем не менее присутствующее – в произведении «*Hugz*» слово *myself* он произносит как [mə 'self] либо [ma: 'self] в зависимости от степени акцентуации, в отличие от стандартного [mai 'self]. В другом произведении – «*Chemtrails*» – подобное происходит с трифтонгами, которые сокращаются до дифтонгов: *psychiatrist* звучит как [sə 'kaitrist] вместо привычного [saɪ 'kaitrist], а *violent* как ['vailənt] вместо ['vaɪələnt]. Однако имеет место быть и обратная ситуация, при которой дифтонгоид [i:], расположенный перед веляризованным латеральным аппроксимантом [ɫ] (Dark-L) дифтонгизируется и начинает звучать как [i:ə]. Этот феномен зафиксирован в некотором числе акцентов, но не в Received Pronunciation и не в General American, однако присутствует в Scottish English [3, с. 59], и связан он с тем, что дифтонгизированную версию в данном сочетании звуков банально проще произнести. У Брайана это снова лишь исключение, но в произведении “*Beautiful James*” присутствует наглядный пример этого явления: *battlefield* звучит как [bætl 'fi:əld], а *wheel* – как [wi:əɫ]. В конкретном примере это также может быть следствием желания создать больший драматический эффект, что в музыкальных произведениях само по себе является достаточной причиной для дифтонгизации гласных.

Таким образом, основу произношения Молко составляет околостандартный американский акцент, что первостепенно связано с американским происхождением его отца, а также, вероятно, с потреблением Брайаном американского контента. Однако его проживание в Лондоне также оставило свой след в его речи в виде некоторых специфически британских фонетических явлений, а шотландское происхождение его матери, вероятно, повлияло на возникновение периодически встречающихся у музыканта особенностей, свойственных шотландскому акценту. Говоря же про путешествия юного Брайана по Европе, можно сделать вывод, что они, в свою очередь, не оказали столь заметного влияния на манеру речи артиста.

На основе вышеперечисленного можно сделать заключение о том, что одним из решающих факторов, формирующих акцент, в действительности является окружение, а в особенности – семья и устоявшиеся в ней паттерны

произношения, а также долгое проживание в одном месте, что влечёт за собой перенимание характерных черт регионального произношения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Labov, W. *Atlas of North American English: Phonetics, Phonology and Sound Change* / W. Labov, S. Ash, C. Boberg. – New York : Mouton de Gruyter, 2006. – 318 p.
2. Juslin, P. *Music and Emotion* / P. Juslin, J. Sloboda. // *Psychology of Music* / ed. D. Deutsch. – 3rd ed. – San Diego : Elsevier Academic Press, 2013. – Chap. 15. – P. 583–645.
3. Stuart-Smith, J. *Scottish English: Phonology* / J. Stuart-Smith // *A Handbook of Varieties of English* : Vol. 1 / ed. B. Kortmann, E. W. Schneider. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. – Vol. 1. – P. 47–68.

К содержанию

А. В. ДАВИДЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. А. Мартынюк

BRAINROT-VIDEO КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В нынешних условиях информатизации современное поколение обучающихся характеризуется повышенными требованиями к образовательным технологиям. Современные студенты и школьники, воспитанные в эпоху цифровизации, демонстрируют иные когнитивные паттерны восприятия информации, что обусловлено активным использованием мультимедийных ресурсов и клиповым мышлением. В связи с этим традиционные методики преподавания лингвистических явлений требуют адаптации к новым реалиям (например, использования инновационных мотивационных инструментов).

Одним из таких инструментов являются так называемые *brainrot-video* (‘разложение мозга’). Это короткие, насыщенные визуальными и аудиальными стимулами видеоролики, как принято считать, характеризующиеся отсутствием содержательной ценности и слабо выраженной развлекательной функцией [1].

Данный контент имеет множество форм и может варьироваться от бессвязных монтажных нарезок с навязчивыми аудиодорожками до обыкновенных квизов на время с элементами мем-культуры, в том числе материала, созданного искусственным интеллектом, что соответствует предпочтениям цифрового поколения.

Несмотря на распространённое восприятие *brainrot-video* как низкокачественного контента с деструктивным влиянием на когнитивные функции, современные педагогические исследования предлагают пересмотреть его потенциал в образовательном контексте, в частности при изучении фразовых глаголов английского языка. Данный формат, обладающий высокой степенью виральности и соответствием паттернам внимания цифровых поколений (поколений «Зет» и «Альфа»), может быть использован в качестве эффективного инструмента микрообучения. Такой пересмотр базируется на ряде ключевых факторов.

В первую очередь, это преимущества короткого формата: TikTok основан на коротких, легкоусвоемых видео, которые идеально соответствуют особенностям современного восприятия информации. Эти компактные порции знаний делают процесс обучения менее напряжённым и более доступным, особенно для тех, кто лучше воспринимает визуальный контент [2]. Таким образом, краткий формат видео позволяет эффективно фокусироваться на конкретных грамматических конструкциях, включая фразовые глаголы, обеспечивая их быстрое запоминание без перегрузки когнитивных ресурсов.

Кроме того, TikTok открывает доступ к живому, естественному языку – региональным акцентам, идиоматическим оборотам и современному сленгу, которые редко встречаются в традиционных учебных пособиях. Эта платформа создаёт уникальную образовательную среду, где учащиеся погружаются в реальные языковые ситуации, органично расширяя словарный запас, совершенствуя восприятие на слух и оттачивая произношение благодаря лаконичному, но систематически повторяющемуся контенту [3]. Соответственно, частый повтор языковых конструкций в аутентичном контексте способствует их неосознанному усвоению и долговременному закреплению в памяти за счёт активации механизмов имплицитного обучения и формирования устойчивых нейронных связей.

Неоспоримым преимуществом является и то, что языковая игра обеспечивает активное взаимодействие с текстовым материалом. При столкновении с намеренно ошибочными грамматическими формами в юмористическом контексте, учащиеся развиваются способность анализировать язык через сравнение неправильных и правильных вариантов. Этот эффект достигается за счет когнитивного механизма контрастного выделения –намеренное противопоставление ошибочных и нормативных языковых форм в юмористическом контексте усиливает их перцептивную заметность. Особенно эффективно это работает с фразовыми глаголами английского языка (например, намеренное искажение ‘*give up*’ → ‘*give down*’ в мемах), где юмористический контраст подчеркивает

неразделимость частицы и глагола, контекстуальную уместность их употребления, а также семантические нюансы. В результате активизируются процессы металингвистического осознания, что способствует более глубокой обработке и долговременному усвоению как грамматических правил, так и специфики фразовых глаголов. Такой подход соответствует принципам эмоционально-позитивного обучения («*positive psychology in SLA*»), где юмор выступает катализатором когнитивных процессов [4].

Важно также отметить, что эмоционально значимые переживания – особенно те, что вызывают удивление, любопытство или веселье – активизируют выброс дофамина в гиппокампе. Цепь миндалина-гиппокамп помечает такую информацию как приоритетную для запоминания. Таким образом усиливается синаптическая пластичность и консолидация долговременной памяти. Это объясняет, почему абсурдный или юмористический контент (например, мемы с неожиданными сопоставлениями) запоминается лучше нейтральной информации [5]. Следовательно, данный нейробиологический механизм может быть эффективно использован для запоминания лексических и грамматических конструкций английского языка.

Наконец, данный инструмент позволяет создать комфортную среду обучения. Игровая среда снижает тревожность при изучении языка, предоставляя возможности для практики без риска осуждения. Развлекательный контент (например, мемы с грамматическими задачами) также развивает внутреннюю мотивацию, представляя грамматическую точность как инструмент социального взаимодействия, а не набор абстрактных правил.

Таким образом, несмотря на стереотипы, интеграция brainrot-видео в образовательный процесс соответствует требованиям современных образовательных реалий. Короткий формат, виральность и эмоциональная насыщенность таких роликов способствуют микрообучению, снижая когнитивную нагрузку и усиливая запоминание через юмор, контраст и дофаминовую активацию. В то время использование игровых элементов и абсурдных сопоставлений не только создаёт комфортную образовательную среду, но и развивает металингвистическое мышление, что открывает новые пути для эффективного и мотивированного освоения языковых навыков, трансформируя развлечение в инструмент познания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Explain this brainrot content: как работает новый тренд в соцсетях // Т-Ж. – URL: <https://t-j.ru/explain-this-brainrot-content/> (дата обращения: 17.05.2025).

2. TikTok as an educational tool: a study on the impact of microlearning / R. S. Al-Maroof, K. Ayoubi, K. Alhumaid [et al.] // International Journal of Data and Network Science. – 2021. – Vol. 5, iss. 3. – P. 197–214.
3. Kay, R. Short-Form Videos and Informal Language Learning / R. Kay. – London : Palgrave Macmillan, 2022. – 210 p.
4. Bell, N. D. Humor in the classroom: a guide for language teachers and educational researchers / N. D. Bell, A. Pomerantz // Iranian Journal of Language Teaching Research – 2017. – Vol. 5, iss. 47. – P. 137–140.
5. Immordino-Yang, M. H. Emotions, Learning, and the Brain / M. H. Immordino-Yang. – New York : W.W. Norton, 2016. – 208 p.
6. Reinhardt, J. Gameful second and foreign language teaching and learning / J. Reinhardt. – London : Palgrave Macmillan, 2019. – 298 p.

К содержанию

А. В. КАРПОВА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. Я. Дмитрачкова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ

Традиционные «объяснительные» методы в освоении иностранного языка и культуры, основанные на пассивном восприятии информации, в современном образовательном процессе уступают место подходам, ориентированным на практическое применение знаний. Это особенно важно для старших школьников, которые готовятся к интеграции в глобальную коммуникационную среду и должны владеть не только языковыми навыками, но и культурной компетентностью [1].

Актуальность деятельностного подхода в обучении объясняется рядом факторов, отражающих современные требования к образовательному процессу.

- Активное вовлечение учащихся – познавательная активность является важным условием успешного усвоения знаний. Чем больше учащийся включён в процесс обучения, тем выше вероятность того, что он сможет применить знания на практике.

- Развитие критического и аналитического мышления – проектная и исследовательская деятельность стимулируют способность анализировать информацию, продумывать альтернативные решения и делать осознанные выводы.

- Формирование коммуникативных навыков – работа в группе, участие в дискуссиях и имитация реальных ситуаций общения (ролевые игры)

способствуют формированию умений эффективно взаимодействовать с носителями иностранной культуры, повышая уверенность учащихся в межкультурной коммуникации.

- Объединение теории и практики – обучение через деятельность позволяет учащимся применять полученные знания, умения и навыки (ЗУН) на практике, что в дальнейшем способствует их успешной интеграции в профессиональную среду.

- Развитие социокультурной компетентности – изучение иностранного языка требует не только освоения грамматических норм, но и понимания культурного контекста. Знакомство с традициями, ценностями, нормами поведения, фольклором и историческими событиями позволяет учащимся формировать целостное представление о языковой картине мира изучаемой страны.

- Повышение мотивации к обучению – активные методы работы усиливают интерес учащихся, стимулируют мотивацию и создают условия для более глубокого освоения материала [1].

Таким образом, деятельностный подход не только способствует комплексному развитию учащихся, формируя их знания, навыки практического применения языка, критическое мышление и социокультурную адаптацию, но и остаётся особенно востребованным в современном образовательном процессе. В условиях глобализации и стремительного технологического прогресса его значимость будет лишь возрастать, побуждая образовательные учреждения к внедрению инновационных методов и форм обучения, ориентированных на активное вовлечение учащихся и подготовку их к эффективному взаимодействию в динамично меняющемся мире.

Дискуссии, проекты, ролевые игры, практические занятия и другие интерактивные методы являются основными формами работы на уроке.

Не менее значимым является использование интерактивных технологий в образовательном процессе. Современные онлайн-платформы, различные мобильные приложения и социальные сети открывают новые возможности для изучения иностранного языка. Учащиеся имеют возможность самостоятельно общаться с носителями языка и получать доступ к разнообразным образовательным ресурсам.

При этом не следует забывать об использовании лингвострановедческого материала в процессе обучения иностранным языкам.

С точки зрения методической целесообразности на уроках английского языка принято использовать малые формы фольклора. Использование такого материала на уроках английского языка может существенно разнообразить процесс обучения, сделать его более увлекательным и продуктивным. Ниже приведены примеры их эффективного применения:

1. Фонетическая разминка

Перед началом занятия можно использовать скороговорки для отработки произношения и интонации. Например: «*Peter Piper picked a peck of pickled peppers*». Это поможет учащимся улучшить артикуляцию, ритм речи и интонацию, а также подготовить речевой аппарат перед основной частью урока.

2. Изучение лексики

Пословицы и поговорки могут быть использованы для освоения новых слов и выражений, а также для развития логического мышления. Например, можно предложить учащимся сопоставить английские пословицы с их русскими аналогами или объяснить их смысл:

The early bird catches the worm. – Кто рано встает, тому Бог подает.

A penny for your thoughts. – О чем ты задумался?

Practice makes perfect. – Повторение – мать учения.

3. Грамматические упражнения

Пословицы часто содержат устойчивые грамматические конструкции, которые можно использовать в упражнениях. Например, изучая условные предложения, можно предложить учащимся разобрать пословицы:

If you snooze, you lose.

If you want peace, prepare for war.

4. Развитие умений письменной речи

Учащиеся пишут краткое эссе на одну из тем, где необходимо использовать английские пословицы. Темы для эссе:

«Успех приходит к тем, кто действует» (*Fortune favors the bold.*)

«Значение дружбы в жизни человека» (*A friend in need is a friend indeed.*)

«Почему важно планировать будущее» (*Look before you leap.*)

5. Дискуссии и дебаты

Обучающиеся разделяются на две группы, каждая из которых должна аргументировать свою точку зрения, используя английские пословицы и поговорки. Пример темы:

«Деньги решают всё» (*Money makes the world go round.*) – одна группа поддерживает, другая опровергает.

«Лучше быть счастливым, чем богатым» (*Happiness is better than wealth.*) – аргументируют обе стороны.

6. Творческое задание

Учащиеся создают короткие сценки или мини-фильмы, где они используют одну или несколько английских поговорок в контексте реальной ситуации. Пример:

Honesty is the best policy – ученик опаздывает и решает сказать правду.

Better late than never – забавная сценка о том, как опоздавший человек неожиданно спасает ситуацию.

Таким образом, обучение старших школьников иностранному языку и культуре требует системного подхода, который включает использование современных технологий. Это способствует формированию у учащихся целостного восприятия языка как инструмента межкультурного общения и понимания культурных особенностей различных стран.

Применение аутентичных материалов в образовательном процессе делает учащихся активными участниками обучения, развивает их критическое мышление, коммуникативные навыки и способность к командной работе. Это позволяет им эффективно применять полученные знания в реальных жизненных ситуациях.

В результате освоение иностранного языка становится не просто способом общения, но и значимым фактором развития уважения к культурному разнообразию, воспитания толерантности и формирования открытого мировоззрения. Такой подход помогает учащимся адаптироваться к современным условиям глобального взаимодействия и успешной социализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова, А. А. Деятельностный подход в обучении иностранным языкам / А. А. Петрова // Журнал педагогических исследований. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 45–60.
2. Учебная программа по учебному предмету «Иностранный язык» (английский, немецкий, французский, испанский, китайский) для 9 класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания (базовый и повышенный уровни) – URL: https://adu.by › 2023/08 › in_yaz › up-in-yaz-9-rus (дата обращения: 26.03.2025).

К содержанию

А. А. ЛАЗАРЬ

Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы
Научный руководитель – О. В. Ларина

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИГРОВЫХ ПЛАТФОРМ (DUOLINGO, КАНООТ!, QUIZLET)

В условиях цифровизации образования геймификация, понимаемая как интеграция игровых механизмов в учебный процесс, становится значимым фактором повышения интереса обучающихся к изучению нового материала. Данный подход особенно актуален для иностранных языков, где мотивация

играет одну из ключевых ролей в освоении коммуникативных навыков. Настоящий доклад посвящен анализу эффективности игровых обучающих платформ (Duolingo, Kahoot!, Quizlet) как инструментов, способствующих усилению мотивации при изучении английского языка.

Термин «геймификация» ввел Ник Пеллинг в 2002 году и использовал его для описания ускоренного взаимодействия с программными интерфейсами. Само же понятие вошло в обиход лишь в 2008 году и использовалось при привлечении клиентов в сферах продаж и маркетинга [1].

Любая игра содержит в себе мотивацию для участников. Это необходимо для того, чтобы игрок не остановил прохождение на одном из этапов. Перед ним должна стоять конкретная цель, которую необходимо достичь. Геймификация – это не просто использование игровой механики и элементов для повышения привлекательности обучения, но идея повышения вовлеченности учащихся, создания интерактивных условий обучения и достижения самостоятельности учащихся в обучении [2].

В контексте изучения английского языка геймифицированные платформы используют такие элементы, как: целенаправленные задания (освоение лексических единиц: *to communicate* ‘общаться’; *to fight* ‘драться, бороться’; *death* ‘смерть’ и т. д.); механизмы поощрения (баллы, виртуальные значки, уровни); обратная связь, позволяющая студентам оценивать свои успехи и неудачи; рейтинг участников даёт возможность определить лидеров и тех, кому требуется дополнительная помощь.

Данные механизмы придают динаминости процессу обучения, делают его гораздо более привлекательным для студентов, ориентированным на интерактивные технологии.

Duolingo представляет собой приложение, ориентированное на индивидуальное обучение. Оно предлагает структурированные уроки, охватывающие лексику, грамматику и фонетику, с использованием геймифицированных элементов: баллы за задания, ежедневные цели и виртуальные награды.

Kahoot! – это платформа для создания викторин, применяемая преимущественно в аудиторной работе. Её отличительной чертой является соревновательный формат, включающий таймеры и рейтинговые таблицы [3].

Исследования показывают, что использование геймификации в обучении, в том числе с помощью Kahoot!, повышает вовлеченность участников на 30-50 %.

Quizlet фокусируется на запоминании лексики посредством флеш-карт, тестов и игровых режимов. Платформа улучшает запоминание лексического материала по сравнению с традиционными методами, однако её мотивационный эффект во многом зависит от вовлеченности преподавателя в процесс обучения.

Каждая из рассмотренных платформ демонстрирует уникальные возможности для усиления мотивации при изучении английского языка. Duolingo подходит для самостоятельной работы, так как обеспечивает регулярность и последовательность обучения. Сильная сторона данного приложения – поддержание дисциплины через ежедневные напоминания и стремление сохранить *user's streak* ‘показатель того, насколько последовательно используется Duolingo. Серия начинается с нуля и увеличивается на единицу для первого урока, выполняемого пользователем каждый день.’. Kahoot! предлагает широкий спектр возможностей для геймификации командного обучения, создавая энергичную атмосферу благодаря соревновательному духу. Quizlet предоставляет интерактивные инструменты для изучения словарного запаса и грамматики, что делает её особенно полезной при обучении иностранным языкам.

Duolingo способствует формированию привычки к регулярному обучению, что особенно важно для студентов с низкой самодисциплиной. Kahoot!, напротив, усиливает интерес через социальное взаимодействие, максимальный эффект выражен в группах, где конкуренция воспринимается позитивно. Quizlet требует активного педагогического сопровождения, чтобы поддерживать интерес студентов к длительной работе с материалом.

Несмотря на очевидные преимущества, данные платформы имеют ряд недостатков и ограничений. Использование Duolingo требует высокой самоорганизации, что может быть затруднительно для студентов с насыщенным графиком. Kahoot! зависит от технической инфраструктуры, включая стабильный интернет и оборудование, а её соревновательный формат не всегда соответствует предпочтениям определённых учебных групп (сообщества, где ценится индивидуальная работа) [3]. Quizlet же имеет узкую специализацию на лексике, что снижает её эффективность без использования дополнительных методических подходов.

Для повышения результативности использования рассмотренных платформ целесообразно их комбинирование (Duolingo для регулярной практики вне аудитории, Kahoot! для активизации групповой работы и Quizlet для закрепления лексики).

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что геймификация является эффективным инструментом повышения мотивации учащихся. Данный подход может быть использован при изучении иностранных языков. Однако для достижения желаемого результата необходимо учесть особенности и потребности учебной группы. Предложенные игровые платформы (Duolingo, Kahoot! и Quizlet) вносят различный вклад в образовательный процесс, поэтому для максимальной эффективности стоит рассмотреть вариант их совместного использования в зависимости от этапа и целей

проводимого занятия. Игровой процесс вызывает у учащихся положительные эмоции вне зависимости от возраста, так как сама по себе игра ни к чему не принуждает, участники вступают в неё добровольно и рассматривают это как нечто свободное, увлекательное и завораживающее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Что такое геймификация? – URL: <https://antitreningi.ru/info/e-learning/chto-takoe-gemifikaciya/> (дата обращения: 17.05.2025).
2. Gamification in mobile-assisted language learning: A systematic review of Duolingo literature from public release of 2012 to early 2020. / M. Shortt, S. Tilak, I. Kuznetcova, B. Martens, B. Akinkuolie [et al.]. – Comput. Assist. Lang. Learn, 2021. – 38 p.
3. Wang, A. I. The effect of using Kahoot! for learning – A literature review / A. I. Wang, R. Tahir. – Computers & Education, 2020. – URL: https://www.researchgate.net/publication/338943272_The_effect_of_using_Kahoot_for_learning_-_A_literature_review. (дата обращения: 17.05.2025).

К содержанию

А. О. МАКАРОВА

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
Научный руководитель – Л. И. Бобылева

ДРАМАТИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОДХОДА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Современные тенденции в преподавании иностранных языков связаны с появлением новых средств, технологий и приёмов обучения. Это находит отражение не только в техническом и технологическом обновлении процесса обучения, но и в обращении к возможностям развития творческого потенциала учащихся.

Психологи едины в своём мнении относительно того, что то, что вызывает эмоциональное сопереживание, запоминается и осмысливается лучше, чем нейтральное. Вот почему преподаватель иностранного языка обязан активно вмешиваться в эмоциональную атмосферу урока и обеспечивать по возможности возникновение у обучаемых эмоциональных состояний, благоприятных для их учебной деятельности. Эмоциональность организации урока иностранного языка была положена в основу многих альтернативных методик. Использование нетрадиционных приёмов обучения помогает активному подключению эмоциональной сферы сознания как неиспользованного резерва развития творческих возможностей личности. В условиях реализации задач реформы

общеобразовательной и профессиональной школы учителя и методисты постоянно ищут резервы повышения качества и эффективности обучения иностранному языку. Одним из этих резервов, бесспорно, можно считать драматизацию [1, с. 60].

А. Дафф и А. Мейли определяли драматизацию [2, с. 3] как прием, позволяющий учащемуся проявить свою индивидуальность, создавая образ, и на котором должна базироваться часть уроков иностранного языка. Драматическая деятельность основывается на естественных способностях каждого человека имитировать, использовать мимику и выражаться посредством жестов, также на его воображении и памяти. Уроки называются драматическими, поскольку вызывают интерес своей непредсказуемостью и характеризуются возможностью для учащихся выразить свое понимание или отношение к происходящему. Драматизация позволяет учитывать возрастные особенности учащихся и их интересы; расширяет контекст деятельности, выступает как эффективное средство создания мотива к иноязычному диалогическому общению, способствует реализации деятельностного подхода в обучении иностранному языку, когда в центре внимания находится ученик со своими интересами и потребностями. Ситуации общения, моделируемые в драматизации, позволяют приблизить речевую деятельность на уроке к реальной коммуникации, дают возможность использовать язык как средство общения, актуализируя как вербальные, так и невербальные средства общения. Тем самым драматизация способствует реализации общего методического принципа коммуникативной направленности обучения иностранному языку. Драматизация обеспечивает общение на взрослом уровне, позволяет детям проявить инициативу и самостоятельность, реализует их стремление к самоутверждению. Её применение уже на начальной или средней ступени обучения способствует усилению мотивации к изучению иностранного языка и тем самым поддержанию её в следующих классах.

Драматизация позволяет приучить школьников к социальным нормам, правилам социально-речевого этикета, которые учитывают не только социальный ранг, но и возраст, пол, степень знакомства, характер взаимоотношений и многое другое [3, с. 104].

Использование элементов драматизации на уроке иностранного языка обеспечивает учащимся необходимую практику в социально адекватном поведении, обогащает опыт социально-психологических связей, позволяет им в определённой степени приобщаться к культуре страны изучаемого языка и в целом повышает мотивированность и эффективность учебно-речевой деятельности на уроках иностранного языка, перенося общение из формального в личностный план.

Инсценировки помогают закрепить и расширить изученную лексику, ненавязчиво и без монотонности отработать грамматический материал. Практика показывает [4], что в условиях эмоционального подъема, репетиций, праздника, публичного выступления фонетические, грамматические и лексические навыки усваиваются очень быстро иочно, используются более осознанно.

Как известно, добиться прочного усвоения лексико-грамматического материала возможно только путем многократного повторения языковых структур. Поэтому обращение к драматизации при активизации репродуктивных языковых навыков в процессе обучения иностранному языку мы считаем вполне целесообразным.

Таким образом, можно выделить следующие цели драматизации:

1. Повышение мотивации обучения.
2. Формирование коммуникативной компетенции. Такая форма обучения, как драматизация, позволяет достичь «единства слова, образа и действия».
3. Развитие личности ребенка, реализация его творческих способностей.
4. Дифференцированный и индивидуальный подход в обучении.
5. Интеграция в другие дисциплины: литературу, музыку, изобразительное искусство [5].

Драматизация как методический приём для обучения языку впервые была применена в Англии. Питер Слейд (1954) и Брайан Уэй (1967) считаются родоначальниками использования данного приёма в школе. Их идея драматизации как средства формирования творческой личности учащихся во многом повлияла на дальнейшее развитие методических теорий по использованию драматизации в процессе обучения. П. Слейд и Б. Уэй считали, что традиционные школьные упражнения разрушают непосредственность, индивидуальность и творчество детей. Их упражнения с использованием приёма драматизации направлены на развитие воображения и чувств учащихся, на использование ими жестов и мимики, а задания предполагают речевое взаимодействие партнёров в реальных коммуникативных ситуациях. Многие из этих заданий применяются и сегодня в качестве языковых и условно-речевых упражнений для создания атмосферы иноязычного общения или средства релаксации.

В 1979 году Гавином Болтоном и Дороти Хиткот была создана «школа Ньюкасла» (the Newcastle School), целью которой было обучение языку с использованием драматизации. Театр явился той формой искусства, которая послужила основой для создания импровизации совместными усилиями учащихся и учителя. Причём участие учителя в самом процессе драматизации давало ему возможность управлять процессом изнутри, а не просто давать инструкции учащимся.

Разработкой методики использования драматизации при обучении языку занимались также С. Холден (1981), А. Мали и А. Дафф (1978), Дж. Рэдфорд (1988), Э. Ибсен (1990), Б. Вагнер (1998) и др.

Нами были тщательно проанализированы некоторые концепции теории театра, его практических схем и приёмов (творческих и технических принципов В. Н. Немировича-Данченко, Ш. Дебюро, Ж. Вилара, В. Э. Мейерхольда, Е. Б. Вахтангова, А. И. Таирова, Б. Брехта, М. Марсо, Н. П. Охлопкова и др.), а также основные положения системы К. С. Станиславского. Последние включают такие категории как предлагаемые обстоятельства, физические действия, общение, эмоциональная память, воображение, сценическое внимание, темпо-ритм и т. д. Являясь научной теорией актёрского творчества, система К. С. Станиславского представляет собой последовательную цепь педагогических приёмов и навыков, позволяющих сознательно овладевать авторским словом, делать его активным, действенным, целенаправленным.

Изучение вышеуказанных работ привело к заключению, что их синтезирование в плане разработки организованной деятельности, создающей основу ситуативного обучения иностранному языку и инициирования речевой деятельности индивида на данном языке, отвечает современным требованиям и задачам. Методика, которая основывается на материале указанных театральных систем, концепций и творческих приёмов, исходит в своей основе из действий, строящихся на учёте детальных специфических характеристик иностранного и родного языков, ситуативном изучении семантического материала, коммуникативной направленности и использования теоретических и практических данных о соответствующих психологических категориях.

Театрализацией процесса обучения иностранному языку называют реализацию совокупности театральных, психологических, семиотических и лингвистических понятий и приёмов в процессе условной активной деятельности индивида в предлагаемых обстоятельствах, попутной и конечной целью которой является ситуативное и адекватное владение иностранным языком. Иными словами, театрализация ставит своей задачей создание иноязычных речевых действий у учащихся, отражающих реальную деятельность. Принципиально придерживаясь мнения, что «всякий акт речевой коммуникации является частью комплексного деятельностного акта», мы считаем, что театрализация может быть надёжной основой порождения иноязычного речевого действия в искусственной среде в целом и активизации изученного языкового материала в речи в частности [6, с. 92].

Основной методической задачей обучения иностранному языку в плане использования элементов театра должно быть обучение владению этим языком в трёх главных аспектах:

- компетенции (чутье языка);
- адекватности речевого отражения деятельности;
- спонтанности (ситуативности) владения.

Драматизация в обучении иностранному языку можно рассматривать как уникальный методический приём, способствующий как формированию языковых и речевых навыков, так и более глубокому пониманию других предметных областей, в частности, литературы и психологии. Можно выделить следующие преимущества этой технологии обучения. Использование драматизации в преподавании иностранного языка помогает:

- развивать социальное сознание;
- развивать лингвистическое сознание;
- диагностировать интересы и потребности обучаемых;
- стимулировать учащихся с разным языковым уровнем к использованию иностранного языка.

Применение драматизации развивает критическое и интуитивное мышление, служит средством стимуляции интеллектуального развития, улучшает качество речи за счёт увеличения длины предложений, использования разнообразных грамматических конструкций и расширения словарного запаса.

Использование социальных форм работы на занятиях, в частности драматизации, коренным образом влияет на динамику развития психологических характеристик обучаемых. Уменьшается психологический дискомфорт, напряжённость, скованность, исчезает страх как коммуникативный барьер.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемов, В. А. Психология обучения иностранным языкам / В. А. Артемов. – М. : Просвещение, 1969. – 279 с.
2. Maley, A. Drama techniques in language learning / A. Maley, A. Duff. – Moscow : Prosveshcheniye, 1981. – 95 р.
3. Денисова, Л. Г. Драматические игры для творческого этапа обучения / Л. Г. Денисова // Иностранные языки в школе. – 1990. – № 2. – С. 104.
4. Английский язык – URL: <http://www.english.ru/> (дата обращения: 15.05.25).
5. Центр раннего развития – URL: <http://www.yasam.ru/> (дата обращения: 15.05.25).
6. Современные направления в методике обучения иностранным языкам / И. Ф. Комков, Ю. Б. Борисов, Ю. И. Коваленко [и др.] ; под общ. ред. И.Ф. Комкова. – Минск : Выш. шк., 1970. – 92 с.

А. В. ОМЕЛЬКО

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. Л. Соколовская

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСА К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ

Всеобщее стремление изучать языки, как национальные, так и иностранные, проявляется в поиске самых быстрых, простых и эффективных методов их освоения. Возникает вопрос: существуют ли универсальные подходы, которые позволяют затрачивать минимальные усилия и при этом достигать удовлетворительных результатов? Одним из наиболее подходящих решений считается погружение в другой язык с раннего возраста.

Существует мнение, что некоторым людям знание двух языков досталось «бесплатно» [1, с. 1] благодаря тому, что они родились и выросли в семьях, где, например, родители с раннего детства общались с ними на разных языках. На первый взгляд, это кажется оптимальным решением: выучив один язык, человек может легко освоить ещё несколько. Некоторые родители убеждены, что нет предела количеству языков, которые может изучить ребенок. Они стараются внедрить несколько языков в повседневное общение с раннего детства и часто используют их одновременно при взаимодействии с детьми.

Известно, что если ребенок говорит дома на одном языке, но живет в окружении, где распространен другой язык, то со временем он, играя с детьми, говорящими на этом языке, посещая детский сад, а затем школу, где используется этот язык, начинает говорить на нем так же свободно, как и его сверстники [1, с. 3]. Этот пример и вызывает у родителей желание обучать своих детей иностранному языку как можно раньше. Вопрос заключается в том, как эффективнее и безопаснее для ребенка внедрить второй язык? Многие родители не задумываются об этом и просто доверяют обучение кому-то другому. Часто они выбирают дошкольное учреждение с обучением на втором языке или нанимают иноязычную няню и считают, что сделали все возможное для того, чтобы их ребенок стал многоязычным. Их чадо посещает разные занятия, но чуда не происходит, и малыш не начинает говорить на другом языке. Однако родители не прекращают говорить о преимуществах дошкольного возраста и продолжают обучать ребёнка.

В современном мире становится все более важным, на каком языке человек может слушать книги, писать и учиться в школе, а также количество языков, помимо родного, которые он изучает.

На протяжении разных эпох отношение к знанию иностранных языков претерпело значительные изменения [1, с. 4]. В XIX веке среди образованных людей Европы и России владение несколькими иностранными языками считалось нормой. Если о человеке говорили, что он знает 2–3 языка, это означало, что он не только свободно говорит на них, но и ознакомился с литературными произведениями, написанными на этих языках. Однако для большинства людей знание иностранных языков оставалось недоступной роскошью.

Ситуация в сельской местности была иной. Люди, владеющие разными языками, часто пересекались друг с другом. Например: жили в одной или соседних деревнях, работали на одной земле или просто соседствовали. В таких условиях общение было неизбежным: люди обменивались различными товарами, навещали друг друга, заключали браки. Чтобы взаимодействовать и удовлетворять свои коммуникативные потребности, крестьяне осваивали базовый словарный запас и заучивали фразы на языке своих соседей. Кроме того, крестьяне говорили на своих родных диалектах, а в церковноприходских школах обучались чтению на церковнославянском языке. Некоторые из них даже могли дойти до уровня литературного языка, чтобы читать художественные произведения.

Важно отметить, что различия между языками касались не только фонетики и стиля, но и грамматики. Языковое разнообразие существует не только благодаря «крупным» литературным языкам, но и за счет множества местных диалектов и языковых форм, которые обогащают культурное наследие.

В различных странах и регионах люди, говорящие на своих языках, вступают в контакт [1, с. 5], что приводит к заимствованию элементов одного языка из другого и образованию языковых разновидностей. Каждый язык имеет свои исторически сложившиеся диалекты и локальные варианты, включая языки, на которых говорят меньшинства.

Массовое обучение иностранным языкам начало распространяться вместе с развитием общедоступного образования в XX веке. Однако выдвигались различные аргументы за и против раннего изучения иностранных языков. Вопросы касались возможного негативного влияния изучения чужого языка на освоение родного, важности преподавания математики по сравнению с языками, полезности древних языков по сравнению с современными, а также соотношения чтения и говорения на иностранном языке и приоритета технических текстов над художественной литературой.

Только в последние десятилетия владение двумя-тремя иностранными языками стало для всех нормой. В настоящее время изучение иностранных языков является обязательной частью школьной программы во многих

странах мира. Возраст начала обучения второму языку продолжает снижаться, и тысячи детских садов уже внедрили основы изучения иностранных языков.

Научное исследование особенностей овладения вторым языком у детей началось в 1960-х годах. Были выдвинуты гипотезы об оптимальном возрасте для начала изучения второго языка, а также определены вероятные результаты такого обучения [1, с. 6]. Исследователи, такие как А. А. Миролюбов, Б. Спольски, Р. Фройденштайн и Х. Штерн, отмечали, что лучше всего начинать изучение второго языка в возрасте 5–8 лет, но не позже 11 лет. В настоящее время эти возрастные рамки больше не рассматриваются как строгие; считается, что изучение второго языка возможно в любом возрасте и даже базовые знания языка могут положительно влиять на развитие личности как в детстве, так и в пожилом возрасте. Главное условие – один из изучаемых языков должен быть развит на достаточно высоком уровне.

Тем не менее концепция оптимального возраста для начала обучения не исчезла полностью; она трансформировалась. Для каждого возраста, целей обучения и индивидуальных характеристик можно приблизительно определить тип обучения, который будет наиболее эффективен [1, с. 6]. Сегодня существуют международные организации, объединяющие ученых, занимающихся аспектами детского двуязычия и билингвального образования. Также издаются международные профессиональные журналы и функционируют многочисленные интернет-ресурсы, оказывающие помощь тем, кто желает изучать языки.

Формирование интереса к изучению иностранных языков в детском возрасте – это многогранный процесс, требующий внимания и креативного подхода со стороны педагогов и родителей. Кроме того, важно помнить о роли положительного примера: когда взрослые демонстрируют интерес к языкам и культуре, это вдохновляет детей на собственные достижения. Создание поддерживающей и вдохновляющей среды, где ошибки воспринимаются как часть обучения, поможет детям чувствовать себя уверенно и охотно исследовать новые языки. В конечном счете развитие интереса к иностранным языкам в раннем возрасте не только обогащает личный опыт детей, но и открывает перед ними новые горизонты в будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Протасова, Е. Ю. Двуязычие в детском возрасте. Основы работы с двуязычными детьми и методы обучения второму языку дошкольников: методическое пособие / Е. Ю. Протасова. – М. : М-ПАРК, 2024. – 128 с.

В. А. ХАЙБУЛИНА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. Я. Дмитрачкова

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Цифровизация современного общества распространяется на все сферы его жизнедеятельности, в том числе и на сферу образования. Прежде всего это касается внедрения информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ), онлайн-технологий включительно, в процесс языкового образования, обучения иностранному языку во всех типах учебных заведений. ИКТ как дистанционные образовательные технологии являются эффективным дополнением к традиционным формам обучения.

Известно, что использование ИКТ в процессе школьного обучения, в частности, способствует значительному обогащению арсенала методических средств и приемов учителя английского языка и вносит существенный вклад в возможность мотивировать и продуктивно организовать разнообразные формы самостоятельной деятельности обучающихся.

Остановимся на анализе возможностей ИКТ в онлайн-обучении. В качестве одного из инструментов организации онлайн-обучения выступает онлайн-доска, возможности использования которой в обучении сегодня являются предметом активного исследования [1, с. 56]. В практике преподавания используются несколько видов интерактивных досок. Одним из наиболее популярных видов интерактивных досок является **онлайн-доска *Miro*** (ранее называемая *RealtimeBoard*), доступ к которой производится посредством интернет-сети. Интерфейс сервиса *Miro* представлен на английском языке, что является плюсом в обучении данному языку. Пространство онлайн-доски *Miro* является бесконечным, но при этом можно быстро найти необходимый учебный материал.

Этот инструмент подойдет для групповой и удаленной работы в онлайн-обучении: можно добавлять заметки, записывать идеи или комментарии для стимулирования совместного творчества.

Перейдем к описанию специфики работы с интерактивной доской *Miro*, а также попытаемся предложить учителям английского языка разработанные нами упражнения и задания, выполняемые на уроке в условиях синхронной онлайн-среды.

Онлайн-доску *Miro* (*RealtimeBoard*) изобрел русский исследователь Андрей Хусид. Главным преимуществом онлайн-доски *Miro* является

отсутствие необходимости скачивать и устанавливать программу. Нужна лишь регистрация на сайте (и учителю, и учащимся), после которой учитель делится с учениками информацией о ссылке на его онлайн-доску.

Работая с онлайн-доской, можно применять различные функции и инструменты: использовать ручку и ластик, цветные стикеры, добавлять картинки (кстати, *Miro* обладает ускоренным поиском картинок и фотографий), прикреплять документы, целые учебные пособия или отдельные страницы из книг, видео; строить различные схемы, таблицы, ментальные карты; записать тексты, комментарии; общаться в чате; экспортить доски в формате *PDF*.

Остановимся на рассмотрении некоторых вариантов работы с виртуальной доской *Miro* на уроке английского языка в шестом классе. На содержание урока не должны оказывать влияние форма организации учебного процесса и использование интерактивных технологий [2, с. 42–50]. Построение урока английского языка с помощью онлайн-доски *Miro* предусматривает те же цели и задачи обучения, что и урок в обычных условиях школы.

Возьмем, например, тему «Еда», изучаемую в процессе овладения английским языком в 6 классе общеобразовательной школы. Этап обучения английскому языку – средний (II ступень общего среднего образования). Цель урока состоит в формировании лексических навыков.

В начале урока целесообразно предложить учащимся выполнить упражнение, целью которого является актуализация уже изученных лексических единиц. Данное упражнение выполняется методом мозгового штурма. На онлайн-доске *Miro* учитель открывает шаблон *Mindmapping*, затем предлагает ученикам вспомнить как можно больше продуктов и их названия на английском языке, изученные на предыдущих уроках, которые они запомнили, и записать их на онлайн-доске.

Можно разнообразить данное задание и придать ему игровой оттенок и соревновательный характер: разделить класс на команды; одна команда записывает названия только полезных для организма продуктов, другая составляет список вредных, но вкусных продуктов. Для повышения активности учащихся можно использовать таймер.

Развивающим языковую догадку заданием служит сочетание повторения ранее изученной лексики и знакомства с новой. Учащиеся должны объединить картинки, находящиеся на доске *Miro* с английскими словосочетаниями, например, *fresh butter, brown bread, sunflower oil, green grapes, apple juice, yellow cookies, chocolate candies, nut cake, chicken eggs, green cucumbers, Russian cheese, corn sticks, chicken sausages, tomato sauce, bitter chocolate, new potatoes, carbonated water, etc.*

Следующий этап урока – обсуждение цены продукта (формирование навыка говорения), нацеленное на закрепление новой лексики и повторение цифр, сочетая их со словом ‘рубль’. Подготовкой к этому упражнению служит использование виртуальной доски, где учитель помещает картинки с надписью их цены, которая закрыта стикером, чтобы ученики ее не видели. Учитель предлагает модель для ответа: *I think apple juice costs three rubles*. После того, как свое предположение высказали все учащиеся, учитель убирает стикеры, и ученики видят цены продуктов. Следует подчеркнуть, что все выполняемые учащимися упражнения строятся по принципу «от простого к сложному» и направлены на формирование лексических навыков и навыка говорения, на побуждение к речевым высказываниям.

Современная система образования претерпевает существенные изменения, обусловленные развитием различных информационных технологий и их возрастающим влиянием на все сферы деятельности человека. Они всё больше интегрируются в образовательную среду. Во многих странах при изучении новой темы или закреплении полученных знаний используются различные виды приложений, программ, онлайн-ресурсов, такие как *Kahoot*, *Socrative*, *Quizlet* и *Quizziz* [3, с. 61–66].

Кроме них в цифровой среде существует множество различных приложений, которые могут стать дополнительным помощником в изучении английского языка. Необходимо выбрать те, которые соответствуют уровню обученности школьников. Это значительно ускорит процесс изучения ими иностранного языка. Обучающие мобильные приложения продуктивны; их методически грамотное использование на занятиях по английскому языку не только помогает учащимся самостоятельно овладевать иноязычной лексикой, но и обуславливает развитие мотивации к изучению иностранного языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глотова, А. В. Онлайн-доска как средство организации групповой работы студентов на занятиях по иностранному языку в вузе в условиях электронного обучения / А. В. Глотова // Открытое образование. – 2020. – № 24 (4). – С. 56–66.
2. Ускова, О. А. Дистанционная форма обучения русскому языку как иностранному: проблемы и перспективы / О. А. Ускова, Л. В. Ипполитова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. – 2017. – № 5. – С. 42–50.
3. Срокань, В. И. Актуальность использования интернет-ресурсов в обучении иностранному языку / В. И. Срокань. // Концепт. Научно-методический электронный журнал. – 2017. – № 58. – С. 61–66.

А. А. ШИЛОВЕЦ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. А. Мартынюк

**МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ
СТАНДАРТНОГО БРИТАНСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ГРУППЫ PANIC! AT THE DISCO)**

Прослушивание песен на иностранном языке – это не только неотъемлемая часть повседневной жизни современного человека, но и эффективный инструмент усвоения иностранного языка. Так, исследования свидетельствуют о том, что музыкальное обучение благодаря ряду факторов, в том числе эмоциональной вовлеченности, усиливает нейронную обработку речи, что способствует формированию навыков и развитию умений иноязычной речи [1], в частности, прослушивание и последующее воспроизведение песен способно положительно сказаться на формировании у обучающихся стандартного британского произношения – *«Received Pronunciation»* (далее RP).

При этом следует отметить, что музыкальное обучение не всегда гарантирует положительный результат. Потому музыку следует считать «не универсальным решением, но эффективным вспомогательным инструментом, особенно при условии его разумного и целенаправленного применения в рамках коммуникативного подхода» [2, с. 126]. Так, прослушивание и бездумное повторение текста песен вслед за исполнителем вне анализа особенностей его речи не позволит должным образом использовать данный инструмент обучения. Следует помнить, что сами исполнители не всегда придерживаются строго британского произношения, кроме того у многих из них часто проявляются акцентные особенности, связанные с их происхождением. Также значительная часть популярных песен принадлежит американским исполнителям, что может вызвать затруднения в формировании британского акцента у обучающихся, невнимательных к особенностям произношения слов. Неменьшим препятствием является ритмический фактор, под влиянием которого ударение в словах или фразах может «сдвигаться», затрудняя таким образом развитие интуитивного чувства правильной постановки ударения у студентов. В этой статье на примере американской рок-группы *Panic! At the Disco* проиллюстрируем основные требующие внимания аспекты применения музыкального обучения при формировании стандартного британского произношения у изучающих английский язык.

Одной из главных отличительных черт стандартного американского акцента является чёткое и ярко выраженное произнесение звука [r] на конце слов, тогда как когда в RP, исключая феномен «связующего r», тот звук не произносится. Данный контраст особенно заметен в песне «Build God, Then We'll Talk». Так, строки «*Corner of 4th and Fremont Street*», «*Appealing only 'cause they are just that unappealing*», «*Right before your very...*», «*What a wonderful caricature of intimacy*», «*Tonight tenants range from a lawyer and a virgin*», «*There are no*» иллюстрируют феномен «связующего r» – произнесение буквы «r» в связной речи допускается, если следующее слово начинается с гласного звука. Однако внимание привлекают и следующие слова: «*substandard*», «*corner*», «*formaldehyde*», «*wonderful*», «*caricature*», «*attorney*», «*proposition*», в которых и наблюдается фонетическая разница между британским и американским вариантами английского языка – звук [r] произносится четко, что характерно для американского английского. Еще один из интересных моментов – использование слова *inside* в строке: «*Along with the people inside*», в данной позиции оно выполняет функцию обстоятельства, выраженного наречием, что, наряду с финальной позицией во фразе, напрямую влияет на его ударение: [ɪn'saɪd] – второстепенное ударение оказывается на первом слоге, а главное – на втором. Однако в случае изменения синтаксической роли, например употребления *inside* в качестве прилагательного прилагательное (например, *an inside pocket* ‘внутренний карман’), ударение смещается на первый слог: ['ɪnsaɪd] [3]. Учитывая, что ошибки в постановке ударения – довольно частая причина недопонимания в английском, подобный анализ с приведением примеров из других источников может значительно упростить формирование фонетических навыков. Также данной песней может быть проиллюстрировано различие в произнесении гласного звука, соответствующего букве «о»: в британском варианте он звучит коротко и открыто – [ɒ], тогда как в американском произносится долгий [ɑ:], в качестве примера можно привести слова *upon*, *compact*, где британский вариант произношения это [ə'pɒn] и ['kɒmpækɪt], в то время как для американского акцента стандартом будет являться замена фонемы [ɒ] звуком [ɑ:] [4]. Подобное расхождения в вариантах английского языка встречается и в других песнях, к примеру, в песне «*Time to dance*»: *hospital* ['ha:spɪtl], *shotgun* ['ʃa:tgln] и *posture* ['pa:stʃə]. Следует также отметить, что в данной песне возможно допустить ошибку в произнесении слова *dance*: стандартное британское подразумевает долгий открытый звук [ɑ:], тогда как в американское – полудолгий [æ]. Данное различие может быть проиллюстрировано и песней «*Death of a Bachelor*»: *laughter* ['læ:ftə], *ask* [æ:sk] и *after* ['æ:ftə].

В заключение следует сказать сказать, что музыка действительно способна стать одним из инструментов изучения иностранного языка за счет положительного влияния на мотивацию, упрощения восприятия иноязычной речи и привнесения элемента интерактивности в образовательный процесс [2]. Однако важно понимать, что музыка – инструмент, который может как помочь, так и навредить студентам, ориентированным на *Received Pronunciation*: музыкальные произведения подчиняются законам ритма, мелодики и стилистики, и произношение в них не всегда соответствует стандарту, а потому теоретический анализ фонетических феноменов является неотъемлемым этапом обучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Patel, A. D. Why would musical training benefit the neural encoding of speech? The OPERA hypothesis / A. D. Patel // *Frontiers in Psychology*. – 2011. – Vol. 2. – P. 195–208.
2. Salcedo, C. S. The effects of songs in the foreign language classroom on text recall and involuntary mental rehearsal / diss. ... doctor of philosophy / C. S. Salcedo ; Louisiana State University. – Baton Rouge, 2002. –183 p.
3. Word stress // Teaching English. – URL: <https://www.teachingenglish.org.uk/professional-development/teachers/knowing-subject/articles/word-stress> (date of access: 19.05.2025).
4. British and American English Pronunciation Differences // Web de Paco GómezWeb de Paco Gómez. – URL: <https://www.webpgomez.com/english/404-british-and-american-english-pronunciation-differences> (date of access: 19.05.2025).

К содержанию